

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛВАЗОВ

ФАВОРИТ. СОТНИК

Annotation

Русь конца семнадцатого века. Именно Русь, потому что Россия делится на несколько независимых государств: Русское царство, Новгородская и Псковская республики, Гетманщина на левобережье Днепра да земли донских казаков. Нашему современному довелось попасть в тело молодого стрельца. И вроде выпячиваться не хочет, да оно само как-то так происходит, не получается у него остаться незамеченным, хоть тресни. Да еще в интриги то и дело вливает. Оно вроде и с честью вывернулся, да только не все так просто. Ушел от одних, угодил под колпак другим. А на горизонте маячит поход в Крымское ханство, уж не одно столетие нависающее бичом над русскими землями. Молодой, энергичный и амбициозный государь, готовый вот-вот взойти на престол. Словом, весело, чего уж там. Просто обхочешься.

- [Константин Калбазов](#)

- - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
-

Константин Калбазов

Фаворит. Сотник

© Калбазов К. Г., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

Отступление

– Со-отня-а! Слушай мою команду! За-аряжа-ай! Це-эльсь! За-алпом!
Пали-и!

В ответ на команду раздался слитный грохот ста двадцати винтовок. Строй ненадолго заволокло белесой пеленой, которая тут же начала истаивать, поднимаемая вверх и сносимая в сторону. Оно бы глянуть, чего они там наворотили. Но некогда. Сотенный и не думает униматься:

– За-аряжай! Це-эльсь! За-алпом! Пали-и!

И снова винтовочный грохот. Не успевшая истаять до конца пелена становится более плотной и менее прозрачной. Никаких сомнений, еще пара-тройка залпов – и обзор окончательно заволочет дымом. Все же жаль, что бездымный порох, в отличие от черного, с кремневым замком куда более капризен и дает слишком большой процент осечек. Ну и дорог до безобразия. А то бы милое дело. Он и влаги практически не боится, и обзор не застит. Знай только бей раз за разом.

Впрочем, это так, досужие размышления, и не более. Пусть стрельцам, сосредоточившимся на своей работе, и некогда следить за противником, сотенный наблюдает за ним постоянно. Не успеть им сделать больше пары залпов. Дальше такая стрельба себя уже не оправдает.

Это на дистанции шесть сотен шагов пальба залпом вполне себе приемлема. Уже на трех сотнях ее эффективность резко падает. Как и снижается скорострельность. Зато эффективность разрозненного огня резко увеличивается. Проверено.

– За-аряжай! Це-эльсь! За-алпом! Пали-и!

Нет. Слишком быстро несутся татары, чтобы им трижды опрокинуться. Расстояние уже вполне приемлемое для прицельной стрельбы. Да и всадники уж вскидывают свои луки.

– Огонь по готовности, братцы! Да гляди мне, бей прицельно.

Иван вскинул свой карабин. Ремень привычно взялся враспор. Эх. Жаль, окопы не успели отрыть. С упора о бруствер куда ловчее было бы, чем с рук. А главное, устроить это нехитрое, но весьма эффективное земляное укрепление – никаких проблем. Саперная лопатка входит в снаряжение каждого стрельца. Да только кто же даст на это время. Иное дело, когда разбивают стоянку. Однако сейчас-то они на марше. Даже

рогатки составить времени нет. Только и того, что штыки примкнули. Ну да за неимением гербовой пишут на простой.

Хм. Кстати, царю-батюшке Дмитрию Васильевичу жутко понравилась идея с этой самой гербовой бумагой. Закон уж принят и семимильными шагами шествует по Русскому царству, ссыпая в казну копейки да полушки, сливающиеся в рубли и, чего уж там, тысячи. И это на сегодняшний день. А всего-то Ивану нужно было в присутствии Николая обронить старую как мир поговорку. Н-да. Для него старую.

Пока нет надобности в командах, Иван решил внести свою лепту. Быстро поймал в прицел несущегося на него всадника. Никакого упреждения не требуется. Лишь взять его в кружок — мушка сама, на интуитивном уровне, ловит его центр. Нажать на спуск.

В-выстрел! Есть! Татарин нелепо взмахнул руками, отбрасывая в сторону уже изготовленный лук, и откинулся на круп несущейся во весь опор лошади. Та от неожиданности потеряла равновесие, запнулась, присела на задние ноги и тут же полетела кубарем, увлекая за собой то ли убитого, то ли раненого всадника.

Потянуть защелку, открывая затвор. Теперь за шпильку вытянуть из патронника гильзу. Ее — в свободное гнездо патронаша. Подхватить другой патрон из соседнего гнезда. Вокруг уже грохочут разрозненные выстрелы. Действуя наощупь, Иван видит, как всадники один за другим валятся в иссохшую траву, под взбивающие пыль копыта накатывающей лавы.

— Гранатометчики! Гранатами! Огонь! Шевелись, братцы!

Наконец карабин заряжен. Время все еще есть. Карпов вновь вскидывает оружие. Выцеливает очередного татарина. Выстрел! Отлично! Еще одного снял. Чем больше врагов они подстрелят на подходе, тем меньше их доберется до строя. Хотя-а... Многовато их в этот раз. Правда, это вовсе не повод опускать руки.

Тем временем дюжина парней, по одному от каждого десятка, выкатились из строя и, оказавшись позади, изготовили особые гранаты. Они и размером чуть крупнее, и имеют кольца, чтобы крепить отрез тонкой веревки. Раскрутил такой подарочек, да и запустил куда как подальше, чем с руки. Ну и запал в них не обычный на четыре-пять секунд, а на девять-десять. Чиркнув колесиком кресала, нужно еще успеть закрутить и отправить в цель чугунный ребристый подарочек. Да и полет займет какое-то время.

Иван закинул кремневый карабин за спину, а оттуда в руки перекочевал пневматический. Воздушка, попросту говоря. Ее и в сотне все так называют. Вообще-то предполагалось, что она будет находиться в обозе

сотни, в офицерской повозке. Но Иван уже успел оценить ее скорострельность и точность на дистанции до двухсот шагов. При этом ее легкая девятив миллиметровая пуля гарантированно поражала хоть всадника, хоть лошадь. Благо доспехи у татар все же были редкостью несусветной. Ну и двадцать быстрых прицельных выстрелов дорогого стоят.

Ч-черт! Ну чего они тянут! Сотенный бросил взгляд на гранатометчиков. Вообще-то парни действовали весьма сноровисто. Прошло меньше десятка секунд, а они уже посыпали в полет свои увесистые снаряды. Да и до ближайшего всадника еще добрых две сотни шагов. Просто для Ивана время буквально несется вскачь.

Но... Вот именно что вскачь! Максимум еще по выстрелу, и дальше все. Глазом не успеешь моргнуть, как лава уже накатит на две жидкые шеренги стрельцов. Похоже, на этот раз татары решили обойтись без привычной карусели и попросту смять русских своей массой.

Господи, спаси и сохрани!

– Вторая полусотня! Гранаты к бою!

Выполняя свою же команду, Иван привычно пристроил воздушку на сгиб левой руки. Слышатся дублирующие команды полусотенного и взводных. Выхватил из подсумка ребристое яйцо. Сорвал берестяной колпачок. Готов.

В отдалении уже рвутся гостинцы, запущенные гранатометчиками. И парни вовсе не думают отлынивать. Недаром все же на тренировках слита не одна бочка пота. Не успели еще приземлиться первые подарочки, а они уже запускают в полет вторые. При этом привычно подправив прицел.

– Двумя гранатами! По номерам! Ого-онь!

Палец привычно чиркнул кресалом. Убедился, что из-под него появился легкий дымок от загоревшегося замедлителя. Замахнулся и пустил в полет чугунную смерть. Все же хорошо, что он не пожалел ни времени, ни усилий, ни затрат и изготовил достаточное количество белого пороха.

Гранаты начали рваться густо и часто, вздымая небольшие фонтаны пыли и травы, что не могло не сказаться на обзоре. А если бы сюда добавились еще и молочные клубы сгоревшего черного пороха, то тут уж совсем ничего не рассмотришь.

А так обзор практически не пострадал. И благодаря этому видно, что гранаты сделали-таки свое дело. Очень может быть, что сердца степных воинов переполняет отвага и они рвутся в бой, а вовсе не прочь от врага. Но вот лошадь – она поистине самое пугливое животное на свете. Ее

тонкая психика не в состоянии выдержать всего этого кошмара, наполненного пугающим грохотом.

Кони резко осаживают. Взбрыкивают. Вздыбливается. Причем делают все настолько рьяно и непредсказуемо, что всадники порой падают на землю. И это те, кто сидеть в седле учится раньше, чем ходить.

Пока стрельцы второй шеренги готовятся к повторной атаке гранатами, первая ведет огонь с колена. Неприятель, скучившийся шагах в семидесяти от них, сейчас представляет собой отличную мишень. Только успевай перезаряжаться.

Ну и еще – расставлять правильно приоритеты. Потому что некоторые всадники, совладав со своими четвероногими друзьями, все же вырываются из этой толчеи и бросаются на строй стрельцов.

– Перестроиться в каре! Гранатометчики, продолжать огонь гранатами!

– Первая полусотня, строиться в каре! – чуть не разом дублируют команду полусотенные.

– Первый взвод, ко мне! В две шеренги становись!

– Второй взвод, ко мне! В две шеренги становись!

– Третий взвод, ко мне! В две шеренги становись!

– Четвертый взвод! В две шеренги становись! – вторят офицерам сержанты.

Сотня на какое-то время рассыпалась, перемешалась, но очень скоро эта куча-мала начала приобретать стройный вид. Вообще-то авантюра чистой воды. Перестроить людей нужно было заранее. Это ведь не скоротечный налет пары сотен всадников, которые на полном скаку пускали свои стрелы с предельной дистанции. Конечно, попасть они могли только случайно, но, имея мишень в виде плотного строя, шансов у них куда больше. Да и проще уйти легкой татарской коннице от тяжелой русской.

Сейчас в атаке принимало участие не меньше нескольких тысяч татар. Очень может статься, что за этой атакой последует и самое настоящее сражение. Вот только Иван был уверен: построй он своих людей в каре заблаговременно, и не сбить ему напора на их строй. А там сотню попросту снесли бы. И на помощь рассчитывать не приходится. Они сейчас в боковом охранении, и до основных сил около полуверсты.

Так что шанс только один. Сбить атакующий темп перед своими порядками. А пока татары будут приходить в себя, успеть выставить каре. Риск, конечно, но, когда терять попросту нечего, будешь хвататься за самый мало-мальский шанс.

Иван вскинул воздушку. Баллон-приклад уперся в плечо. Взгляд

привычно выхватил кольцо прицела и свел с мушкой. Одновременно большой палец уже потянул курок.

Выстрел! Ладонь левой руки давит на поперечный затвор, отводя его в сторону. Пружина подает очередную полнотелую пулю формы тупоносого воланчика^[1] в калибранный паз. Отпустить затвор, и тот, подхватив смертоносный кусок свинца, занимает боевое положение. Палец уже взвел курок. Взгляд выискивает новую цель. Меньше двух секунд, и указательный палец тянет спусковой крючок. Приклад привычно и довольно увесисто толкает в плечо, посылая шесть граммов смерти в очередного врага.

Иван и сам не заметил, как расстрелял все двадцать пуль в трубчатом магазине. В баллоне воздуха еще на пару десятков полновесных выстрелов. Разве что стрелять придется на куда меньшую дистанцию. Вот только перезаряжаться сейчас некогда. От слова «совсем».

Взгляд охватывает картину боя. Ох и тяжко было поначалу и самому участвовать в бою, и оценивать обстановку, и раздавать команды. Ну да, слава богу, хотя бы первые столкновения случались на подготовленных позициях. А вот теперь постепенно втягивается. Хм. Или уже втянулся?

Тем временем перестроившиеся стрельцы открыли огонь. Первый взвод палит в противника перед собой. Второй и третий, расположившиеся на флангах, бьют по всадникам, обтекающим каре с боков. Командир четвертого взвода, прикрывающий тыл, снял один десяток и усилил первый взвод, выставив третью шеренгу.

Все как и отрабатывалось много раз на учениях. Правда, Иван все же надеялся, что до подобного не дойдет. Потому что каре может означать только то, что их дела очень плохи. Сотня – не то подразделение, чтобы сбивать подобный строй. Слишком мало стрелков.

Тем временем часть татар, остававшаяся перед стрельцами, навалилась на строй. Ну, во всяком случае, попыталась это сделать. Ивану ничего не оставалось, кроме как перезаряжать оружие и наблюдать за происходящим. Разве что постоянно ободрять парней, надсаживая горло. Кто бы что ни говорил, но уверенный голос командаира посреди боя для солдата дорогого стоит.

Вот один из всадников подскакал к строю, в упор разрядив свой лук. И чего было так приближаться? Горячка боя – она такая. Зачастую эмоции и адреналин полностью застят разум. В ответ на это один из стрельцов ткнул штыком лошадь в морду, заставив ее вздыбиться. Второй полоснул отточенной сталью по брюху, вспарывая как шкуру, так и натянутую струной подпругу. Лошадь огласила округу страшным в своей

безысходности ржанием. Всадник вместе с седлом повалился на землю. И тут же его достал третий стрелец, несмотря на тренировки, в сердцах вгоняя штык на полную длину.

Покончив с перезарядкой, Иван выхватил последнюю гранату и метнул ее за спины атакующих. Не дожидаясь взрыва, вскинул воздушку. И вновь не заметил, как расстрелял весь магазин. Все, она уже бесполезна.

Рванул из кобуры револьвер. Не ту трехзарядную голландскую бандуру, что была у него раньше, а собственного изготовления. Шестизарядный образец, являющийся куда более продвинутым продолжением небезызвестного револьвера Коллиера.

Шесть выстрелов. Револьвер в кобуре. Выхватить его близнеца. Еще шесть выстрелов.

Не сказать, что в воцарившемся вокруг хаосе каждая посланная им пуля нашла свою цель. Но все же Иван может поручиться, что ему удалось подстрелить минимум четверых. Если к ним прибавить еще и тех, кого он достал до этого. Это он славно так отмется на этой непонятной войне. И чего крымскому хану неймется? Дал бы спокойно уйти и поберег своих воинов. У русских такие небоевые потери, что только держись.

К тому моменту когда Иван наконец схватился за свой карабин с примкнутым штыком, татары уже подались восьмьми. Да только кто же их отпустит просто так! Зарядить патрон. Взвести курок. Поймать в прицел спину удаляющегося всадника. Потянуть спуск. Удовлетворенно отметить, что враг скатился вбок и повалился в степной ковыль. Все. Хватит забавляться. Если так и дальше пойдет, то никакого пороха и свинца не напасешься.

– Прекратить огонь! Полусотенным проверить личный состав и доложить о потерях! Восполнить боекомплект! Приготовиться продолжить движение!

Это они изрядно потрудились. Прямо-таки на славу. Шутка сказать, перед их позициями на разной дистанции лежит не меньше полутора сотен татар. Да в непосредственной близости от строя не меньше двух дюжин и с десяток лошадей.

– Сотенный, ну ты и дал. Ей-ей, думал, конец нам, – не без уважения произнес подошедший Фрол.

– А выхода иного не было. Либо мы заставили бы татар обтекать наш строй, либо они смели бы нас числом.

– Твоя правда. Но все одно рисково.

– Ну так остановил бы.

– Остановил бы, – с серьезным видом кивнул Фрол, – коли сам выход

видел бы. Я ведь против конницы все больше верхами привык, из-за повозок там или окопов наших. А вот так, в чистом поле, в первый раз.

Повозки – это да. Вообще-то вариант с применением повозок в качестве укрепления периметра очень даже отрабатывался. В том числе и на марше, уже в этом походе. Но в этот раз уж больно все быстро случилось, и места им в боевых порядках не нашлось. Да и решение применить тактический прием в этом бою у Ивана созрело молниеносно. Только того и успел, что приказать составить повозки в одну кучу позади строя.

- Всегда что-то случается в первый раз, – философски изрек Иван.
- Это точно. Ну что? Действуем как обычно? – наконец спросил Фрол.
- Давай. На твое усмотрение.
- Понял.

Копытов, казак возрастом за сорок, тут же побежал к своему боевому коню, на ходу выкрикная фамилии стрельцов. Ему виднее, кому нужно будет заняться грязной военной работой. И именно благодаря Фролу, несмотря на неудачный поход, они имеют все шансы вернуться в Москву с немалым прибыtkом. Хм. Ну еще и тому обстоятельству, что их сотню отчего-то постоянно выставляют в боевое охранение на флангах и не спешат оказывать помощь.

Казак в сотне занимал одновременно три должности. Инструктора по боевой подготовке, воспитателя и заместителя сотенного. Вообще-то все три должности для стрелецких полков диковинные. Есть сотник, это если из дворян; выходец из стрельцов, как Иван, зовется сотенным. Есть два полусотенных, эти дворянами случаются совсем уж редко. Если только в качестве какого наказания или родитель приставит воинскую науку постигать. Но тогда уж полусотник. А вот ни о каком заместителе, инструкторе и уж тем более воспитателе никто и слыхом не слыхивал.

Ну да это не его, Карпова, проблемы. И сотня у него непростая, и порядки тут особые. Поначалу таковая должность не планировалась. Но потом Ивану вдруг срочно потребовалось куда-то пристроить казака, изъявившего желание присоединиться к новому подразделению. Терять столь ценного ветерана не хотелось категорически.

Дюжина парней засеменила вслед за Копытовым, гордо восседавшим на своем коне. Впрочем, гурьбой бежали они недолго. Практически сразу рассыпались в цепь и двинулись вперед, без затей вгоняя свои штыки-тесаки в тела павших и раненых татар. Не сказать, что им это давалось легко, но приказ выполняли четко. Фрол точно знал, кому именно нужно вправлять мозги.

Сейчас проведут контроль, а на обратном пути проверят тела на предмет серебра и стоящего оружия. С первым, скорее всего, будет пусто. Татары шли на войну, а потому деньги им ни к чему. Дорогое оружие, несмотря на расхожее мнение, у крымцев все же редкость. Так что, как и в прошлый раз, трофеи будут достаточно скромными.

Если только лошади. Но и эти по большей части были средненькими. В лучшем случае, может, рублей по десять и удастся пристроить. Если какая лошадка подешевле, так Фрол и возиться не станет. Даже седла не будет снимать. Разве что попадется что-то действительно стоящее, остальное их не интересует. А то эдак нахватаешь всякого-разного, а потом будешь стоять и чесать репу над целой горой добра.

Иван окинул взглядом картину перед основной армией. Н-да. А ведь его сотня отличилась. Да еще как. На все полки не наберется стольких убитых, сколько на его парней. К тому же есть еще и раненые, что смогли уйти. При местном уровне медицины, и уж тем более у татар, не менее трети погибнет или перейдет на инвалидность. Так что потери татар выйдут весьма существенными.

– Сотенный Карпов! – послышался молодой и задорный голос.

– Тут я. Чего орешь как оглашенный? – откликнулся Иван, окидывая недовольным взглядом вестового, восседающего на лошади.

– Приказ от боярина Голицына – продолжить движение, – подбоченившись, пафосно произнес молодой паренек.

– Сейчас, приведем себя в порядок и двинемся, – ответил Иван.

При этом он совершенно равнодушно отвинтил опустошенный баллон-приклад и заменил на полный. Денщик потом накачает, а при оружии на всякий случай нужно бы иметь заправленный. Вот так. И в офицерскую повозку его. Носить на себе... Нет уж, увольте. И без того нагружено изрядно, а на дворе жаркое лето. Туда же, в повозку, использованные гильзы, вечером снаряжит. В патронташах должны быть только готовые к бою патроны.

Кстати. А где Данилка? Ага. Вон он. Порядок. При деле его денщик. Вместе с другими нестроевыми оказывает помощь раненым. Это еще одна отличительная черта их сотни. Есть и лекарь. Вернее, подлекарь, Павел Рудаков, увязавшийся за Иваном в поход. При нем пара санитаров, исполняющих также роль обозников. Наличествует старшина с каптенармусом и поваром. Ну и денщик сотенного.

По мере надобности все нестроевые переквалифицируются в санитаров. В здешних армиях вообще забота о раненых либо предоставляется им самим, либо возлагается на их друзей. Причем если

нужен лекарь, то таковой, возможно, и найдется при армии, но бесплатно оказывать помощь не станет. Вот такие реалии.

Что же до повара, то у него только одна задача. Небо обрушится на землю, сама твердь уйдет из-под ног, но еда должна быть приготовлена вовремя. А в баке для питья – всегда наличествовать кипяченая вода. Все остальное его не касается. И толк от этого был. В сотне были зафиксированы лишь единичные случаи поноса, что вполне естественно. А вот о массовом характере говорить не приходится. И это откровенно всех удивляло. Потому как животами маялось все войско.

– Чего стоишь, буркала вытаращил? – обратился Иван к вестовому.

Тот все еще был рядом, и его буквально распирало от возмущения. Как же, целый боярин отдал приказ, а этот стрелец даже не почесался. Похоже, из дворянчиков. Хочется выслужиться перед именитым начальником. Ну, может, еще и голова забита всячими бреднями, столь свойственными юношам.

– Сотенный, – выделяя его звание, указывающее на недворянское происхождение, начал вестовой, – тебе что, слово боярина не указ?

– Не понял.

– Чего ты не понял, мужик-лапотник? – уже начал закипать дворянчик.

– Во-первых, лапотников ищи на пашне, а не в Стрелецкой слободе. А во-вторых, ты кто такой, чтобы тут голос повышать? Весть передал. Я принял. На этом все. Пшел прочь, пока не зашиб ненароком!

Вот никаких сомнений, что все передаст своему покровителю. Да только... Шалишь! Ивана вот так, без соли, не сожрешь. Хоть бы поинтересовался, что это за такая отдельная Измайловская стрелецкая сотня. Любопытство – оно ведь не всегда порок. Порой помогает избежать множества неприятностей.

Карпов проводил взглядом вестового и бросил взгляд в сторону войска. Усомнился. Потом вскинул к глазам трубу. Ага. Так и есть. Армия уже пришла в движение. Впрочем, чему тут удивляться. Они и в бой-то по-хорошему вступить не успели. Дали дружный залп, вот татары и повернули восвояси. Очень может быть, что испугались такой же горячей встречи, как у измайловцев.

– Докладывайте, – наконец обратился Иван к собравшимся офицерам.

Копытова, конечно, нет, ну да это не беда. Он сейчас тоже не бездельничает. Нужно побыстрее закругляться и выдвигаться в поход. Вот только получится ли?

– Первая полусотня. Первый взвод – трое убиты, двое ранены. Второй взвод – трое ранены.

– Вторая полусотня. Третий взвод – двое ранены. Четвертый взвод – четверо ранены, один убит.

Ага. Ну, тут все понятно. Первому взводу досталось на орехи, потому как он оказался на направлении главного удара. В четвертом, скорее всего, это результат того, что полусотенный направил один десяток в помощь первому.

Погуляли, йолки! До сегодняшнего дня как-то обходились без потерь. Даже заболевших не было. Отбили несколько атак. Но и там все слава богу. Потому как не ленились и каждый раз вдумчиво готовили позиции. Даже волчьими ямами не пренебрегали. Благо в шанцевом инструменте недостатка не наблюдалось. Ну, не ленились вообще-то командиры, вдохновляемые на подвиги сотенным. Но зато теперь все могут ощутить разницу.

– Павел Валентинович? – Иван перевел взгляд на подлеца.

А то как же! В его роте он на положении офицера. Участвует во всех советах, имеет полноценное право голоса и даже может выдвигать свои требования. Без фанатизма, конечно, но все же.

– Ну, раненых не одиннадцать, а больше. Полусотенные не учли царапины.

– Если ты не против, я их также не стану учитывать, – пожал плечами Иван.

– В данных условиях любая царапина может воспалиться и перерости в нечто весьма серьезное, – едва ли не назидательно произнес подлец.

При этом Карпов посмотрел на него так, словно хотел спросить, давно ли тот стал столь ответственно относиться к антисептике. И через кого вообще у него зародились в голове подобные мысли.

– И тем не менее это все в рабочем порядке, – покачав головой, возразил Иван.

А и то. Стрельцы проходят курс оказания первой медицинской помощи и ухода за ранами. В сотне введены драконовские меры в плане санитарии. И если после всего этого кто-то умудрится довести простой порез до чего-то серьезного, то грош цена их усилиям.

– Ясно, – с легкой толикой недовольства отозвался лекарь.

Это Иван сейчас машет рукой. А случись проблема на ровном месте, за недогляд непременно спросит с Рудакова. Причем строго. Они об этом уговорились еще перед тем, как Павел присоединился к сотне. Ну да кто же ему виноват, пусть держит руку на пульсе.

– Итак, по существу, – продолжил Рудаков. – Из одиннадцати семеро имеют легкие ранения. Наложу швы, установлю дренажи, и дальше только

качественная перевязка. Четверо тяжелые. Один, скорее всего, обречен. Стрела пробила грудь. Все в руках Господа.

Это да. Местные медики даже не пытаются проводить операции на грудной и брюшной полости. Для них это попросту закрытая книга. Максимум, на что они способны, – это выковырять зондом инородный предмет и молиться, чтобы организм сам справился со свалившейся напастью. Даже Павел при всех своих передовых взглядах и смелых операциях не брался за подобное.

– У одного сломана рука, – продолжил подлекарь. – Надеюсь, мне удастся сложить кости как надо. У двоих ранения в плечо. Бойцы никакие, только если уж от полного отчаяния, но, если не случится ничего неожиданного, жизнь вне опасности.

– Калеками не останутся? – уточнил Иван.

– По всему видать, ни суставы, ни жилы не задеты. Так что, по моему разумению, они встанут в строй.

– Через сколько будешь готов продолжить движение?

– Час, никак не меньше. Сейчас начнем ставить санитарную палатку.

Вот так вот. Все по-взрослому. Никаких операций на свежем воздухе. Палатка, марлевый полог, чтобы никакая бяка не залетела, выстланный чистой парусиной пол, промытый спиртом лакированный походный стол. Под санитарное имущество вообще выделена отдельная повозка.

– Ясно, Павел Валентинович. Можешь идти. Итак, друзья, есть команда боярина Голицына выдвигаться немедля, – обернулся он к полусотенным. – Но бросать раненых одних мы не можем. А потому поступим так. Первая полусотня остается с Рудаковым и хоронит павших. Потом догоните нас на стоянке. Ну а я со второй выдвигаюсь дальше.

– Ясно, – ответил командир первой полусотни Гуляев, крепыш лет двадцати пяти.

– Понятно, – поддержал его Кузнецов, второй полусотенный.

– Вот и ладно. За дело.

Ну наконец-то он остался один. Иван извлек из повозки походный складной стол. Разложил на нем принадлежности. Затем выставил стул и смог расслабить гудящие ноги. Уже полдня их сбивает, к тому же сказывается нервное напряжение. Но теперь все позади. Во всяком случае, на сегодня.

В повторную атаку татар откровенно не верилось. Даже когда они налетали мелкими отрядами, никогда не били в одном и том же месте. А уж получив такую серьезную затрещину, так и подавно успокоятся до конца дня. Тут ведь еще какое дело. Русская армия откатывалась по Дикому полю,

прочь от границ Крымского ханства.

Как уже говорилось, даже эту атаку кроме как глупостью не назвать. В ней попросту не было никакого смысла. Для полона вполне хватало отбившихся одиночек и отставших групп или даже целых подразделений. Так что татары могли найти куда менее зубатую добычу. А что для них основная добыча в русских землях? Правильно, рабы.

Закончил снаряжать барабан первого револьвера. Протер спиртом кресало и полку. Взялся за второй. Возня с оружием отвлекала и вносила некое успокоение. Думать о первых потерях в сотне не хотелось. Хм. Надо будет в качестве поощрения изготовить и подарить своим офицерам по такому же револьверу. А Фролу – обязательно пару. А что? Награда – всем наградам награда. Таких образцов тут еще лет эдак сто двадцать семь не будет. В смысле не было бы, так как теперь-то вот они, и другие будут.

Откуда Иван это знает? Есть причины. Хотя бы та, что он не имеет никакого отношения ни к этому миру, ни к этому времени. Именно так. Очень схоже с прошлым его мира, но в то же время хватает и отличий. К примеру, взять то простое обстоятельство, что сейчас идет тысяча шестьсот девяносто второй год от Рождества Христова. Объединенное русское государство по факту отсутствует. А на московском престоле восседает Рюрикович.

Ну а если поподробнее...

Началось это три года назад. Тогда Иван был не молодым человеком двадцати лет отроду, а взрослым сорокатрехлетним мужиком, комфортно чувствовавшим себя в родном двадцать первом веке. Милионами не ворочал... Хотя-а... Если в рублях, то вполне себе был миллионером. Впрочем, в России это средний класс.

Так вот. Если коротко, то у Рогозина Ивана Степановича за плечами были две чеченские, причем на вторую он попал осознанно, подписав контракт, будучи при этом уже предпринимателем средней руки. Была в нем эдакая авантюрная жилка. Впоследствии нашел некую отдушину в фантастических книгах, путешествиях по необъятным просторам родины. Хотелось острых ощущений. А еще отыскивать и нарабатывать, казалось бы, совершенно бесполезные в двадцать первом веке знания и навыки.

Кроме этого, Рогозин организовал мастерскую, где занимался собственноручным изготовлением всего подряд, от обычного черного пороха до булатных клинов. Ну скучно было мужику, вот и трудился в свое удовольствие, создав для этого ООО «Самоделкин». Предприятие едва-едва балансировало на грани рентабельности. Не бизнес, а одно сплошное развлечение, хобби и отдушина. А что такого? Это куда

предпочтительнее, чем спиваться, сваливаться в наркоту или просаживать миллионы за карточным столом в течение одной ночи. А что до семьи, то она не бедствовала. Средства поступали из других источников.

А потом случилось ДТП. По всему Иван должен был погибнуть. Но каким-то непостижимым образом его сознание перекочевало в тело семнадцатилетнего паренька, некоего Карпова Ивана Архиповича. На него в тот момент свалилась сосулька и вышибла из тела дух. И судя по тому, что Иван без труда пользовался памятью прежнего владельца тела, но не чувствовал самого юношу, это именно так.

Так что, прочитав больше сотни книг про так называемых попаданцев, он и сам оказался в его роли. Именно благодаря этим книгам он и воспринял данное обстоятельство вполне адекватно. Оказалось в допетровской России с его багажом знаний... Да он должен был все тут перевернуть вверх дном!

Н-да. Незадача. Ничего-то у него не вышло. Мало того, первая же попытка получить литой булат и поправить материальное положение семьи едва не закончилась для его отца рабством. Ну да, отца. А кого же еще-то. Не получается отделить себя и жить на особыцу. Так что и батюшка, и матушка, и брат с сестрицами имеются.

Правда, когда он уж решил, что пришла пора слегка эдак развернуть плечи, Архип, это батюшка, значит, удружил Ивану на ровном месте. Записал его по наследственному праву в стрельцы. Нет, отец-то думал, что облагодетельствовал сыночка, а на деле попросту подложил свинью.

Но не сказать, что ситуация была столь уж безнадежной. Иван сумел-таки построить мастерскую, которой сегодня полностью заведовал его отец. Привнес кое-какие новинки, а сбережение их тайны полностью повесил на плечи отца. И тот, надо сказать, справлялся вполне неплохо.

Вдобавок ко всему парень еще и умудрился стать полюбовником родной сестры царя, тетки цесаревича. В смысле это княгиня Ирина Хованская заприметила молоденького и ладного стрельца. Заслуги Ивана тут не было никакой. Он просто воспользовался ситуацией и обзавелся весьма и весьма важной покровительницей.

А вот золото на Урале для казны – это уже его заслуга. Благодаря Ивану же удалось раскрыть заговор иезуитов. Потом еще пришлось отправляться в Великое княжество Литовское за дополнительными сведениями. Н-да. Отметились там не лучшим образом. Впрочем, они с Фроловым никого не убивали, тот ректор сам себя порешил. Ну да чего теперь-то.

При всем при этом фаворитом великой княгини Хованской Иван так и

не стал. Любовником, или даже любимым мужчиной, от которого она родила дочь, – да. Но только и всего. К примеру, от его мыслей по поводу реформирования налоговой системы Русского царства она попросту отмахнулась, мол, не твоего ума дело.

Оно-то так, да только те записи случайно попали на глаза цесаревичу Николаю. Тот же, жаждавший великих свершений, славы и просто переполняемый кипучей энергией, не смог не обратить внимания на выкладки Ивана.

Правда, рассудил по-своему и попросту решил слегка упорядочить налоговую систему. Иван предлагал ввести послабления для народа, торговли и промышленников, а в результате их налоговое бремя, наоборот, усилилось. Вот так. Хотел как лучше, а теперь надо помалкивать, что имеет к этому хоть какое-то отношение. Узнают – порвут в клочья. Он-то не наследник престола. А прецеденты такие на Руси случались.

Но польза от близкого знакомства с Николаем все же вышла. В самом начале, еще до знакомства с княгиней, Иван хотел просто обзавестись стоящим оружием. Ну, коль скоро так вышло, что он оказался в стрельцах, так пусть хотя бы оружие в руках будет нормальное.

Сойдясь же с Хованской, задался целью пойти дальше – набрать себе десяток молодых ребят и стать их командиром. А отчего бы и нет, коль скоро есть такая возможность. Десяток подготовленных и снаряженных бойцов в подчинении увеличивает шансы на выживание. А то реалии современного боя его нисколько не вдохновляли.

И великая княгиня не разочаровала. Мало того, его десяток еще и оказался на привилегированном положении, что позволяло избежать общего строя. И тогда Иван выложился целиком и без остатка. Они с отцом изготовили для всего десятка нарезные, казнозарядные карабины и иное снаряжение.

Уже очень скоро парни сумели проявить себя с наилучшей стороны. Обнаружив на Урале золото, им пришлось разогнать банду русских разбойников и отправившийся в набег отряд башкир. Причем получилось это настолько впечатляюще, что наследник престола не обошел их своим вниманием.

Цесаревич решил устроить состязания между лучшим десятком своих потешных и десятком Карпова. Вообще-то Иван считал, что они раскатают преображенцев под орех. Но на деле все оказалось слегка не так.

Все же, что ни говори, на плацу потешных гоняли и в хвост и в гризу. А потому и шеренга, идущая в атаку, у цесаревичевых птенцов была ровнее, и выглядели они куда молодцеватей. Правда, когда дело дошло до

залповой стрельбы, стрельцы оказались вне конкуренции.

Иван настоял на том, чтобы огонь велся не просто в чистом поле, а по импровизированному строю противника. И эффективность стрельбы десятка Карпова просто не могла не проявиться. Еще бы, коль скоро не наблюдалось ни единого промаха, причем не в сплошной щит, изображающий строй противника. Его парни вели скорый огонь в конкретно обозначенные мишени. И это при том, что стреляли с дистанции сто пятьдесят шагов.

Впрочем, фаворит цесаревича Гастон де Вержи весомо указал на то, что это штуцеры, и за те же деньги можно получить вдвое больше ружей, а соответственно, и уронять скорострельность. И не смог удержаться от укола, помянув, что если это будут ружья мастерской Карпова, то их получится втрое больше, а значит, и скорострельность возрастет. Точность, конечно, значительно ниже. Но зато вместо одного десятка бойцов можно получить целых три.

И как бы это дико ни звучало, его слова не были лишены смысла. Существующая тактика заключалась в скорострельности, плотности залпа и быстром доведении боя до рукопашной. И Николай был убежден в незыблемости этого постулата.

Но в ближнем бою преображенцам пришлось ой как несладко. Хорошо хоть Иван настоял на том, чтобы штыки остались в ножнах, да еще и тряпками их обмотали. Потому как парней так раздосадовали непрекращающиеся насмешки, что едва до беды не дошло.

Нет, дело вовсе не в том, что штык в этом мире не был известен. Как раз наоборот. И речь вовсе не о багинете, а именно о трубчатом штыке. Французская армия уже несколько лет как пользовала это оружие. И, разумеется, француз де Вержи не мог не привнести его в полк, находящийся под его командованием.

Но тут уж оказались такие факторы, как умение стрельцов пользоваться бердышами, и, соответственно, нанесение не только колючих, но и рубящих ударов. Ну и саму науку штыкового боя Иван знал гораздо лучше. И причина вовсе не в том, что он служил в армии будущего. Как раз там-то этому, считай, и не учили.

Это все благодаря его увлечению. Ну грешно было, изготавливая кремневые ружья со штыками, не овладеть соответствующими приемами. Зачем? Просто было интересно, вот и все. Так что и читано об этом было изрядно, и потренировался он в том деле солидно. А потому и парней обучил на славу.

Легкая пробежка на три версты, предложенная Иваном, также показала

превосходство стрельцов. А затеянный на следующий день поход выявил и куда большую выносливость. За день они преодолели расстояние в сорок верст. Причем после этого были в состоянии вступить в бой, а не повалиться в изнеможении на землю, едва пройдя тридцатую версту. А и то, погода оставляет желать лучшего, грязи хватает. Такой переход не может даться легко по определению.

Как итог нашлись и положительные, и отрицательные моменты. Выступивший в роли третейского судьи Николай признал результат соревнований ничейным. Но, к удивлению Карпова, все же оказался человеком вполне прозорливым.

Десятник не смог состязаться в красноречии с де Вержи, расписывавшим превосходство преподаваемой им тактики. Тем не менее цесаревич отдал должное как скорострельности, так и точности огня новомодных стрельцов. Принял он во внимание и слова Ивана относительно их задачи выбивать как можно большее число врагов на значительном расстоянии.

Николай даже загорелся идеей создать новый полк. Но царь-батюшка уже косо поглядывал на сыночка из-за его потешных. Что уж говорить о новом полку. Правда, царь все же не смог устоять, когда Ирина попросила у него разрешения снарядить отдельную Измайловскую сотню на свои средства. Так сказать, создать личную гвардию. Любил Дмитрий Первый сестру, что тут скажешь. А еще ни мгновения не сомневался: случись – и она не задумываясь двинет тех стрельцов на защиту цесаревича.

Ирина же, с одной стороны, решила потрафить племяннику. Пусть тот в ней души не чает, лишним не будет. С другой – полюбовник ее и впрямь кое-что смыслил в военном деле. О том ей докладывал верный Матвей. Вот и посмотрит, а ну как и впрямь что дельное выйдет на пользу Русскому царству.

Снаряжение даже одной сотни оказалось делом весьма затратным. Шутка сказать, экипировка стрельца обходилась в пятьдесят рублей против двадцати для снаряжения в обычном полку. Причем это если давать ему в руки дорогую кремневую пищаль. С фитильной выходило двенадцать рубликов.

Иван ничуть не стеснялся в запросах и сбавлять даже не думал. А что такого? Если есть возможность оказаться под охраной сотни штыков вместо десятка, то отчего бы и нет? Тем более при яростной поддержке наследника. В связи с подготовкой к военному походу казна изрядно растряслася мошну семейства Карповых, так что серьезный заказ никак не помешает.

Ивана вполне устраивало, что, идя навстречу цесаревичу, княгиня решила ограничиться только одной сотней, пусть и увеличенного состава. Всего в новом подразделении по штату насчитывалось сто тридцать пять человек, из них шесть нестроевых, включая старшину.

Во-первых, подготовку сразу целого полка ему не потянуть. И вообще, из него полковник – как из свиньи балерина. Тут бы сотне ума дать. Тем более что предполагалось участие измайловцев в походе. А то как же, такие деньжищи отвалили и что, вот так просто позволить их проедать?

Во-вторых, мастерская – она и есть мастерская. Пусть и продвинутая, по нынешним меркам. Не управиться было Архипу до конца апреля. Уж больно крупные заказы на него свалились. А именно к этому времени планировалось выступление полков из Москвы. Ведь даже если позабыть о царевом заказе, смастерить нужно не только винтовки, но и иное снаряжение.

По здравом рассуждении и памятуя о полученном на Урале опыте, Иван отказался от вооружения бойцов карабинами. Все же в сегодняшние дни конница даже в европейских армиях все еще составляла существенную часть. А уж о татарах и говорить не приходится. Вот и получилась винтовка длиной полтора метра. Со штыком-тесаком уже выходило около метра девяноста.

Но карабины в сотне он все же оставил. Ими вооружались штуцерники и гранатометчики, по одному стрельцу на десяток. Первым было куда удобнее с укороченным вариантом, тем более в случае выдвижения на скрытые позиции. Вторым и без того приходилось носить по шесть гранат. Да и при метании массивная винтовка была слишком большой помехой.

Также карабины были на вооружении у сержантов, командовавших взводами, и у офицеров. Нет, понятно, что пищали в армии – это, по сути, оружие рядового состава. Но Иван придерживался иного мнения и считал, что командиры должны иметь в руках серьезное оружие, а не пару пистолетов, польза от которых только в ближнем бою и есть.

Сам Иван, кроме всего прочего, предпочитал иметь при себе еще и воздушку. Правда, та все время находилась в повозке и извлекалась оттуда только в случае появления неприятеля. Впрочем, об этом уже говорилось.

Помимо винтовки в снаряжение и вооружение стрельца входила саперная лопатка, выполняющая еще и роль топора. На ее изготовление шла самая настоящая сталь, причем хорошего качества. Не копеечное изделие, чего уж там. Да и в рукопашной очень даже действенное. Пусть пока никому из парней и не довелось ее использовать.

Кожаная портупея с тремя подсумками. В одном находились две

гранаты. В двух других – полсотни патронов. Еще два десятка в газырях на груди. Эти исключали лишние движения при перезарядке и предназначались для скорой стрельбы. Также на поясе медная фляжка непременно с кипяченой водой.

За нарушение этого условия незамедлительно следовало наказание. Причем не только стрельцу, но и десятнику, которому придется надзирать за строевой подготовкой нездачливого подчиненного. Ну а тому зачастую обидно, поэтому он вовлекает в это веселье весь десяток.

Вещмешок, не имеющий ничего общего с известными здесь котомками с лямками из обычной веревки. Эти были продуманы и, хотя изготавливались из парусины, имели даже полумягкий каркас со стороны спины. С помощью нескольких кожаных ремешков крепилось различное имущество.

К примеру, четыре составные жерди длиной в локоть каждая. С их помощью можно было как устроить палатку, так и собрать легкую рогатку. Не сказать, что увязанное из них заграждение столь уж неодолимо. Но непременно заставит всадника остановиться и подставитьсь под выстрел или вынудит его отвернуть.

На вещмешке крепилась плащ-палатка из тонкой парусины. Ее пользу стрельцы уже успели прочувствовать на собственной шкуре. Еще бы. Ведь из нескольких кусков вполне возможно собрать самую настоящую палатку и переждать непогоду или поспать, укрывшись от пронизывающего ветра.

Не забыл Иван и про длиннополые кафтаны. Они тут в роли эдакой шинели. В поход-то выступали, когда еще было достаточно холодно. А летом куда их девать? Обрастать обозом? Вот уж не нужно такой радости. Поэтому собирался каftан в скатку и крепился, огибая по верху все тот же вещмешок. С одной стороны, получалось громоздко. Зато с другой – скинул лямки, и тут же налегке в бой.

Ну и в довершение медный котелок, причем с крышкой и хранящейся внутри медной кружкой. Только эта пара предметов лишь по весу меди тянула на тридцать копеек. Но пользу их переоценить сложно.

Полная экипировка стрельца составляла полтора пуда. И с полной выкладкой он должен был за день преодолеть походным маршем добрых три десятка верст. Ускоренным – так все сорок. Тяжко, не без того. Но то было на тренировках. С выступлением же армии в поход стрельцы Измайловской сотни просто прохлаждались. Шутка сказать, за день им доводилось преодолеть всего-то десять – двенадцать верст.

Мобильность сотни в немалой степени увеличилась благодаря полевой кухне. Она существенно экономила время, так как пища готовилась, пока

стрельцы были на марше. Впрочем, для этого похода ввиду его медлительности преимущество несущественное. А вот что имело поистине важнейшее значение, так это отсутствие у людей Ивана каких-либо кишечных заболеваний.

Все же централизованное питание, санитарные меры и регулярное наблюдение у лекаря сделали свое дело. Сегодня вся армия маялась животами. Едва ли не четверть воинов уже нашли свой конец в степи или, став жертвами болезней, отстали и угодили в полон. Измайловцы же полностью сохраняли боеспособность, и первые настоящие потери случились только сегодня...

Сборы получились недолгими. Не прошло и пяти минут, как вторая полусотня уже была готова продолжить движение. Молодые и ладные парни построились повзводно в походном строю в колонну по четыре и начали движение.

Молодость – вообще отличительная черта их сотни. Иван специально настоял на том, чтобы отбирать молодых и холостых. Нет, он вовсе не думал о том, чтобы не осталось обездоленных семей.

Если на то пошло, то он верил, что его сотня понесет самые скромные потери. Просто помнил, чем обернулся поход Голицына на Крым. Хотя его не отпускало ощущение, что в его мире тот вроде как случился пораньше. Ну да чему тут удивляться, другой мир – он и есть другой.

Иvana заботило иное. Молодых куда проще обучить и даже переучить, чем ломать ветерана. У него воинские ухватки уже въелись в кровь, а все новое встречает неизменный протест, основанный на многолетнем опыте. На Руси вообще с новым извечная проблема. Уж это-то в обоих мирах неизменно.

К тому же в сотне существовал запрет на женитьбу до двадцати семи лет. Учитывая, что самому старшему стукнуло двадцать четыре, у Ивана было три года на то, чтобы добиться от стрельцов максимальной самоотдачи. Все же семья и уж тем более дети накладывают свой отпечаток и меняют отношение человека к жизни и к службе в том числе.

Как ни хотелось продолжить путь в повозке, Иван предпочел соскочить и присоединиться к полусотне в пешем марше. Не стоит пренебрегать такой малостью, которая оборачивается лишним плюсом в глазах подчиненных.

Бросил взгляд направо. Ага. Рассмотрели и установленную палатку, и колышущийся над ней белый флаг с красным крестом. Впрочем, даже если бы не было палатки, раненые все одно потянулись бы к его сотне. А куда им еще податься? Хорошо как среди своих найдется сведущий в лекарском

деле. А как быть, если такого нет? Рудаков же помогал всем. Причем делал это совершенно бесплатно.

Признаться, Иван поначалу пытался, как перегретый самовар. Что ни говори, но и лекаря, и все его снаряжение он тащил в поход исключительно ради своих стрельцов. Но, поразмыслив, все же решил наступить на горло своей жабе. В конце концов Рудакову не помешает обширная практика. И пусть он сегодня израсходует медикаменты и перевязочный материал на посторонних людей, это позволит ему обогатиться опытом. Так что лучше уж он будет учиться на чужих.

Как и предполагалось, до места стоянки добираться оказалось недалеко, пусть и несколько растянуто по времени. Их обычая скорость четыре версты в час здесь оказалась невостребованной. Они даже пообещали успеть, чтобы не вырываться вперед. Правда, кухню пришлось отправлять обратно, кормить отставших. Отдалились от места стычки верст на пять и, все так же оставаясь в боковом охранении, начали разбивать лагерь.

Парни с матерком брались за лопатки и, поплевав на ладони, вгрызались в неподатливую землю. Работать пришлось, что называется, за себя и за того парня, половина сотни сейчас хорошо как только на подъезде.

Когда первая полусотня наконец подошла к стоянке, все было закончено. Им оставалось составить свои рогатки из палаточных жердей и замкнуть периметр перед бруствером окопов.

Нет, Иван вовсе не собирался отрывать окопы полного профиля. В этом нет никакой необходимости. Вполне достаточно и для стрельбы с колена. Правда, от этого земляных работ меньше не становилось. Сначала квадратный периметр из окопов. Потом еще два квадрата с траншеями и небольшими валами. Препятствие для всадника никакое. Но выкопанные на определенном расстоянии, они все же исключали взятие этого заграждения с ходу. Далее пусть и жидкые, но все же рогатки.

Словом, противник вполне качественно замедлялся и подставлялся под выстрелы. Если же находились горячие головы... Ну что тут скажешь. Этих идиотов и не жалко вовсе, а вот лошадок очень даже. Ведь потом стрельцам приходилось их добивать.

Кстати, с момента начала отступления их солонина оставалась совершенно нетронутой. Подумаешь, конина не идет ни в какое сравнение с говядиной. Это смотря с чем сравнивать. Если с той же солониной, то она значительно проигрывала свежатине.

– Здрав будь, сотенный, – задорно поздоровался Фрол, спрыгивая с седла.

– И тебе не хворать. Давно не виделись. Ты чего это тут учудил, Фрол Емельянович? Нешто столько знатных лошадей подобралось? – недоуменно рассматривая чуть ли не с дюжину лошадей, поинтересовался Иван.

– Да так себе коняги. Не сказать что клячи, но и не из дешевых, – с кислой миной ответил казак.

– Ну и к чему нам с такой обузой возиться?

– А то ты Павла Валентиновича поспрошай. Не на горбу же нам тащить всех тех раненых, что он по доброте душевной подобрал.

– Та-ак. Рудаков, значит, – наконец рассмотрев укрепленные между лошадьми носилки с ранеными, констатировал очевидное Иван.

– Он, – тут же перекинул все на подлекаря казак. – Сам ить знаешь, стоит только нашей санитарной палатке встать, как к ней тут же начинают тянуться увечные. Ну а тут шестерых принесли. Здорово им стрелами досталось. Ну, Павел Валентинович и говорит, давай, Фрол Емельянович, думай, как вывозить страдальцев станем.

– А кроме нас, позаботиться о бедолагах, значит, некому?

– Отчего же, есть. Да только лекарь наш сказывает, не набегаться ему к тем раненым, а они тяжелые, ухода особого требуют. Ну иль сразу добить и в землю. Вот так вот.

– А сам-то где?

– Да там в полку Федора Лопухина болячка какая-то объявилась. Вот и пошел наш лекарь глянуть, что за хворь такая.

– Один?

– Чего это один? Я с ним четырех стрельцов при десятнике отправил.

– Вот же неугомонный. Оно ему надо? Ведь на всю армию ни его, ни наших припасов лекарств не хватит, – в сердцах выдал Иван.

– То с ним разбирайся, – открестился Фрол. – Пойду гляну, чтобы ладно с рогатками все сделали.

– Давай, – безнадежно махнул рукой Иван.

Рудаков появился, только когда уже окончательно стемнело. Правда, есть холодную кашу ему не пришлось. В сотне все питались из одного котла, но отношение к Павлу было особым. Потому и повар сберег кашу так, что она осталась не просто горячей, но и рассыпчатой. А ведь уж не меньше часа минуло с тех пор, как ужин прошел. Даже о сотенном такой заботы не проявляли, как о лекаре.

Ну а то! Карпов, тот, аспид, пусть и младой, а душу из них всю вынул. В деле пока себя никак не проявил, в бою в первые ряды не лезет. Только и того, что своим зычным голосом раздает команды. А вот Рудаков,

молодчина, столько заботы о стрельцах имеет, что ни единого хворого среди них нет. А уж как все войско изводится, им ведомо, не гляди, что сотня все время где-то на отшибе.

– Ну и что там стряслось? – присаживаясь рядом с жадно уминающим кашу Рудаковым, поинтересовался Иван.

– А-а, не обращай внимания, – пережевывая еду, хмуро отмахнулся подлекарь. – Черная оспа в армии куражится.

– Фрол вроде говорил только о полку Федора Лопухина, – усомнился Иван.

– Не. Болячка уже в нескольких полках обнаружилась. Ну, я сунулся было с советами к личному медику Голицына, да тот послал меня. Мол, и так ведаю, что надобно делать.

– Жалеешь, что здесь, а не в академии?

– А ты как думаешь? – огрызнулся Павел.

– Да так и думаю. Но что тут поделать. Спасибо хоть с прививками успел разобраться.

– Ага. И с ними не до конца еще разбрался.

– С чего бы это? Все работает как надо. Хочешь, прямо сейчас пойду обниматься с больными?

– То, что зараза ни к тебе, ни к кому из наших стрельцов не пристанет, я прекрасно знаю, – с язвинкой произнес Павел. – А кто знает, как это все происходит? Отчего все именно так случается, а не иначе, пояснить можешь? Как не предотвратить, а лечить хворь?

– Да чего ты меня-то пытаешь? – возмутился Иван.

– А кто мне насоветовал, как с оспой бороться, не ты ли?

– Ну-у, мил-человек... Хозяюшка, дай воды напиться, а то так жрать хочется, что даже переночевать негде.

– Как-как? – позабыв возмущаться, вздернул брови Павел.

– А вот так, – хмыкнул сотенный.

– Вань, погоди. Вань, ну погоди ты!

Пришлось рассказывать старинный анекдот, а потом еще и выжидать, пока Павел успокоится. Ах да. И еще разок повторить, когда на хохот этого лося подтянулись полусотенные и Фрол. Ну и пошла байка гулять по сотне, пробуждая взрывы смеха то тут, то там.

– Наржался, конь стоялый? – глядя на Павла, утирающего платком слезы, спросил Карпов.

– Ой и не говори. И судя по всему, нужно было это не только мне, – кивая в сторону гогочущих стрельцов, едва просипел подлекарь.

Ну да, есть такое. Сегодня костлявая каждому из них в лицо заглянула.

И многие успели уж с жизнью проститься. Но Господь не попустил. А то, что парни принесли весть из основного лагеря об оспе, ерунда. Каждый доподлинно знал, что хворь к ним ни под каким видом не подступится. Потому как их Павел Валентинович одно восточное снадобье знает и всех их еще перед походом обезопасил. А посему опять у костлявой промашка вышла. И раз так, то отчего не повеселиться.

Правда, никому при этом не говорили, что им прививали самую настоящую живую оспу. Пусть и коровью, но все же оспу. А главное, не азиатскую какую, а взятую от самой обычной буренки в одном из измайловских хлевов. Если бы стрельцы знали, то бежали бы от своего любимого костоправа куда глаза глядят.

Не заладилось у Павла в столице. Как и предполагал Иван, нашла коса на камень. Профессор Рошин, учитель Рудакова, встал на пути молодого дарования неодолимым препятствием, предав анафеме все его начинания. Ну как же, ведущий профессор медицины, учитель и наставник. И вдруг какой-то младой подлекарь начинает утверждать, что Христофор Аркадьевич ошибается. Мало того, его методы лечения ранений в корне неверны. Оспа же послужила последней каплей.

Павел хотел всерьез заняться изысканиями в этом направлении. Но Рошин велел ему выбросить из головы разные бредни и заняться действительно стоящим делом. Когда же молодой человек отказался и открыто восстал против учителя, тот попросту удалил его из своей лаборатории.

А заодно отказал и от дома. Парень уже совсем скоро должен был получить звание лекаря. Это позволило бы ему встать в один ряд с дворянами и рассчитывать на руку Дарьи Христофоровны. Ага. Была между этими двумя симпатия. И тут такое.

Павлу бы отступиться, хотя бы для виду. Иван предлагал ему подобный шаг. Опять же, не только личную жизнь сумел бы устроить, но и сохранил бы доступ к лаборатории, а там уж тайком,тишком да бочком разбирался бы с природой болезни. Да куда там. И слушать не пожелал. Прав он, виши ли, и точка.

Еще, наглец такой, и к Ивану удочки забрасывал. Мол, дорогой ты мой товарищ, мало уметь предотвращать болезнь, не мешало бы научиться ее лечить. А не желаешь ли ты оборудовать лабораторию? Деньга-то у Карповых водится. А там всего-то... Вообще-то дорогое это удовольствие – научные изыскания. Ивана же вполне устраивали прививки. С остальным пусть сами разбираются.

А вот на службу в сотню Иван взял Павла без лишних разговоров.

Вернее, даже сам воспользовался ситуацией и подтянул теперь уже, похоже, вечного подлекаря. Ну нет на сегодняшний день никого, кто лучше Рудакова управлялся бы с ранениями. Хотя бы потому, что тот применял асептику и антисептику и не боялся резать своих пациентов. Пусть и не повсеместно, но это уже великое дело.

Пришлось, конечно, Ирине Васильевне в красках расписывать всю пользу от штатной должности подлекаря в сотне. А то как же. Ему ведь нужно платить жалованье. Да инструмент, да повозка и припас. Но все же убедить ее получилось. Причем настолько, что она пресекла на корню возмущения Рощина. Мол, выжил неслыха из академии, вот и радуйся. А в стрелецкую сотню нос свой не суй...

– Ну так что там лекарь голицынский? – все же поинтересовался Иван.

– А что лекарь. К палатке Голицына близко никого не подпускает и сам от нее ни на шаг. Раздает указания издали, велит разводить полки и изолировать тех, у кого болезнь уже проявилась. Армия становится большим лагерем, пока напасть не пройдет. Казакам отдали приказ пустить весть по степи, что на русскую армию навалилась болезнь. Хоть татары беспокоить не станут.

– Ну а прививать предлагал?

– Да предлагал я. Ссыпался, что на Востоке уже не один век борются с оспой этими прививками.

– И?

– Ну я же тебе сказал. Послал меня господин Конти. Да и с другой-то стороны, своего материала для прививок у меня нет. Так что ерунда все это.

– Может, лошадей посмотришь? – предложил Иван. – У них с коровами вроде как болячка похожа. Ну, как вариант.

– И где у лошадей искать пустулы? – тут же оживился Рудаков.

Вопрос, между прочим, непраздный. У коров волдыри обнаруживались на вымени, чего лошади вроде как были лишены. Но...

– А я откуда знаю, – вскинул брови Карпов.

– Ванька! – возмутился Павел.

– Да не кипи ты. Виноват я, что ли, что оно вот так вот само всплывает. Опять же, чего там мне помнилось, поди еще разберись.

– Разберусь. Я. Разберусь. Не сомневайся, – раздельно произнес Павел.

Отставил пустой котелок и решительно направился к санитарной повозке. Не иначе как сейчас вооружится фонарем и полезет изучать лошадей. Он такой. Он упорный. Все с ног на голову поставит, а своего добьется.

Ну или попытается добиться, наткнувшись на глухую стену

непонимания. Впрочем, такого остановит только смерть. И в противостоянии со своим учителем он проиграл вовсе не борьбу, а только лишь один бой. Ну да оно и к лучшему. Хм. Ну это если его не разорвут в клочья те, кого он хочет спасти.

Надо бы сказать ему, чтобы не совался в армию. Если найдет нужное, то пускай организовывает прием здесь, в расположении сотни. И вообще, следует к нему приставить охрану из полного десятка стрельцов. Так. На всякий случай.

Ага. Ну и завтра же с утра двигать народ на фортецию. Испугаются татары или нет, то дело деятое. Тут, главное, не расслабляться. До сих пор его сотню это выручало.

Отчего-то подумалось о том, что задержка как нельзя кстати для раненых. Все же в их положении лучше воздержаться от путешествий. Оно, конечно, на фоне напастей, свалившихся на армию, звучит как-то не очень. Но Карпов в ответе вот за этих парней, а эпидемия в армии началась не по его вине. Интересно, сколько длится карантин по оспе? Да бог ее знает. Ладно. Пока постоят, а там видно будет.

Глава 2

Возвращение

«Студеною зимой, опять же под сосной с любимою Ванюша встречается...» Правда, есть кое-какие неточности. К примеру, до зимы еще относительно далеко. На дворе только конец августа. Сосна не наблюдается. Ванюша, конечно, присутствует, но вместо Маруси – Ирина. Ну и любимой назвать ее трудно. Вот Ванюша – тот да, любим, вон как на него жадно смотрит, того и гляди проглотит.

– Со-отня-а! Р-равня-айсь! Сми-ирна! Р-равнение на-а середину!

Строй замер посреди плаца, и Карпов, печатая шаг, подошел к Хованской. А то как же! Всем прекрасно известно, что они по факту подчиняются Ирине Васильевне и жалованье платится из ее казны. Так что начальница она им, выходит. А раз так, то и участие ее в церемониале вполне обоснованно, и приказы отдавать она может.

– Матушка-княгиня, вверенная тобой мне сотня из похода вернулась. За все время потеряли убитыми четверых, ранены и не в строю трое. Остальные люди здоровы и готовы службу нести исправно.

– Здравствуйте, братцы!

– Здравия желаем, матушка-княгиня! – дружно грянул строй.

Ой не зря Иван гонял их. И Ирина к посланию, отправленному ей загодя, отнеслась с вниманием. Делает все в точности, как он и расписал. Можно сколько угодно потешаться над воинскими ритуалами, но они не менее важны, чем строевая и боевая подготовка.

– Вольно, сотенный.

– Со-отня-а! Во-ольно-о! – продублировал Иван.

– Знаю, братцы, досталось вам в походе изрядно. И пусть армия вернулась обратно, так и не достигнув Перекопа, вам выпала тяжкая доля. Но вы выдержали, выстояли и доказали, чего стоят стрельцы-измайловцы. И помните, что бы вам ни говорили, вы свою задачу выполнили. Даже не дойдя до Крыма, вы заставили трястись турок. В страхе от одного только вашего выхода на границу Русского царства они низвергли своего султана и посадили на престол другого. Так что же будет, когда вы все же дойдете до татарского логова? Не ваша вина в том, что пришлось вернуться. Враг ведь тоже не дремлет и строит козни. И за вашу храбрость, преданность долгу, терпение и стойкость низкий мой поклон. – Ирина с присущей ей грацией

поклонилась, коснувшись пальцами травинок у своих ног.

А вот этого в его наставлениях не было. Негоже шефу сотни вот так-то раскланиваться перед строем. Впрочем, одного только взгляда на стрельцов достаточно, чтобы понять – Хованская точно знает, что делает. Да они хоть прямо сейчас готовы повернуться кругом и идти воевать Крым. В одиночку, йолки!

– Командуй, сотенный. А потом ко мне, для подробного доклада, – оборачиваясь к легкому экипажу, приказала Ирина.

– Слушаюсь, княгиня. Со-отня! Смирно! – Выждал, пока Ирина отъедет, только потом скомандовал: – Вольно! Офицеры, ко мне!

Фрол, оба полусотенных и подлекарь поспешили предстать перед ясны очи начальства. Вроде все в курсе дела, но это не имеет значения. Военные каждый раз уточняют те или иные моменты не потому, что глупы, а чтобы четко обозначить, что и как должно быть. Спрос в армии особый. Вот так расслабишься в мирной обстановке, а окажешься в военной, и не приведи господь придется карать расслабленных тобой же подчиненных. Именно что карать. Потому как боевая обстановка диктует свои, жесткие, правила.

– Оружие и снаряжение почистить, привести в порядок, разместить в пирамидах и кладовой. Если у кого заведется плесень, не сносить тому головы. Как и его командиру. Все излишки оружия и добычу – на склад. Лошадей – на конюшню. Фрол Емельянович, как и условились, назначить наряд да обозначить очередность.

– Слушаюсь.

– Павел Валентинович, еще раз проинструктируй раненых по поводу ухода за болячками. Да не забывай навещать их на дому. Как только заметишь нарушения, водворяй в наш лазарет без лишних разговоров. Мне здоровые стрельцы надобны, а не калеки.

– Ясно, Иван Архипович, – по-граждански ответил подлекарь.

– Кто не на службе, тем трое суток на роздых, а потом милости просим в казарму. Мнится мне, что по результатам похода нашу сотню решат увеличить в числе. Так что трудов предстоит изрядно.

– Ой ли? Боев, почитай, и не было, – усомнился Фрол.

– Это так. Да только во все стычки, что были, нас, как в бочку затычку, совали. И княгиня тут о том же вещала. Так что дорого, не без того, но минимум еще одну сотню она снарядит. Ну все, други. Закругляйте тут, а я на доклад к княгине.

Невольно обвел всех пристальным взглядом. Ни намека на издевку или многозначительность в глазах. Интересно, это они так княгинюшку любят и почитают или все же Карпов сподобился получить их уважение? Уж

офицеры-то со своего места точно знают, благодаря кому дела в сотне обстоят куда как лучше, чем в иных полках...

С докладом как-то не заладилось. В том смысле, что его тут же определили в баньку, а там и поспешили составить компанию. Невтерпеж бабе. Хм. Вообще-то ему пришлось ничуть не легче. Она-то хоть какое-то время болела и только недавно полностью оправилась. У Ивана же вполне себе молодой, здоровый и крепкий организм с определенными потребностями. Вот только ходить налево, имея хорошие шансы разгневать всесильную покровительницу, – это уж увольте.

Словом, в бане они только и смогли что попариться да утолить первый голод. После помывки плавно переместились в спальню. Тут они вновь наплевали на все дела и ринулись проверять на прочность широкую постель. Подумаешь, уж не единожды проверена. А вдруг разболталась...

– Ох, Ванюша, как же я по тебе соскучилась, – пристраиваясь на его груди, блаженно произнесла княгиня.

В ответ он положил руку ей на голову, погладил русые волосы, потрепал за ушком и наконец произнес:

– Я тоже соскучился, Ирина.

– Врешь, – повернув голову и вперив в него лукавый взгляд, возразила та. – Я ведь вижу, что, хотя ты меня и хочешь, вовсе не любишь. А потому и скучать не скучал. Разве только по женской ласке истосковался. Боишься меня?

– Ну, во-первых, у нас с тобой уговор, а я своему слову хозяин, – глядя прямо в глаза и продолжая поглаживать ее волосы, спокойно ответил он. – Во-вторых, нужно быть идиотом, чтобы не опасаться той, перед кем трясутся именитые бояре. Причем не только Русского царства. Ириша, я похож на идиота?

– Значит, только опасаешься?

– Вот только не надо дуться. Не боюсь же, в самом-то деле. И потом, как бы то ни было, но насчет того, что соскучился, я вовсе не вру. И ты в этом успела убедиться.

– Поду-умаешь. Да я сейчас позову Глашку, и ты с не меньшим задором набросишься на нее. А то и с большим. Она-то, чай, помоложе будет, – язвительно протянула княгиня.

– Так. Все. Я пошел, – сдвигая ее в сторону и собираясь подняться, решительно проговорил Иван.

– Куда? – вцепилась в него княгиня, но тут же сдала обороты: – Ванюша, прости меня. Ну баба я. Обычная баба. И мне, как любой, любви хочется. А ты... – Она осеклась с неприкрытой обидой.

– И что мне делать? Врать тебе? Так ведь ты эту ложь распознаешь, а тогда уж тебе станет еще горше. Да еще и меня поставишь в один ряд с той мокрицей Васильчиковым, – оставляя попытку встать, возразил Иван.

Жестоко? Еще как жестоко. И уж тем более учитывая то обстоятельство, что княгиня родила от него дочь. То есть он для нее точно не проходной персонаж и никогда не встанет в один ряд с бывшими любовниками.

А еще это рискованно. Ибо страшнее врага, чем обиженная женщина, и вообразить себе трудно. Но куда страшнее обманутая женщина. Оно, конечно, все зависит от нрава той или иной особы. Однако Ирину Васильевну отличала решительность. Так что, по сути, у Ивана был выбор только меж двух зол.

– Ладно, герой-любовник. Коль скоро ничего другого не остается, тогда уж давай получим то, к чему оба имеем склонность. – Говоря это, Хованская потянулась к нему с недвусмысленным намеком.

– Побойся бога, Ирина, – сквозь поцелуй произнес Иван. – Не двужильный же я.

– Ты, может, и нет, а вот твой дружок вполне, – игриво возразила она.

– Голову бы ему оторвать, – вздохнул парень и решительно притянул княгиню к себе...

Когда они, усталые и разгоряченные, наконец откинулись на мокрые подушки, их желудки практически синхронно выдали характерную трель. А то как же! Голод – он ведь разный бывает. И если с одним более или менее уже разобрались, то иной только еще больше раззадорили. Пришлось подниматься и дружно перемещаться за столик, предусмотрительно сервированный той самой Глашей, которой Ирина попрекнула было Ивана.

– Ну, рассказывай, что там происходило в походе?

– А то тебе неведомо, – вгрызаясь в куриную ножку, произнес Иван.

– Ну, мало ли что мне ведомо. То все по реляциям Голицына да письмам... Не важно, – отмахнулась княгиня.

Вот так вот. Не оставляют боярина без присмотра. Да и верно, чего уж там. Доверяй, но проверяй. Силу-то в его руки серьезную вверяют. А за удачливым полководцем воины, приведенные им к победе, куда хочешь пойдут. Просто потому, что будут ему верить.

– У тебя иной взгляд. Так что рассказывай, – подытожила Ирина.

– Да, по сути, и рассказывать-то там нечего. Плелись, как беременные, в сутки проходили по десять – двенадцать верст. Смех один, а не воинский поход. Помимо этого, подготовка курям на смех. Ну что мешало создать большие припасы в той же Запорожской Сечи, коль скоро своих крепостей

не имеем? Так нет же, потащили все с собой. Обоз больше армии вышел, а его охранять нужно. Вот и шли мы от Рыльска до границы с крымцами, почитай, полтора месяца. Степь к тому времени подсохнуть успела, вот татары ее и запалили. Оно бы остановиться да начать ставить крепость, чтобы со следующего года было от чего оттолкнуться.

— На тот поход большие надежды возлагались. Нельзя было останавливаться, — не согласилась Ирина.

— То политика, до которой я касательства не имею. А по военной науке продолжать поход никак нельзя было. И, кстати, помощник Голицына, француз этот, де Атталь, высказывался именно за строительство крепости. Толковый вояка. Да только кто бы его слушал. Всем непременно победу подавай. Вот и поперлись по выжженным землям. Ни о колодцах, ни о речках толком ничегошеньки не знаем. А тут еще и бескормица для лошадей. Половина-то войска — посадская конница. Словом, только на день войска и хватило. Потом поднялся ропот, и Голицын решил все же повернуть обратно.

Иван взял ломоть хлеба, намазал сливочное масло, полил сверху яблочным вареньем и с удовольствием впился зубами в получившийся бутерброд. Вкуснотища! Попутно отмахнулся от наигранно гневного взгляда Ирины, мол, погоди пока. Не мешай. И только умяв-таки лакомство, продолжил рассказ:

— В армии чуть ли не с самого начала маялись животами. А как двинулись по Дикому полю, так только хуже стало. И, кстати, бог весть, что было бы, дойди-таки мы до Перекопа. Ну и на обратном пути легче не стало. Помнишь, как ты возмущалась дороговизной нашей полевой кухни?

— Еще бы, — фыркнула княгиня, которой в свое время скрепя сердце все же пришлось уступить доводам Ивана.

— Так вот, из ста двадцати тысяч, что отправились в поход, погибло и пропало порядка пятидесяти. И на эпидемию черной осьвы хорошо как пятая часть тех потерь приходится. А то и меньше. В основном же причина в том, что вся армия животами маялась. Кто кровавым поносом исходил, кто отстал из-за болячки и в полон угодил. У меня же в сотне погибших только четверо. И все полегли в бою, а не от поноса померли. Насчет прививки от осьвы ты отмахивалась. Так вот, из моих парней никто не захворал. Ни одного случая. Ох и жуткая хворь эта проклятущая осьва.

— Уж я-то ведаю, поверь мне, — с самым серьезным видом подтвердила Хованская.

— Ириш, позволь Павлу сделать прививку Софье, — посмотрев ей в глаза, попросил Иван.

– Ваня, говорено уж о том.

– Да пойми ты, опасности никакой.

– Рощин так не считает. А ты уж прости, ему я в этом деле куда больше верю.

– То, что он сумел справиться с отравой, вовсе не говорит о том, что он прав. Сто тридцать пять человек – и никому никакого вреда от тех прививок не случилось. На Востоке такой метод пользуют издавна.

– И Христофор Аркадьевич говорит, что смертей от той присадки заразы случается ничуть не меньше, чем в случае болезни. Так Бог, может, и милует. Не все же хворают, в самом-то деле. А эдак ты предлагаешь самим заразу малютке привнести.

– Да зараза-то не от человека, а от скотины. Она куда слабее.

– Все, я сказала! Не смей!

– Ла-адно, – выдохнув, решил прекратить препирательства Иван. – Скажи хотя бы, в чью семью отдала дочку?

– То тебе пока без надобности, Ванюша, – мило улыбнувшись, покачала головой Ирина. – Дальше о походе сказывай.

– О походе, значит, – поиграв желваками, задумчиво произнес Иван.

Впрочем, он очень быстро успокоился. Далеко не все болели оспой, пусть она и гуляла вольно. Опять же, приемные родители будут со всем вниманием следить за девочкой, потому как кровно в ней заинтересованы. Так что сейчас обострять отношения нет никакого смысла.

Но только сейчас. А так – вода камень точит. Да и Рудаков продолжит свою практику, и положительный результат постепенно переубедит Ирину. А Рудаков продолжит. Ивану вовсе не улыбалось, чтобы его подчиненные стали жертвами очередной эпидемии.

Помочь справиться с болезнью в войске у подлецаря не получилось. Нет, он нашел лошадку, зараженную оспой, причем не одну. Вот только желающих привиться оказалось очень и очень мало. В прямом смысле этого слова – единицы. А тут еще и когда до измайлловцев дошло, что это с ними вытворили, они едва не вздыбились. Но ничего. Поглядели, что творится вокруг и какая беда обошла их стороной, – присмирели, приняли. К тому же их повторно никто заражать не собирался.

А вот над войском болезнь покуражилась от души. И, положа руку на сердце, доктор Конти со своей задачей и при имеющихся возможностях справился хорошо. Карантинные мероприятия дали результат.

Как, впрочем, и разнесенная казаками по Дикому полю весть о напасти, случившейся с русской армией. За все время татары так ни разу больше и не побеспокоили лагерь у слияния Самары и Днепра. Опасности

подхватить смертельную болячку они предпочли возвращение к своим шатрам. Даже охотиться на отставших перестали.

Зато русские простояли на этом месте не просто так, а успев построить довольно внушительные земляные укрепления. Да еще и строительный лес по реке сплавили. Словом, получилось солидно и внушительно. В крепости оставили всю артиллерию и излишки продовольствия. Впоследствии припасы должны были в значительной мере пополниться и послужить следующему походу на Крым. А в том, что он состоится, никто не сомневался.

Вот только говорить об этом Ирине не имело смыла. Она и так в курсе. Наверняка лично и не раз перечитывала все донесения. Царь-батюшка и цесаревич по многим вопросам советуются с ней. Если не по всем. Значит, нужно выдать то, чего в официальных сводках не было.

Нет, об оспе лучше помолчать. Что ни говори, а тут у Павла позиция проигрышная. Подумаешь, никто из Измайловской сотни не заразился. Находились на отшибе, вот и миновала их чаша сия. Никаких сомнений, именно этим Ирина все и объяснит.

– Знаешь, Ириша, у меня сложилось такое впечатление, что нашу сотню специально на убой выставляли, – наконец заговорил Иван.

– С чего это такие мысли? – насторожилась княгиня.

– А с того. Как пошли Диким полем, так нас все время в боковом охранении держали. Бессменно. А так не бывает. Оно, конечно, дышали свежим воздухом, а не пылью, не наступали никому на пятки, да и свои уберегли. Но зато ни один татарский наскок мимо нас не прошел. И в том, что живы остались, заслуга от начала и до конца только наша. Твоя, потому как согласилась снаряdzić сотню винтовками, и моя, потому как учил по-новому. В последней схватке так и вовсе кабы не гранаты, снабжением которых ты так возмущалась, то нам нипочем не выстоять.

Угу. По какому только поводу она не выказывала недовольства. Полсотни рублей на снаряжение одного солдата. А потом еще и обеспечь его припасом разным, и огненным в том числе, к коему гранаты те относятся. Да Иван еще настоял на том, что их для похода потребно минимум пять сотен. А ведь еще и жалованье.

– Ой ли? – усомнилась Хованская.

– Нет, правда. Да будь там даже пушки, и то не смогли бы так помочь, как гранаты. Пушка – она что? Пальнула разок, и перезаряжай ее. Да и не может их быть много. А когда сразу дюжина разрывов, а следом сразу же еще и еще, то тут уж дело совсем иное. Мало того что осколками счет, так еще лошади отличаются пугливостью. Вот и устроили они целую свалку.

А порох тот белый пусть и дорог, да дыма не дает и взор стрелкам не застит. Вот мы и палили в татар почем зря.

— Выходит, оно того стоило? — то ли утвердительно, то ли вопросительно произнесла она.

— Если жизни твоих стрельцов для тебя что-нибудь значит, то стоило. Опять же, мы из похода не с пустыми руками вернулись. Лошадки, оружие кое-какое. В том и твоя доля имеется. Оно, конечно, учитывая обстоятельства, получилось не так чтобы и много, но уж огненный припас да те же гранаты окупятся сторицей.

— Чтобы я бросила руку на стрелецкие трофеи? Иван, ты за кого меня держишь?

— За умную женщину, которая точно знает, как привязать к себе несколько сотен мужиков.

— Ты это сейчас о чем? — вскинула брови Ирина.

— Неужели при одной сотне останешься?

— Никак о своих интересах печешься? Справу и оружие-то в мастерской твоего батюшки заказывать придется.

— Придется. Но вот ей-ей, ничего лишнего я не удумал.

— И от заступов^[2] твоих маломерных польза была? — не унималась Хованская.

— Вызовешь к себе полусотенных и сама все узнаешь. Да со стрельцами поговори. Вот уж кто мне не благоволит. Дай волю, так живем в землю закопали бы.

— А это плохо, Ваня. Люди своего командира любить должны, — с самым серьезным видом покачав головой, произнесла княгиня.

— Они должны выполнить приказ, каким бы сумасшедшим или самоубийственным он им ни показался. А для этого совсем не обязательно любить своего командира. И пусть они сегодня клянут меня последними словами, а на ладонях их заскорузлые мозоли от саперной лопатки, это не беда. Они сегодня живы, потому что я не искал их любви, а нещадно учил воинской науке. И они поймут это. Не сегодня, не завтра, так через годы.

— Не прав ты, Ваня, — вздохнула Хованская.

— Ну, Ириша, я тоже во многом считаю тебя неправой. Так что же с того. Время нас рассудит. Но сейчас не о том хочу сказать. Вот гляди. У Голицына есть сотня стрельцов, вооруженных точными и скорострельными винтовками. Любой другой берег бы такое богатство, потому как винтовальным пищалям цену все давно знают. Не во всякой армии их найдется столько, сколько в Измайловской сотне. А что делает он?

– Между прочим, вам честь выказали, доверив прикрывать армию. Абы кого на такое дело не поставишь.

– И именно поэтому нужно отправлять на убой отборных бойцов.

– Скажешь тоже, отборных. Да у вас там и в сражениях-то настоящих, почитай, никто не был. И ты в том числе, – напомнила Ирина.

– А я тебе говорю, что мои парни отборные и есть. Потому как благодаря винтовкам и прямым рукам стрелки отменные. Да наша сотня в чистом поле и полк пехоты положит, если ворог не побежит. А если еще пару сотен набрать, то и две тысячи всадников разогнать сумеем. И такую силу нужно держать про запас, для серьезного боя, а не разменивать в мелких стычках, оказывая сомнительную честь погибнуть не за понюх табаку.

– Ну-у, Ваня. Ты вот в том умысел видишь. А меж тем любому ведомо, что прикрыть товарищей – святое дело.

– Святое дело, говоришь. Ладно. Вот гляди. Хватаем мы иезуитов в Москве. И главный спешит отправиться на небеса. Человек не просто верующий, а член святого ордена, жизнь положивший на алтарь служения Господу. Отправляюсь я в Вильно, чтобы порасспросить тамошнего ректора... – При этих словах, Ирина, не одобрявшая выходку Николая, скривилась, словно попробовала клюквенного сока, но перебивать не стала. – А тот, паскудник, отвлек нас бумагами, в коих было не больше, чем в обнаруженных в Москве, и тоже яд принял, – закончил Иван.

– Испугались пыток, вот и решили легко уйти из жизни, – пожала плечами княгиня. – Здесь докторишку того на дыбу потащили бы. Что до ректора, то и вы его не гладили бы, если только каленым железом. А им папа и не такие грехи с легкостью отпускает, – с нескрываемым презрением заключила она.

– Хорошо, если так. Да только сдается мне, что они боялись выдать нечто, о чем мы не подозреваем.

– И поэтому ты считаешь, что твоей сотне не оказали честь, а выставили на убой? – с видимым сарказмом спросила Хованская.

– Твоей сотне, Ирина. И убить пытались тебя, и под удар выставили именно твою сотню.

– Не дело так-то жить, Ваня. Ты уж на воду дуешь.

– Лучше я на студеную воду дуть стану, чем пускать кровавые пузыри.

– Не накликал бы ты беду такими-то речами, дурень, – истово перекрестившись, в сердцах произнесла женщина.

– Да тут кликай не кликай, а лучше поберечься. И на волю божью в том деле я полагаться не хочу. Ириш, мне не вызнать, а ты бы узнала, по

чьему такому наущению стрельцы твои всякий раз под ударом оказывались.

– Хочешь отомстить?

– Хочу понять, что за умысел в том был. И был ли вообще, – возразил Иван.

– Хорошо. Я разузнаю. Это сделать нетрудно. Ты ведь у нас мастак на розыски разных татей, – и снова ирония.

– Скажешь тоже, мастак, – отмахнулся Иван.

Нет. Не убедить ее, что есть во всем этом нечто эдакое. Причастны к тому иезуиты или здесь просто дворцовые интриги, не понять. Но что-то есть, это несомненно. И направлено против него. Ладно, не против него лично. Но ведь и он попадает под раздачу.

Вообще уйти бы сейчас со службы да заняться чем иным, в свое удовольствие. Признаться, все эти сложности и дрязги ему даром не нужны. Да только служба тут пожизненная, и никуда от нее не деться.

А с другой стороны, так-то однозначно и не скажешь. Ему это где-то даже нравится. И кровь по жилам быстрее струится, и азарт какой-то появляется. Неужели хочется влезать в дворцовые интриги? Нет, это вряд ли. А вот ощущение опасности, подстерегающей за каждым углом, вносит необъяснимую бодрость. Похоже, он подсел на адреналин.

Ну и еще, кажется, ему нравится ощущение превосходства над окружающими. Не власти, ни влияния, какое у него, безусловно, имеется благодаря отношениям с княгиней. Вовсе нет. Его греет превосходство иного толка. Вот взял и утер нос профессору Рошину. Пусть тот и не признал поражение, зато лишился своего лучшего ученика, принявшего правоту Ивана. Понадобилось – получил литой булат. Да еще и секретом поделился с иными оружейниками. Возникла надобность – с легкостью выплавили с родителем столько железа, что иным и не снилось.

И много чего еще, чем можно потешить свое самолюбие. Год бились местные сыщики в поисках тех, кто покушался на великую княгиню. Ему же понадобилась только одна неполнная ночь. Любой другой десяток непременно погиб бы в той экспедиции на Урал. Парни же под руководством Карпова разогнали многократно превосходящего противника. Ни одна сотня самых матерых ветеранов не выстояла бы в той конной атаке. Его же стрельцы не просто выстояли, а еще и юшку кровавую пустили татарам, практически не понеся потерь.

– Так что, Ирина, еще одну роту набирать не станешь? – решил Иван перевести разговор в другое русло.

– Устал намекать, а, Ванюша? – стрельнув в него задорным взглядом, улыбнулась Ирина.

– При чем тут намеки? Я прямо говорю, что за такой армией будущее. Бабы на Руси, конечно, рожать не разучились, но это не значит, что по дурости людей можно класть в сырую землю тысячами. Армия-то нужна. И откуда тех воинов брать? Правильно, от сохи отрывать. А потом того крестьянина, едва научившегося в руках пищаль или копье держать, отправлять в бой, где он с большой долей вероятности погибнет. Беречь воинов нужно, а не разбрасываться попусту.

– Экий ты разумник. Ванюша, а не вскружил тебе голову твой скорый рост по службе? Эвон уже обо всей армии думаешь да о государственном устройстве помышляешь. Уж не твоими ли советами Николай пользуется? А то мне что-то знакомым показалось.

– Вот, значит, что ты узрела в моих словах. Ну что же, ожидаемо. Ну да ладно о том. Что с набором второй сотни?

– А ничего, – пожав плечами, ответила Ирина. – Дорого больно. Шутка сказать, но снаряжение и содержание одной только Измайловой сотни обошлось мне во столько же, во сколько обходится сегодня стрелецкий полк. Если думал получить заказ для отцовской мастерской, то ничего не выйдет. Да и не бедствует он. Сам все увидишь, когда домой заявишься. Так что не расстраивайся.

– Да я в бате и не сомневаюсь. Сотню расформируешь?

– Даже не подумаю, – покачала головой Ирина. – Увеличивать не стану, но и разгонять не буду. Как не стану и менять командира. Ты доказал, что не просто выдвинулся благодаря моей постели, а достоин этой должности.

– А как быть с пополнением?

– Взамен погибших и если случатсяувечные – набирай новых. Но не больше определенного числа. И припасу на учения я не пожалею. Все останется как было. Но только и всего.

– Ясно. Да, Ирина, а что ты там говорила о несомненной пользе нашего похода? Да еще и про султана ввернула.

– Все как есть, так и сказала. Оно вроде как выходит, что вы вернулись битыми. Но то только кажется. На деле же пользы куда больше. И про султана турецкого истинная правда. Взбунтовались янычары и низвергли своего правителя. В Константинополе такого страха натерпелись, что чуть ли не ожидали русскую армию к его стенам.

– Ой ли?

– Именно. Григорий Косагов, что правым берегом Днепра шел, взял несколько турецких крепостей, в том числе Очаков, выйдя, таким образом, к морю и закрепившись на его берегу. Нешто не слышали о том?

– Слухи ходили, да только, глядючи на наши беды, не верилось в это.

– Ясно. А еще, что не менее важно, нам удалось отвлечь на себя крымцев, и Польша с Австрией не просто выстояли, но даже нанесли туркам поражение. И сегодня авторитет Русского царства в Европе значительно возрос.

– Таскаем каштаны из огня для европейских держав, – горько ухмыльнувшись, сделал вывод Иван.

– Не судил бы ты о том, в чем соображения не имеешь. Это политика. А ею пренебрегать никак нельзя. Случается и так, что ради нее приходится чем-то поступиться. Вот только в нашем случае мы ничем не поступились. Османская империя велика и могущественна, и бить ее мы можем только по частям. То, что Голицын не добился военного успеха, конечно же не радует. Но хороший политик может извлечь нечто доброе даже при самом плохом раскладе. Ты же, Ваня, воин. Хороший, в этом я уже давно не сомневаюсь, иначе не доверила бы тебе сотню. Но воин.

– Хм. Трудно тебе возразить. Ладно, бог с ними, с европейцами и турками. Ириш, а что нужно для того, чтобы начать разрабатывать железные руды?

– Тебе-то это к чему?

– Ну, ты же помнишь, что нам с батюшкой ведом секрет получения большого количества железа?

– Помню, конечно.

– Так вот, я тут подумал, а отчего бы нам не поставить железоделательный да чугуноплавильный заводы. Деньга пока есть. Опять же, войско на Крым съезжает собираться будет, а значит, железа и стали ружейной потребуется много. Все в руку выйдет.

– Вот как. А скажи-ка мне, друг мой ясный, уж не от нежелания ли платить в казну увеличенную подать ты это задумал? Ведь тут же плакаться с батюшкой зачнете, что деньга на строительство тех заводов потребна.

– Не стану лукавить, Ириша, так оно и есть. Однако польза-то от того не только моей семье, но и казне. Причем несомненная.

– А ну-ка, ну-ка, поведай, в чем таком казне польза от неуплаченных податей.

– Да хотя бы в том, что мы станем продавать то железо и сталь казне недорого. А уж казна сможет продавать тот товар дальше по нормальным ценам.

– А цена, стало быть, будет той же, что и два года назад?

– Истинно так.

– А ты, касатик, знаешь ли, что нынче цена на железо и уж тем паче на

оружейную сталь серьезно эдак подросла?

– Ведаю, конечно, княгинюшка. Потому о пользе казне и говорю.
– Ты серьезно, Иван? – отбросив игривый тон, спросила Хованская.

– Разумеется, серьезно. Да не гляди ты на меня так-то.

– А как я на тебя еще должна глядеть? Сегодня пуд железа подорожал до одного рубля тридцати копеек, вы же с батюшкой продавали по рублю. Сталь оружейная три рубля двадцать копеек, у вас по два с полтиной. Сталь упругая по три семьдесят, ваша по три. Да еще такого качества, что мастера в Немецкой слободе чуть не передрались. И ты оставишь прежние расценки?

Угу. Война войной, а коммерция она на своем месте. И вообще, в азартные игры с государством лучше не играть. Уж это-то Иван давно усвоил. И этот мир вовсе не был исключением. С началом подготовки похода на оружейников всех мастеров посыпались казенные заказы. Казалось бы, подвалила работа, у мастеров началась настоящая страда. Да не тут-то было.

Архип вовсе не был исключением из правил. Каждый оружейник должен был поставить определенное количество того или иного оружия, холодного или огнестрельного. Причем по настрого фиксированным ценам. Вроде бы и не беда. Главное, что работа есть, а там можно и выложиться, чтобы поднять заработок.

Но все дело в том, что тут же возрос спрос на железо, в особенности на оружейную сталь. Частные заводы, коих было немного, и кустарные плавильни оказались не в состоянии покрыть весь спрос. Как следствие цена начала расти. И тут начали подтягиваться железные караваны с Урала. И железо с казенных заводов, ясное дело, пошло уже по новой цене, пополняя казну нежданной прибылью. Хм. Или очень даже спрогнозированной.

Так что оружейники в настоящий момент вкалывали не покладая рук, имея заработка, сопоставимые с довоенными. Лихо, нечего сказать.

– Я же говорю, выгода от того и казне, и нам, – подтверждая выводы княгини, ответил Иван. – Уже будущей весной мы сможем начать поставлять металл. И в больших количествах.

– Насколько больших? – проявила живой интерес Ирина.

– Я так думаю, что за будущий год нам удастся выплавить эдак тысяч пятьдесят пудов железа и стали разного сорта.

– Сколько? – Ирина не сумела совладать с собой и вскинула брови домиком.

– Да не гляди ты на меня так. Больше нам нипочем не выплавить. Надо

же еще и завод поставить, а это в одночасье не делается. Вот еще через год уже вполне сможем поставлять больше ста тысяч пудов.

– Ты не ошибся, Иван? Столько железа могут выдать только уральские заводы с тамошними богатыми рудами. Ничего не понимаю. Ты на Урал собрался?

– К чему на Урал? Да мы туда только полгода добираться будем и народ ни почем не наберем.

– Тогда где же? Тула? Тамошня руда не так богата.

– Ну а из какой руды мы с батюшкой плавили два года назад? Вообще из серпуховской. А она куда беднее тульской. Так как? Что нужно-то для того, чтобы поставить завод?

– Где?

– Дедилово, знаешь такое?

– Неподалеку от Тулы?

– Верстах в сорока, – подтвердил Иван. – Мы через него и на Крым, и обратно проходили. Там на реке Олень есть руда. Вроде на жилу похоже. Ее местные кузнецы ковыряют понемногу. Вокруг леса в избытке, причем хватает березовых рощ. Устроить запруду не так чтобы трудно. Правда, с тем нужно знающим людям разбираться. Как и с разведкой рудной жилы. Может, там только россыпь небольшая.

– И кто разведывать станет?

– Ну, умников, чай, в Академии наук хватает. Кто-нибудь да захочет заработать. Тут знать бы, возможно ли отставному стрельцу за такое браться и что для этого потребно.

– Потребно написать прошение на разведку залежи. Сейчас и напишешь. Если подтвердится, то все сложится очень просто. И разрешение на строительство дамбы, и право на рубку леса для выделки угля на пятнадцать верст окрест. Вот только с работным людом... Работники на казенных да частных заводах в основе своей из крепостных. Но твоему батюшке крепостными владеть нельзя.

– И не надо нам этого добра, – тут же откrestился Иван. – Объявим о найме на работу, глядишь, крестьяне потянутся на отхожие промыслы. А там и осядут, никуда не денутся. Рыба она ищет где глубже, человек – где лучше.

Ишь как глазоньки у княгини заблестели. Еще бы. Железные-то караваны сейчас приносят сверхприбыль. Но тут и трата сил, и накладные расходы. В случае же с Иваном никаких усилий. Надо лишь выкупить железо и продать с наценкой. Немалой такой наценкой.

Даже если речь пойдет о простом железе, на пятидесяти тысячах пудов

казна получит пятнадцать тысяч на ровном месте. Но кто сказал, что Иван станет выплавлять только железо? Сталь варить ему не менее выгодно, а то и поболее. Уголек-то при переделке чугуна в железо тратить уже не придется, разве что время. Но оно окупится сторицей.

Выгода казны – никак не меньше двадцати пяти тысяч рублей. А добавить сюда еще и подати. Вот и выйдет не менее тридцати тысяч. Насколько помнил Иван, именно в такую сумму обходилось полное годовое содержание потешного полка. То есть на их податях царь сможет содержать пару стрелецких полков.

Зачем это Ивану? А затем, что лучше уж так. Он свое на объемах возьмет. А если потакать своей жабе и стенать по поводу непосильных поборов, то и казна ничего не получит, и они с отцом останутся в своей мастерской.

Самого-то Ивана такой расклад вполне устроил бы. И если бы речь шла о том, чтобы все взвалить на свои плечи, то он нипочем не полез бы в строительство завода. Ну зачем эта головная боль? Ему и мастерской более чем достаточно. Но тут-то какое дело. Основная нагрузка ляжет на Архипа. Иван же так и останется вольным стрелком. А при таком раскладе отчего бы и не озадачить батюшку? К тому же тот только рад будет.

Это он ведь кузнецом был так себе, серединка на половинку. Зато дельцом и организатором оказался очень даже толковым. Ведь не просто сумел организовать работу мастерской, но и способен рассмотреть новое с ближней или дальней перспективой. Это когда он над каждой копейкой трясясь, боялся вкладываться в то или иное предприятие. А едва средства появились, так словно плечи расправил. А может, просто получил толчок от Ивана. Как бы то ни было, но теперь его деятельную натуру время от времени необходимо нагружать новыми задачами. Не то закиснет еще.

– Так. Стоп. Это все замечательно, – спохватилась Ирина. – Но как же быть с мастерской твоего батюшки?

– А что с ней не так? – удивился Иван.

– А то. Архип Алексеевич за неполные полгода сумел изготовить две сотни гладких кремневых пищалей да полторы сотни винтовальных. А как у него год будет да ладить придется только гладкие пищали, так, глядишь, он и всю тысячу поставить сумеет.

Угу. Терять оружейную мастерскую, способную за год вооружить почти полк, да еще и по столь заманчивой цене, никак не хотелось. Железоделательный завод – это хорошо. И княгиня верила, что Иван выполнит свое обещание. У него вообще слова с делами не расходились. Но завод тот еще предстояло поставить, и трудности могли возникнуть

самые разные. А мастерская вот она, готова принять казенный заказ.

– Ну так мастерская останется. Не разбирать же ее в самом-то деле. Поставит батя управляющего, и ладно будет. А когда обоснуетя на новом месте, тогда и мастерскую перевезем. Благо в половодье весь путь по реке можно проделать. Или же оставим ее в Москве. То ему решать. Но готовое производство рушить мы точно не станем.

– Вот это ладно. Ну что? Голод утолил? – хитро усмехнувшись, спросила княгиня.

– Ириш, мне бы домой. Матушка, чай, все глаза проглядела, меня поджидаючи. А тут еще и слухи о войске один краше другого.

– Ну еще на часок-то, поди, задержаться сможешь, – перетекая к нему на колени, промурлыкала она.

А что тут поделаешь? Нет, вопрос даже не в ее высокородном положении. Просто молодой и здоровый организм отреагировал на подобные пополновения вполне ожидаемо. Хм. Вообще-то насчет «вполне», да еще и после стольких подходов... Однако имелся еще запас. Как, впрочем, и желание...

Матушку навестил уже на закате. Только и того, что вручил ей да сестрам гостинцы, которые прикупил загодя, еще в Туле. Ну и чтобы не обидеть мать, запихнул в себя кусок пирога с зайчатиной да запил чашкой душистого чая. Все, задерживаться в доме дольше не стал. Марфа все не знала, как наглядеться на сыночка, квохтала вокруг, как наседка, и всячески старалась ему услужить. Все от чистого материнского сердца. Вот только Ивана это откровенно тяготило, да и злило, что греха таить.

Вырвавшись из родительского дома, поспешил к себе. Работа там уже завершилась. Не сутками же напролет трудиться. Сейчас темнеет поздно, так что заканчивают еще засветло. Но если судить по тому, что Архипа дома не было, ожидал он сына на его же подворье. Отец вообще через эту мастерскую перестал быть домоседом. Вон и кузницу в доме разобрал. Ни к чему она теперь, только лишнюю платить.

– Явился, кобель, – окинув взглядом вошедшего во двор сына, не здороваясь, хмуро бросил Карпов-старший.

Они с кабальным Серафимом устроились на лавке под окнами дома Ивана и за степенной беседой распивали кувшин пива. А что такого? После тяжкого трудового дня очень даже не повредит. Если, конечно, не злоупотреблять.

– Здравия тебе, батюшка.

В ответ тишина.

– Здрав будь, Иван Архипович, – поднимаясь, поздоровался Миронов с

поклоном.

— Здравия, Иван Архипович, — поздоровалась вышедшая на крыльце жена Серафима, Дарья.

— И вам здравия, — ответил Иван супружеской паре, силясь понять, насколько сильно обижен отец.

Женщина бросила взгляд на Архипа, покачала головой и поспешила скрыться в доме. Муж ее забрал повод лошади из рук Ивана и повел животину на конюшню. Оно и при деле, и от глаз господских подальше. Ясно же, что хозяева сейчас разругаться могут. А при таком посторонним лучше не находиться.

— Батя, ты чего? — наконец спросил Иван.

— А ничего. Все люди как люди, вернулись из похода и прямиком в отчий дом. Вон по слободе где праздник, где поминки. И только у одних нас не пойми что.

— Батя, не начинай.

— Не начинай? Вот расскажи отцу, бестолочь, где ты был?

— Ну, батя. Ты о том уж на всю округу раструбил, — отмахиваясь от отцовской обиды и устраиваясь рядом, ответил Иван.

Потянулся к кувшину. Налил пенящееся пиво в высокую керамическую кружку и отпил добрый глоток. Хорошо-о. В меру прохладное и... вкусное, йолки!

— Вот ты, батя, на нее все косишься, а она, между прочим, к тебе со всем уважением. Иначе как Архипом Алексеевичем не величает. Даже когда мы одни. Ну любит она меня, батя. Понимаешь? Любит. Да только любовь та лишь воровской быть и может.

— Ну а ты ее? — успокоившись, поинтересовался отец.

— А я ее уважаю, батя. И если еще раз намек от тебя услышу, что она подстилка иль шлюха, не обессудь.

— Что, опять на отца руку поднимешь? — вздернул бровь Архип.

— Повзрослел, чай. Ветер в голове уж не свищет. Уйду я, батя. На этот раз взаправду уйду.

— Уйдет он. Вот ты о ней печешься, а она тебя подле себя держит и семьей обзавестись не дает. А мы с мамкой уж внуков хотим.

При этом Ивану где-то даже совестно стало. Ведь есть у них внучка. Но об этом лучше помалкивать. И уж тем более в свете того, что на княгиню повадились охотиться иезуиты. Эти твари на любое грехопадение пойдут ради достижения своих целей.

— Да не запрещает она мне ничего. Захочу жениться, тут же расстанемся. И о том меж нами уговор есть, — пояснил Иван.

– Так чего же ты тогда, сукин ты сын... – начал было возмущаться Архип.

– Батя, я твой сын. Твой и матушкин, – оборвал его Иван. – Думал бы наперед, что говоришь. А что до женитьбы, то не хочу я пока жениться. Не встретил ладу свою. И хватит о том. Расскажи лучше, как у вас тут дела? – Сделал очередной глоток, откинулся на бревенчатую стену дома и повернул голову к отцу.

– А чего рассказывать. Трудимся понемногу, – оглаживая бороду, удовлетворенно произнес Архип.

В настоящее время на подворье появился еще один цех, вставший параллельно первому, в котором осталась механическая мастерская. Второе здание полностью ушло под оружейную. Конечно, прежнее колесо все это богатство не могло потянуть, несмотря ни на какие редукторы. Так что выставили еще парочку колес. Но о дальнейшем росте при таком приводе говорить уже не приходилось.

Ну и совершенно отдельно расположились сталевары. Объемы у них так себе. Скромные. Но хватало и на свои нужды, и на продажу. Это Карпов-старший рассудил, что нечего прибыльному делу приставивать. Приставил к нему четверых, вот они и трудятся.

Другая парочка, и столь же обособленно, занята производством карбида. Лампы и фонари получают все большее распространение, а потому потребность в топливе только растет. Но пока и эти двое вполне управляются. Причем с легкостью. Так что о расширении сейчас говорить не приходится.

По совету Ивана Архип делился наукой с работниками только в части, касающейся конкретного вопроса. Умевший работать на токарном станке на своем месте и трудился. Все, что выходило за эти рамки, его уже не касалось. А еще каждый работник клялся на образах хранить тайну преподанной ему науки.

Смешно? Для современников Ивана Рогозина – возможно. Но только не для нынешнего времени. Тем более что Архип вовсе не собирался доверяться принятым мерам. Иван доподлинно знал, что работники мастерских регулярно доносили друг на друга. Само собой, это обходилось в лишнюю копейку, но отец предпочитал платить, справедливо полагая, что прижимистость в этом вопросе может обойтись куда как дороже.

– Снова заказ от казны, на этот раз на тысячу кремневых пищалей, – тем временем продолжал рассказывать Архип. – Надлежит поставить до Рождества будущего года. Слыши, приходили тут из Немецкой слободы да из этой, Академии наук. Мол, расскажи-ка, мил-человек, как это у тебя так

споро получается пищали ладить.

– А ты?

– А я послал их куда подальше. Да велел Серафиму раздобыть еще полдюжины щенков позлее.

Говоря это, Архип скосил взгляд на сына. Был за тем грешок, когда он раскрыл секрет сразу нескольким кузнецам и тот пошел гулять по Москве.

– Батя, не гляди ты так на меня. С тем булатом я все верно сделал. Вот вцепился бы ты в него – и по сей день сидел бы в своей кузнице, от клинка к клинку перебиваясь.

– С тем уж давно все порешили и разобрались, – махнул рукой Карпов-старший.

– А с этим правильно и сделал, что взашей погнал, – поддержал его сын. – И вообще, надо оружейную мастерскую в Москве сворачивать. Больно много охотников до чужих секретов.

– Ага. Свернешь ее, как же. А заказ казенный. За него ить спросят.

– Так мы заказ тот выполним. Как есть выполним. И мастерскую закрывать не станем. Просто начнем тут иное ладить. Взамен же целый оружейный завод построим. Но не здесь, а в Дедилово. Знаешь такое?

– Хаживал мимо. А чего это нам с Москвы съезжать-то?

– А там, батя, железная руда есть. Вот прогуляюсь со знающими людьми, пощупают они, оценят, а там и решение примем.

– А ну-ка, толком давай сказывай.

– Можно и толком...

Рассказ Ивана затянулся. По сути, там и говорить-то особо нечего, но от Архипа отбрехаться общими фразами не получилось. Тому требовались не просто подробности, но все раскладки. Сколько потребно, куда да отчего это они должны так задешево отдавать металл, радея за казну, тогда как о них, горемыках, никто не задумывается.

– Батя, не все можно в деньгах измерить. Царь он тому благоволить будет, кто о государстве радеет. А с нас не убудет. По-хорошему мы тот металл должны вдвое дешевле отдавать. Потому как он нам что по труду, что по деньгам в сущие копейки выходит. Погоди, мы еще и миллионщиками станем.

– Так-таки и миллионщиками.

– Попомни мои слова, батя.

– Княгиня-то винтовальные пищали заказывать не будет?

– Винтовки, батя.

– Поучи еще, – отвесив сыну легкий подзатыльник, произнес Архип.

– Нет. Не хочет она. Дорого. Так что одна моя сотня будет.

– Вот это хорошо. А то по Москве столько разговоров про ваши подвиги ходит, что я уж испугался, как бы не решили по образцу полк создать.

– И чем тебе плохо? Солидный заказ нам никак не помешает. Деньги на строительство завода немалые понадобятся.

– Это-то да. Да вот заказ тот могли так же, как и с гладкими пищалями, по заниженной цене пустить.

– Так все одно в хорошем прибытке остались бы.

– Нечего на всяком месте слабину давать. В Немецкой слободе, чай, никого не трогают и их изделия по честной цене берут. А как до русского человека, так вон чего учудили. А что до завода... Твоя правда. Дело говоришь. Хоть для меня оно невиданно, ну да не Бог горшки обжигал. Сдюжим. – У Архипа даже задорный блеск в глазах появился.

– А вообще чем вы тут занимались-то? Заказ на пищали, чай, только недавно поступил.

– Недавно. Да у нас оружейная-то мастерская уж давно отдельно трудится. Пока заказа не было, ладили гладкие да винтовальные пищали. Не так много, но зато и продавали по честной цене. Теперь же опять на казенный заказ перешли.

– Лампы-то карбидные ладите?

– И лампы делаем, и карбид тот варим. Правда, стекло дорогущее, а оттого и лампы недешевы выходят. Оно бы стекольщика да что покрасивше измыслить. А то чисто уличный фонарь выходит. Да только не варят у нас стекло. А жаль. Кстати, прав ты оказался насчет перьев тех. Оно, конечно, дело-то копеечное, но копейка рубль бережет. Да и много тех копеек выходит. На те перья очередь из благородных, разного ученого люда да студентов.

– А я тебе что говорил, – подбоченившись, ответил Иван.

– Говори-ил он, – с довольным видом потрепал сына по волосам Архип. – Кроме того, уж от трех стрелецких сотен заказ имеем на полевые кухни. И вроде бы другие тоже подумывают.

– Нешто казна раскошелиться решила?

– Ага. Как бы не так. Мужики сами смекнули и вскладчину заказывают.

– Выходит, не зря к нам в гости хаживали да расспрашивали, чего это мы животами не маемся.

– И что, впрямь не маялись?

– Не, батя. По мелочам бывало, но чтобы вместе хотя бы с десяток – ни разу не случилось. А о кровавом поносе так и вовсе молчу.

– Вот же шельмец. Даже в этом ты прав оказался. Ох, Ванька, и крепко же тебя по голове приложило.

– Главное, что на пользу, остальное мелочи.

– Это да. З-зар-раза, – прихлопнув впившегося в шею комара, ругнулся Архип. – Все. Тут теперь покоя не будет. Айда в дом. Расскажешь, как там в походе было. Серафим!

– Тут я, Архип Алексеевич.

– Доставай пиво из колодца и давай в дом. Нам сейчас молодой стрелец байки травить будет.

– Ругаться-то больше не станете?

– Ты поговори мне еще. Что за жизнь пошла, никто ни в грош не ставит.

– Архип Алексеевич, может, ко мне в дом? Дарья на стол соберет, – извлекая из колодезного ведра два кувшина с пивом, предложил Серафим.

– Сам потом своей бабе рассказывать будешь. А сейчас мы мужской компанией посидим. И закусить в доме кой-чего найдется. Ну что встали как истуканы? Пошли уж.

Глава 3

Любовь – страшная сила!

Тот факт, что великая княгиня, да и царь-батюшка посчитали создание стрелецких полков нового строя слишком дорогой затеей, не радовал. Все же заказ обещал быть прямо-таки жирным. Конечно, на изготовлении гладких ружей Карповы заработают, причем изрядно. Как ни крути, а выходит пять рублей чистой прибыли на одном ружье. Но думать об упущененной выгоде все же не хотелось.

Опять же, государь мог бы и не наглеть. Скажем, заказ на пять сотен ружей Ивана полностью удовлетворил бы. Это обеспечило бы бесперебойную работу мастерской, не создавая помех в исполнении частных заказов. В настоящий же момент мастерская работала буквально на пределе своих возможностей. Имея довольно незначительный приработок со стороны.

Крымский поход для Карповых все же не прошел даром, и выступление сотни Ивана впечатлило многих. Поэтому к ним потянулись дворяне с частными заказами, разившимися в зависимости от полноты кошелька.

Модельный ряд был представлен не только винтовками, карабинами и гладкостволом. Здесь также можно было приобрести двуствольные пистолеты для скрытного ношения, револьверы и револьверные карабины. Заказы на обычные ружья Иван не рассматривал. Но даже при таком подходе уже через месяц он вынужден был прекратить прием частных заказов. Потому как существовала вероятность банально не выполнить взятых обязательств перед казной. А вот с этим шутить не хотелось.

Зато радовала ситуация с механической мастерской, заваленной заказами по самую маковку. Причем тут уж обошлось без казны, а потому и в ценах Иван ничуть не стеснялся. Кстати, свались на него казенный заказ на экипировку, еще и неизвестно, выгоднее бы он оказался, чем нынешний расклад, или нет.

Те же лампы и фонари выкупались состоятельными москвичами. И удовлетворить весь спрос пока никак не получалось. Уж больно тот велик ввиду удобства новинки. Сделали свое дело и куда более яркое освещение, и в одночасье возникшая мода. Стало престижным иметь в доме не свечи, а новомодные лампы. А оттого и цена изделий была весьма

солидной.

Делами на подворье сейчас заправлял Иван. Отец отбыл с нанятым рудознатцем и еще парой умников из академии для разведки залежей руды. Какая от него там польза? Самая что ни на есть прямая. В положительном результате Иван не сомневался. Вправо-влево на пару-тройку верст, не суть важно. Главное, что руда там есть.

Архипу же предстояло определиться с местом под закладку заводов и села при них. Именно что заводов. Иван собирался ставить несколько предприятий. Чугунолитейный и сталелитейный, механический, оружейный. И все это должно было заработать в первый же год. Пусть не на полную мощность, но непременно. Уж очень ему не нравилась ситуация, когда они с отцом становились единоличными обладателями множества секретов.

Оно бы сделать те секреты достоянием общественности, и никакой тебе опасности. Но... С одной стороны, жаба душит. С другой... Иван, конечно, тот еще патриот России. Его все больше занимают собственные проблемы и потребности. Но и сказать, что ему на все плевать, тоже нельзя. А в том, что соотечественники не сумеют распознать потенциал и взять все эти новинки на вооружение, он не сомневался.

Подумать только, он расписал достаточно стройную налоговую систему. Да, не без изъянов, но ее хватило бы Русскому царству лет эдак на двести. И тем более при нынешнем чиновниччьем аппарате, не развращенном Петром Великим. Вот уж кто возвел коррупцию во главу угла, разрешив на законодательном уровне кормиться с мест.

Однако из всех его стараний Николай рассмотрел только то, что позволит еще больше ужесточить налоговое бремя. Дмитрий Первый вцепился в гербовую бумагу, которая превратилась в солидный ручей, подпитывающий казну. И это все.

Вот и выходило, что свои секреты нужно охранять. Причем крепко. Сделать же это куда проще в обособленном поселении, где все как на ладони. Режимное село? Ну что же, пусть так. Ничего умнее в голову попросту не приходило.

Так вот. Пока отец определялся на месте, заботы по мастерской практически полностью легли на плечи Ивана. Хорошо хоть Архип успел наладить рабочий процесс на столь высоком уровне, что тот шел самостоятельно и нуждался лишь в незначительном присмотре.

С утра Иван проводил летучку с бригадирами, уточняя задачу на день и разрешая возникающие вопросы. Потом сваливал все заботы на кабального Миронова и убегал в Измайлово. Н-да. Серафим – тот еще

кабальный. Скорее уж правая рука Архипа. Причем такая, что и возразить хозяину ничуть не стесняется. Сам Карпов-старший ни разу не помянул о кабальной грамоте. Правда, и давать вольную семейству не торопился.

День проходил в расположении сотни. Впрочем, и там от Ивана требовался только присмотр. Полусотенные вполне справлялись со своими обязанностями. Учебный процесс уже давно сложился, оставалось только повторять и закреплять.

Сотенный не мог уделить достаточно внимания даже подготовке штуцерников. Он вроде как и сам не такой уж снайпер, к тому же нашелся охотник-умелец, который разбирался в премудростях маскировки куда лучше. Даже такой девайс, как лохматка, для него не был чем-то из ряда вон.

Чтобы на маскировку переводить дорогую ткань – он до такого не додумался. Зато, подвязывая различные пучки травы, достигал даже лучшего эффекта. Вот только конструкция получалась громоздкая, стесняющая маневренность и при небрежном отношении легко разваливалась. Так что дедок принял новинку. А отчего не принять, коль скоро есть кому платить за такую блажь.

Кстати, на занятия к дедку ходили не только двенадцать штатных штуцерников. Нашлась еще пара десятков парней, оказавшихся хорошими стрелками. Так что их Иван определил в ту же компанию. Запас в таком деле карман не тянет, а три десятка исключительно метких стрелков – это не дюжина.

К вечеру, разобравшись с делами сотни, Иван спешил обратно в слободу. Нужно было поспеть к окончанию рабочего дня. Мало ли какие вопросы могли возникнуть. Ни разу еще не бывало, чтобы все прошло гладко, без сучка и задоринки.

Признаться, он уже изрядно устал от подобного ритма жизни. Как, впрочем, и Ирина. Их свидания свелись к самому что ни на есть минимуму. Было довольно сложно соотнести рабочий график Карпова и Хованской, что откровенно ее раздражало. Но ничего не поделаешь. Помимо прав хватало и обязанностей, самой же княгиней взваленных на свои изящные плечи.

– Иван Архипович, там это... – Ввалившийся в дверь конторки при оружейном цехе Серафим запнулся и нервно сглотнул.

Иван как раз собирался отбыть в Измайлово и приказал седлать лошадь. Кстати, Серафим больше этим не занимался. Теперь Карпова все время сопровождал денщик, он же и о лошади заботился. Проживал вне расположения сотни, в Земляном городе, у Сретенских ворот. Так что

удобно было всем.

– Серафим, ты чего? – удивился Иван, невольно напрягаясь.

Кто только к ним в мастерскую не захаживал. И бояре, и великая княгиня одаривали своим вниманием. Так что у Миронова уже есть какой-никакой иммунитет. А выглядел он не испуганным, а растерянным, что случается при появлении на горизонте высокопоставленной особы.

Это кто же там должен был приложовать, если мужик так растерялся? Вряд ли сам царь. А вот цесаревич – тот вполне может. Даже странно, как это он до сих пор удержался от посещения мастерской Карповых. Хм. А ведь, по местным меркам, считай, уж целый завод. Ладно, не суть важно.

– Там это... – вновь запнулся Серафим.

– Ну? – подбодрил Иван.

– Царевна там, Лизавета Дмитриевна, – наконец выдавил мужик.

– Не напутал, часом? – усомнился Карпов.

Вот уж чего он не собирался делать, так это пасовать перед девчонкой царских кровей. Уж попривык. Если не забывать свое место, то ничего страшного. Семейство Рюриковичей вполне себе адекватное. Хотя было дело, Иван все же испугался Лизоньки, когда понял, что она положила на него глаз. Но вскоре успокоился, будучи прикрытым ее теткой Ириной.

А с тех пор они, почитай, и не виделись. Так что он и думать о той напасти позабыл. Даже когда встречались мельком, а случалось это очень редко, его инстинкт самосохранения спокойно так посапывал в уголке. А вот сейчас буквально взвыл. Вот подумал об этом, и тут же в груди птицей в клетке забилась тревога.

– Не, точно она. По двору идет, – покачав головой, уверенно произнес Миронов.

Откуда Серафим знает царевну в лицо, Иван выяснить не стал. Во-первых, некогда. Во-вторых, местные правители вполне позволяют себе пройтись по улицам среди народа. Могут отстоять службу в обычной деревянной церквушке где-нибудь на окраине Москвы, а то и вовсе в подмосковном селе. Так что не суть важно. Если говорит, что она, знать, она и есть.

Дверь распахнулась, и в конторку ввалился дюжий стрелец в кафтане царевой сотни.

– Царевна Елизавета, – объявил он, одновременно осматривая конторку.

Для троих помещение тесновато. А к чему больше-то? Это ведь рабочее место. Стрелец кивком указал Серафиму на выход. Потом

посторонился, пропуская царевну.

Никаких сомнений, это она. За прошедшие два с половиной года после их знакомства девушка сильно изменилась. Повзросла, налилась статью, угловатость уступила место плавным очертаниям. Сарафан пусть и обычного фасона, но пошит строго по размеру, из дорогой ткани, с, казалось бы, и простой, но искусной вышивкой. Волосы подвязаны нарядной лентой и забраны в толстую косу, переброшеннную через левое плечо на высокую грудь.

Красавица, что тут скажешь. Тетка Ирина нервно курит в сторонке. Ну не то чтобы нервно... Но с молодостью тягаться – тот еще труд. Так что выигрывает царевна, чего уж там.

Иван вдруг поймал себя на том, что рассматривает девушку оценивающим взглядом, и тут же стушевался. Она же, поняв это, зарумянилась. Да еще и вдохнула эдак глубоко, высоко вздымая грудь. Хорошо хоть стрелец стоит позади и не видит этого.

Реакцию Ивана можно списать на растерянность. Все же царевна посетила, не какой мелкий дворянчик. Даже с цесаревичем куда как проще, а в отношении этой девицы есть целая масса условностей.

Собственно, оттого, наверное, Серафима и пробрало. Не знал, как себя повести. С такой особой – как на минном поле. Не поймешь, где подорвешься. Пятку тебе оторвет? Разнесет в клочья? Или все же посчастливится пройти невредимым? Уж больно заступников у нее много.

– Здравия тебе, царевна, – прочистив горло и кланяясь, поздоровался Иван.

Надо же. Не пойми с чего в горле вдруг запершило. Может, оттого, что не ожидал увидеть такую красоту?

– И ты здрав будь, Иван Архипович. – Голос звучит твердо, уверенно и звонко, ни намека на дрожь.

Молодца девица! Совладала-таки с собой, хотя и заметно по ней, что далось это тяжко. Не то что некоторые. Хотя-а... Породу не пропьешь. Опять же, воспитание и среда, в которой росла. Нет, права Ирина в отношении их дочери. Тысячу раз права. Не во всем, конечно. Но прививка – то уж другое.

– Чем заслужили такую честь, царевна? – все еще в недостаточной мере владея собой, спросил Карпов.

– Остап, на улице ожидай, – приказала Лиза, обращаясь к стрельцу.

– Царевна... – попытался было возразить бородатый ветеран.

– Мне нужно повторять приказ? – построжала девица.

Ох и сильна в ней кровь Рюриковичей. Характер просматривается во

всем – в голосе, жестах, осанке. Вроде и не готовили ее на царствование. Ну, насколько известно Ивану. А любо-дорого посмотреть.

– Прости, царевна. – Стрелец поклонился и вышел, притворив за собой дверь.

Едва глянув на вышедшего ветерана, Лиза резко обернулась к Ивану с полыхающим торжеством взглядом. Она не могла ошибиться! Он смотрел на нее как на женщину! Ее облик не оставил его равнодушным! Господи, какое счастье! Она знала! Она всегда знала, что тетка...

– Слушаю тебя, Елизавета Дмитриевна, – вновь поклонился Карпов.

Девушка опешила от неожиданности. Куда подевалась его взволнованность? Отчего голос звучит твердо? Где дрожь, от которой он едва не дал петуха? Где взгляд мужчины, взирающего на красивую и желанную женщину?

А что такого? Пусть он и не царских кровей и к дворянскому сословию не имел отношения в обеих ипостасях, тем не менее не мальчик. Оно, конечно, седина в бороду – бес в ребро. Еще и не такие глыбы рушились у ног смазливой девчушки. Вот только с бесом тут не заладилось, а потому и голову терять не с чего. Иван просто смотрел сейчас на нее, как на подружку своей дочери. И это помогло.

– Кхм. Иван... Архипович... Я хотела заказать себе пару небольших двуствольных пистолей для тайного ношения, – внимательно вглядываясь в его лицо, с явной растерянностью произнесла девушка.

– Такие, царевна? – Иван выставил на стол лакированный футляр и открыл крышку.

Внутри на красном бархате лежала пара колесцовых пистолей со скрытым механизмом и принадлежностями для ухода. Оружие хотя и выглядело изящно, отличалось строгой простотой, с обычным воронением. Никаких изысков и гладкая рукоять из темного ореха.

– Да, такие, – все так же растерянно кивнула царевна.

– Это демонстрационные образцы, Елизавета Дмитриевна, – словно ничего не замечая, начал объяснять Иван. – Потому ничем не изукрашены. Но по твоему желанию можно привнести изменения. К примеру, придать рукояти какой-нибудь особый вид. Ну, там, в форме головы животного, птицы или рыбы. Добавить серебряную насечку или вовсе усыпать жемчугом.

– Иван... – посмотрев на него с обидой и разочарованием, выпалила она и осеклась.

– Да, царевна, – ровным тоном ответил Карпов.

– Ты-ы... Я же вижу...

– Царевна...

– Нет! Не смей! Ничего не говори! Я все знаю! Это она! Это тетка! – Лиза порывисто приблизилась к парню и ухватила его за кисти своими горячими ручками. – Но ты не бойся ее. Нам никто не сможет помешать. Ты уже стал сотенным. И все твердят о твоей храбрости. В следующем походе ты непременно получишь дворянство. Потом снова проявишь себя. Николаю сподвижники очень нужны, он ценит своих потешных, и ему нет никакого дела до родовитости. А я тебя дождусь. Клянусь тебе в этом.

Иван слушал этот лихорадочный полуслепот, силясь принять единственно правильное решение и не находя его. Похоже, девчушка перечитала рыцарских романов. Иван и без того не любил Европу, а уж за подобную подставу и вовсе возненавидел. Нет, понятно, что авторы тех книг вовсе не думали подгадить некоему стрелецкому сыну. Но результат-то налицо!

Радовало только одно. В мастерской достаточно шума, чтобы за дверью можно было хоть что-то расслышать. Окошек же тут не водилось. Стекло в этом мире – слишком дорогое удовольствие и пристало только господскому жилью. Ну и в конторку никто не посмеет войти. Подобных смельчаков еще поискать. Чай, царевна здесь.

Пока Иван соображал, как ему быть, Лиза перешла в наступление. Отпустив его руки, она зажала в ладонях его виски, на мгновение всмотрелась в милый сердцу лик обожающим взором, задержалась на глазах, полных тревоги.

– Лады мой, – скорее выдохнула, чем произнесла девушка, и...

Словно бросаясь в омут с головой, приподнялась на носочки и впилась жаркими, мягкими и податливыми губами в уста своего избранника.

Ну и что ему было делать? Оттолкнуть взбалмошную девчонку? Да не вопрос. Только одна закавыка. Она царевна, и поднять на нее руку, даже в подобной ситуации, – это смертный приговор. Ответить взаимностью? Ох, лучше бы не надо. Та же беда, только вид сбоку. А наказание вроде как может быть и куда хлеще. В смысле казнить-то могут по-разному. Тут те еще затейники...

Меншикову категорически не хотелось идти в эту клятую мастерскую. Ему было прекрасно известно, что ее владелец сейчас в отлучке и делами заправляет его сынок. Обращаться к нему с просьбой не с руки. Но иначе никак, коли хочется иметь пришедшиеся по нраву игрушки. А оружие он любил, не отнять.

Будучи в походе, Алексашка видел, на что способны карповские

пищали. Шутка ли, за короткую стычку измайловцы покрошили столько народу, что ветераны диву давались.

Вот и захотел он заиметь такую же пищаль, а главное, многозарядные пистоли. Заприметил парочку у княжича Воротынского, попробовал и загорелся. Сам идти не пожелал, подослал одного мелкого дворянчика, снабдив деньгами. Да только оказалось, что заказ в мастерской уж принять не могут, потому как работы слишком много.

По всему выходило, что уж Меншикову-то Карпов точно откажет. Не заладилось у них как-то, не сложилось. Поэтому он решил пуститься на хитрость. Заказать пару якобы для Николая. Отказать Иван не сможет. И проверять не станет. Тут дураком нужно быть, чтобы лезть к цесаревичу с дурными вопросами. Так что выполнит все с прилежанием. Может, еще и от платы откажется. Однако вот ни капли сомнений: если Меншиков предложит плату, то этот отказываться не станет.

На подворье Карпова обнаружилась легкая карета. Знакомый, надо сказать, экипаж. И что тут понадобилось царевне? Меншиков уж пару раз ловил себя на том, что при взгляде на нее у него появляются некие желания. Нет, вовсе не постыдные. Просто мелькали мысли, что он может добиться многого в этой жизни, коль скоро судьба свела с Николаем и сделала его любимцем. А там, глядишь, и заполучить в жены царскую сестру сможет. Гнал он от себя подобные мечты поганой метлой, но не без сожаления.

Вот и сейчас навязчивая мысль промчалась, слегка вскружив голову. Впрочем, он быстро спустился на грешную землю. Если случится, не откажется, положит все силы. А нет... Рисковать понапрасну не станет. Лучше быть слугой первого человека в царстве, чем возжелать большего и оказаться на плахе.

Едва прошел в дверь мастерской, как сразу же наткнулся на двух стрельцов из царевой сотни. Ничего удивительного. Царевне выезжать в город без охраны никак нельзя. Интересно, по какой такой надобности она сюда вообще заявилась? Впрочем...

Ответ очевиден. Тем более что небольшие пистоли Карповых в Москве стали весьма модными. От желающих обладать новинкой отбоя нет. К тому же пистоли те на московских улицах вовсе даже не лишние. Трудны в заряжании, не без того. Пулю приходится проталкивать по нарезам. Но зато куда точнее, легче и оборотистее иных образцов.

— Здравия вам, братцы, — сквозь перестук и визг железа вальяжно поздоровался со стрельцами Меншиков.

— И ты будь здрав, Александр Данилович, — на всякий случай выказали

уважение стрельцы.

Ну его к ляду, этого проныру. Эвон как вкрутился под бочок к цесаревичу, который уж соправитель, а скоро... О состоянии здоровья царя Дмитрия знали все. Как не питал особых надежд и сам государь. А то с чего бы ему женить своего сына, которому едва шестнадцать исполнилось. Ясное дело, хочет поспеть увидеть внука, а там с чистым сердцем и в могилу сойти.

Так что ссориться с человеком из самого близкого окружения наследника себе дороже. На это не решаются и более именитые да родовитые. Потому как наушничать Алексашка ничуть не стесняется. Проще сделать вид, что все так и должно быть. Глядишь, еще и пригодится. Опять же, парень не может не вызывать уважения. Вроде и не из дворян, а к нему высокородные с вежеством.

— Хозяин-то в мастерской? Иль я зря ноги бил? — осматриваясь по сторонам и не замечая в цехе никого из знакомых, полюбопытствовал денщик цесаревича.

— Тут, — кивая на дверь за своей спиной, произнес стрелец.

— И Елизавета Дмитриевна там?

— А где же ей еще быть-то. Чай, пистоль заказывать приехала, — пожав плечами, ответил все тот же ветеран, Остап.

— Ясно. А ну-ка, посторонись, служба! — Задорно подмигнув стрельцам, Меншиков угрем скользнул между ними.

Те вновь не стали обострять. Приказа никого не впускать у них нет. Молодец же этот из царского круга, а потому и подозрений не вызывает. Ничего особенного в его желании стрельцы не увидели и слегка разошлись в стороны, давая ему пройти.

А вот приоткрывший дверь Алексашка очень даже увидел. Много чего увидел. Да какие, к ляду, пистоли! Плевать! Он такое увидел! Такое!

Спокойно. Только спокойно. Вот так, прикрыть дверцу, пока эти голубки его не приметили. И назад. Ага. Стрельцам что-то сказать надо.

— А ну его, братцы. Потом зайду, — махнул он рукой с видом человека, которому неприятности без надобности.

— Что так? Вроде рвался, а тут передумал, — вздернул бровь Остап.

— Да просто подумалось тут — бери ношу по себе, чтобы не падать при ходьбе. Дело-то у меня неспешное, а там царевна. А ну как осерчает. Чай, не княгиня какая. Цесаревичу нажалуется, а у него рука тяжелая.

Вот так вот. Новость новостью, но не след ронять себя в глазах окружающих. Мол, царский род — он царский и есть, а все эти князья, княгини и бояре идут лесом. А еще и намек на то, что его только сам

наследник наказывает. Причем собственноручно. И судя по понимающим ухмылкам, Меншиков своего добился.

Единственное, что мог предпринять Иван, это вытянуться по стойке смирно, бросить руки по швам и, задрав подбородок, крепко сжать губы. Во всяком случае, ничего умнее ему в голову не приходило. Любой иной подход был чреват теми или иными последствиями. Позиция же стойкого непротивления могла послужить хоть каким-то шансом избежать сурового возмездия.

Правда, оставался еще вариант заполучить в лице царевны лютого врага. Ох, лучше бы не надо. Поруганная первая любовь. Это может остаться на всю жизнь. Если вы умудрились смертельно обидеть женщину, знайте, ваши проблемы только начинаются. Большие проблемы. И уж тем более если это касается Рюриковичей. Кровь у них – что гремучая ртуть.

– Ты чего, Ваня? – оторвавшись от него, но продолжая буквально висеть на шее, растерянно и вместе с тем обиженно спросила Лиза.

– Прости, царевна, но из этого ничего хорошего не выйдет, – все так же тянясь в струнку, четко, по-военному ответил сотенный.

– Ты о чем, Ваня? – недоуменно проговорила она, отступая от него на один шаг. – Я же знаю, ты меня любишь. Я это вижу.

– Это не имеет ровным счетом никакого значения, царевна.

Нет, только не отвергать и не отталкивать. Выставить себя и ее жертвами обстоятельств, но ни в коем случае не глумиться над пылающим страстью сердцем. Не сказать, что Иван был психологом, но он обладал богатым жизненным опытом и был отцом двух дочерей. Поэтому надеялся, что худо-бедно в этом что-то соображает.

– Почему не имеет значения? Мы любим друг друга...

– Ты царевна, и этим все сказано. – Не отрицать свою любовь, но и не признавать, побольше неопределенности.

– Но тетке Ирине ты отказать не смог, – желчно выплюнула она.

– Выйдя замуж, Ирина Васильевна перестала быть царевной и стала великой княгиней, утратив право престолонаследия. Ты же все еще наследница царя, пусть и вторая в очереди. Мне только лишь помыслить о тебе – уже совершив преступление против трона. А за то прямая дорога на плаху. Я не боюсь смерти, Елизавета Дмитриевна. Но коли уж суждено погибнуть, хотел бы сделать это, положив жизнь на алтарь служения Русскому царству. И да, царевна, ты совершенно права. Отказать Ирине Васильевне я не смог.

Последнее он сказал таким тоном, словно всем своим существом

пытался достучаться до девушки и объяснить ей, что он вынужден находиться подле княгини. И судя по пониманию в ее взгляде, ему это таки удалось.

— Я тебя поняла, Ваня. Просто помни о том, что я тебя буду ждать столь долго, насколько смогу. Только и ты уж постараися побыстрее возвыситься. Ты можешь, я знаю. Талантов и храбрости у тебя для этого достанет.

— Я брошу на то все силы, царевна. Клянусь тебе в том, — со всей возможной искренностью и душевной мукой заверил Иван.

Плевать, что он сейчас врал. Главное, отвести грозу. А с остальным можно будет разобраться после. И еще. Ни в коем случае не высовываться. Не хватало еще, чтобы царевна слетела с нарезки. И вообще подальше держаться от этой красотки. Интересно, поверила?

Хм. Похоже, получилось-таки избежать серьезных неприятностей. Вон как царевна подобралась и преобразилась. Ни растерянности, ни злости, только ликование, удовлетворение и надежда на будущее. Нет, точно в этой головке засел не один десяток рыцарских романов и всевозможных любовных историй. Этот мир уже знает Шекспира и его Ромео и Джульетту? Не помнит. Но если да, то это творение не могло пройти мимо жадной до переживаний Лизаветы.

— Я буду ждать, Ваня, — мило улыбнувшись, с детской непосредственностью произнесла она.

Потом вдруг стала собранной. Ну или хотела казаться таковой. Потому как игра читалась на ее лице, как в открытой книге. Обежала взглядом мастерскую, задержавшись на все еще открытом футляре с оружием.

— Так. Я возьму вот эти пистоли, — деловито заявила она.

— Царевна...

— Лиза. Когда мы одни, называй меня Лиза. К чему перед самими собой-то таиться.

Вот же з-зараза малолетняя. Свалилась на его голову. Но тут уж ничего не поделаешь. Нужно разруливать и делать выводы на будущее. Герой, блин, любовник!

— Прости. — Вот так, нейтрально, без имени, благо тут не заморачиваются с обращением на «вы». — Я просто хотел сказать, что тебе сделают другие.

— С этими что-то не так?

— Все так. И работают они исправно, и бой у них точный. Просто эти я делал как образцы. На них нет никакой отделки, одно лишь воронение. Не пристало деве твоего положения.

– Ты их сам делал? – внимательно посмотрела на него царевна.

– Да.

– Я возьму эти, – решительно произнесла она.

Ивану оставалось только мысленно пожать плечами. Господи, что тетка, что племянница – одна кровь, одни повадки.

– Сколько я должна тебе за них?

– О чём ты? Это подарок, – искренне возмутился Иван.

– Прости. Как-то не подумала, – зардевшись от удовольствия, произнесла девушка, принимая футляр с пистолями и прижимая его к груди.

Ну и какого стоим? Чего застыла, как изваяние? Пистолеты получила, как и намек на вечную любовь и преданность. Пора отчаливать. Ага. Как бы не так.

– Ваня, коли любишь, поцелуй меня. – И эдак преданно смотрит, как собачонка.

Господи, вот пришиб бы самого себя за такое. Но... Бог весть, может, это и глупость величайшая, ну вот не видел он иного выхода.

Иван приблизился к девушке, взял ее запрокинутую головку в свои большие ладони и, склонившись, запечатлел на ее устах быстрый и легкий поцелуй. Настолько быстрый, что едва успел почувствовать ее горячее дыхание и инстинктивно раскрывшиеся ему навстречу губы. Нет, об опьте тут говорить не приходилось, это он почувствовал еще в первый раз. Но вот страсти в этой юной особе просто в избытке.

Лиза, замерев, простояла еще несколько секунд, после того как он отступил от нее. При этом глубоко дышала, высоко вздымая грудь. Наконец с ее глаз сползла поволока, и появилось сожаление, смешанное с откровенным торжеством. Еще раз глубоко вздохнув, она в упор посмотрела на Карпова:

– Я буду ждать, Ваня. Что бы ни случилось, куда бы меня ни забросила судьба, я буду ждать. Не тяни.

– Я постараюсь, – вновь искренне заверил Иван, вкладывая в эти слова свой смысл.

Озарившись шальной и задорной улыбкой, стрельнув в него напоследок лукавым взглядом, девушка резко развернулась и вихрем вылетела из конторки. Ивану только и оставалось, что облегченно вздохнуть и опуститься на табурет.

И что это было? Вот как теперь выкручиваться из ситуации? Ой, нет, это дело лучше переспать. А еще лучше промыть чем-нибудь покрепче, чтобы мозги сначала сверзились, а потом вновь встали на место. Идея,

кстати, не из самых глупых. Ничего не станется, если он разок забьет на службу.

Лизавета же выпорхнула из цеха в весьма приподнятом настроении, прямо-таки лучась счастьем. При этом она прижимала к груди деревянный футляр с пистолетами, и стрельцы рассудили так, что она получила то, чего очень сильно хотела.

Конечно, получила! И пистоли в том числе. Потому как они его работы. Самолично изготовленные. У тетки есть карабин личной выделки Ивана, пистоли же – уже с серебряной насечкой и резными рукоятями, а потому чисто его работой не являются. А теперь и у Лизы есть такой подарок. И это лишь начало!

Довольная, царевна устроилась в легкой карете и метнула в находящуюся там Анюту победный взгляд. Вот только преданная служанка вовсе не разделяла настроение своей госпожи. Она не одобряла ее идею прийти и попросту открыться сотенному. Глупо же. Одно дело – вздохи и ахи в темном уголке и совсем иное... Нет, об этом Анюта и помыслить не могла. Шалости шалостями, но что тут может начаться... Правда, и помешать царевне она также не могла.

– Ну! Что я тебе говорила! – когда карета тронулась, подаввшись к Анюте, жарко зашептала царевна. – Он меня любит. Просто тетка Ирина такая прилипчивая, что он не знает, как от нее избавиться...

И девушка увлеченно принялась рассказывать о том, что произошло в тесной конторке. Она пребывала на седьмом небе от охватившей эйфории, а потому поведала верной Анюте все до мельчайших деталей. И о первоначальной холодности, и о том, как его сердце растаяло и он все же ей открылся, запечатлев на ее устах страстный долгий поцелуй. Ну, преувеличила малость, эка невидалъ. И вот пистоли от него в подарок, самолично выделанные.

Однако служанка не спешила радоваться за свою госпожу. Наоборот, ею тут же овладела нешуточная тревога. Да что там, она буквально ужаснулась.

– Ты что, Анюта? – удивилась царевна.

– Лизавета Дмитриевна, ты пока в той мастерской была, тут появлялся денщик братца твоего, Алексашка Меншиков.

– Странно. Я его не видела. Впрочем, не удивлюсь, если я сейчас и мимо батюшки пройду. Такая я счастливая, – мечтательно вздохнула она.

– Действительно странно, что ты его не видела, царевна. Ведь он заходил вовнутрь. Только пробыл недолго. Добежал до коня, вскочил в

седло и был таков.

– Глеб, останови! – постучав в потолок кареты, приказала Лиза.

Выглянула в окошко и подозвала к себе стрельцов, сопровождавших ее верхом. Официальный выезд – он и есть официальный.

– Остап, Аньота говорит, будто бы Алексашка Меншиков заходил в мастерскую.

– Было дело, Лизавета Дмитриевна, – степенно ответил стрелец.

– И за какой надобностью?

– Так бог весть, царевна. Сунулся было за дверь, да вовремя спохватился, что ты там. Ушлый, шельма, но край, за который заступать не след, чует.

– Глеб, а куда он поскакал, случаем, не видел? – Это уже к кучеру.

– Так от ворот влево подался. За околицу, получается.

– Ясно. Трогай.

– Слушаюсь, царевна.

Лиза откинулась на мягкую спинку, согнав брови к переносице. Тетка не раз говорила, что подобное царевне не пристало. Мало того что это выдает эмоциональное состояние, так еще и морщины появляются. Вот уж какой радости не надо до самой старости. Эвон тетке уж сколько лет, а надо отдать ей должное – выглядит просто красавицей.

Впрочем, морщины и искусство владения собой сейчас Лизу занимали меньше всего. Она романтическая натура, то так. Но не дура пустоголовая. А потому сразу сообразила, чего это Алексашка помчался со двора как ошпаренный. Он видел! С-сволочь! О нем как о наушнике братца знают все.

Оно бы и наплевать. Братец – тот, конечно, осерчает, но ничего ей не сделает. Даже если она глупость какую легкомысленную учинит, ничем особым ей это не грозит. Ей. Но не Ивану. И сейчас она должна защитить своего ладушку. Вот только если этот пройдоха успеет донести весть до братца, Ванечке не отмыться вовек. Да и век его будет недолгим.

– Аньота, я так понимаю, если подался за околицу, то это короткий путь на Преображенское? – вдруг найдя решение, поинтересовалась царевна.

– И на Преображенское, и на Измайлово, – утвердительно кивая в такт своим словам, подтвердила испуганная девушка.

Никаких сомнений, она будет верна царевне. И уж не раз это доказывала. Но охвативший ее страх скрыть и не пыталась.

– Вот, значит, куда он подался. К братцу на доклад.

Алексашка же донесет. Тут никаких сомнений. Ей ведомо, как Иван

осадил его и поставил на место. Как ведомо и о злопамятстве и мстительности Меншикова. Раньше-то это ее не касалось. Но теперь...

– Царевна... – едва не пропищала служанка, что было совершенно несопоставимо с ее статьями.

– Не бойся, Анюта. Ничего страшного пока не случилось. А Алексашка сильно удивится, когда узнает, что Николая в Преображенском нет.

– Как так?

– А вот так. Батюшка его к себе призвал.

– Спешно? – с надеждой уточнила Анюта.

Интерес вовсе не праздный. Если царь призывал спешно, то Николай по обыкновению бросал все дела и немедля отправлялся в Москву. Если же это был обычный вызов, то мог прибыть пред светлы очи батюшки и к вечеру. Сейчас же только утро, пусть и не такое уж раннее.

– Нет, Анюта. Без спешки, – прикусив губу, ответила Лиза.

Всю дорогу до Кремлевского дворца она просидела как на иголках. Ей казалось, что и время слишком уж быстро бежит, и карета едет слишком медленно. И чудилась раздуваемая в пыточной жаровня, хотя она там ни разу не бывала. И виделось истерзанное тело Ивана. Хм... Смутно как-то виделось. Вот не случилось ей видеть мужчин без рубахи.

Когда же по прибытии царевна узнала, что братец еще не приезжал, сердце и вовсе ухнуло куда-то вниз, а под ложечкой появился тошнотворный комок сосущей пустоты. Неужели Меншиков поспел раньше ее? Не приведи господь!

– Лиза? Ты чего здесь? Уж не меня ли караулишь? – поинтересовался Николай, приметив в переходе у дверей своего кабинета сестру.

Он имел обыкновение по приезде в Кремлевский дворец сразу же направляться на свое рабочее место. И только потом приступал к иным делам. Конечно, так случалось не всегда, но в большинстве случаев. Карабулить же его у кремлевской стены – занятие бесполезное. Мало того что царевна привлечет к себе внимание, так еще и брат мог въехать в любые из ворот. К тому же во дворец нередко хаживал черным ходом, если так было короче. Вот и выходит, что надежнее всего ожидать его именно здесь.

– Тебя, братец. А ты, я гляжу, не больно-то торопился.

– Так спешки вроде никакой. Иль я чего-то не знаю?

Не знает! Он ничего не знает! Значит, все же разминулся с Меншиковым. Спасибо тебе, Господи! Уж теперь-то она как-нибудь сладит.

– Ясное дело, не знаешь, – подтвердила догадку Ивана Лиза.

- И чего именно?
- Да так. Ничего особенного, – начала юлить она.
- Ли-иза-а, ты же специально меня поджидала, чтобы сообщить это.
- Не обращай внимания, братец. То я по природной девичьей глупости, – дурашливо продолжала отнекиваться царевна.
- Вот уж во что не поверю. А ну, сказывай.
- Тебя батюшка звал?
- Ну?
- Вот он и расскажет. Э-э, ты куда? Царские палаты в другой стороне, – всполошилась царевна, преграждая путь Николаю.

А все потому, что тот вознамерился направиться в свои палаты. Царь не поскупился и выделил молодоженам самые просторные помещения. Словно намекая на многочисленное потомство. Правда, уж почти полгода, как Николай женился на Ксении Лопухиной, а о возможном пополнении никто пока не заикался.

Кстати, молодоженами они были самыми настоящими. Цесаревичу едва исполнилось восемнадцать, цесаревне же шел только пятнадцатый год. Впрочем, на Руси в ходу были и более ранние браки. Церковь определила нижний порог для мальчиков в пятнадцать, а для девочек – в двенадцать лет. А тут еще и царь, возжелавший непременно увидеть внука.

Впрочем, надо заметить, что, хотя решение принимал Дмитрий Первый, брак этот был счастливым. Это прекрасно заметно по взаимоотношениям молодых. И Николай стал куда чаще бывать в Кремле, и Ксения нередко гостила в Преображенском.

Вот и теперь, осененный догадкой, Николай рванулся в палаты, где, по идеи, должна была сейчас находиться супруга. А если нет, найдет. Невелик труд. Даже если станет от него прятаться. Уж он-то знает дворец как свои пять пальцев.

- Ли-иза-а, отойди.
- Братец, батюшка мне этого ни за что не простит, – повиснув у него на руке, начала канючить царевна.
- Значит, так и есть. Ну, скажи.
- Что тебе сказать?
- Лизка!
- Ну да, да, понесла Ксения.
- Сестренка! – Николай подхватил ее на руки и закружил по коридору.
- Коля, поставь меня на пол. Немедленно опусти.
- Сестре-онка!
- Коля. Коль. Ну, Коля.

– Ну чего тебе? – опуская сестру на ноги, улыбнулся он.

– Ты давай к батюшке иди. Ага?

– Неа, – тряхнув длинной распущенной шевелюрой, возразил цесаревич. – К Ксении пойду. Спасибо, сестренка.

– Коля! – в отчаянии заломила руки девушка.

– Лизонька, вот честно-честно, разыграю перед батюшкой такую радость и удивление, что он только на небесах узнает о моем лукавстве. Но он простит. А сейчас сначала к Ксении.

– Ну гляди, братец, не подведи. Мне перед батюшкой и без того совестно, не устояла, проболталаась. А тут еще и стыдно будет, когда он станет мне пенять.

– Не сомневайся, все сделаю в лучшем виде.

Это цесаревич бросил уже через плечо, удаляясь в направлении своих покоев. Разумеется, видеть при этом довольную улыбку Елизаветы он не мог.

А что такого? Имеет право. Вон как все ловко разыграла. Куда в первую очередь бросится Меншиков, узнав о том, что Николая призвал царь? Правильно, к покоям Дмитрия. А куда он направится, узнав о том, что Николай у батюшки пока не появлялся? Сюда, в кабинет. И только в самую последнюю очередь к Ксении.

Нет, в том, что этот проныра узнает новость, едва ступив за кремлевскую стену, Лиза не сомневалась. Но он ведь понимает, что никто иной, кроме государя, рассказать о том Николаю попросту не решится. Так что остается только ждать.

– Здравия тебе, Елизавета Дмитриевна, – поклонившись, поприветствовал ее Меншиков.

Ждать этого прохиндея пришлось недолго. Вот он, весь покрыт грязевыми разводами. Уж неделю как стоит бабье лето, а потому дороги просохли и покрылись мягким пыльным покрывалом. Вот и денщику досталась его доля. Эдакая плата за спешку.

Только сейчас, глядя на запыхавшегося Меншикова, Лиза до конца осознала, насколько тот злопамятен. Ведь при всей своей жадной натуре не захотел воспользоваться случаем и припереть Ивана к стенке. А с Карпова есть что взять. Хоть клинок булатный, хоть пищаль или пистоли, равных коим нигде не сыскать. Нет, этот настолько обижен на Ивана, что готов без раздумий его погубить.

– А-а, это ты Алексашка, – не здороваясь, с некоторой ленцой и вальяжностью произнесла Лиза. – Отчего же ты не поздоровался со мной в Стрелецкой слободе? Чай, на одном подворье были.

– То так, царевна. Да только запамятовал я о поручении, данном мне цесаревичем. Вот и испугался, что осерчает. А рука-то у него тяжелая. Потому и спешу с докладом.

– А о чём доложить-то спешишь? Уж не о том ли, что домогался меня, за руки хватал и в уголку прижимал, в любви клялся и мир ради меня перевернуть грозился? – глядя прямо в лицо Меншикова, ошалевшего от подобного заявления, спокойным и уверенным тоном спросила она.

– Н-не было того, – запнувшись, выдавил из себя денщик.

– Ну так и того, что ты вроде как видел, тоже не было. Но ты-то уверился в ином. И как думаешь, кому батюшка и братец поверят, тебе или мне? А я на том перед образами присягну. И ведь не больно-то и солгу. Видела пару раз, какими глазами ты на меня глядел.

– Это Ваньку от дыбы не спасет, – упрямо буркнул Меншиков.

– Так и тебе добром не обернется. А потом, Ваня – он сильный. Оно, конечно, тяжко ему придется на дыбе. Но он сдюжит. А вот я от своего не отступлюсь и стоять на том буду, пока тебя на Лобное место не потащат. Умерь свой пыл, Алексашка. И Ивана обходи десятой дорогой. Понял ли? – буравя его ненавидящим взглядом, закончила Лиза.

Признаться, такой царевну видеть денщику еще не доводилось. Николая – того да. А вот она перед Меншиковым всегда представляла в образе мягкой, ласковой, пушистой и веселой. А тут... Ну прямо тигра зубатая из царева зверинца.

– П-понял, царевна, – наконец выдавил из себя Меншиков.

– Ну а коли понял, поди прочь, червь.

Ну а что ему оставалось делать? Поклонился и попятился, как рак. А еще порадовался тому, что не застал цесаревича. Потому как тогда бы беды не миновать. Ну не ожидал он, что Лизавета так беззаботно бросится на защиту своего Ваньки.

И ведь Алексашка не сомневался, что свою угрозу она исполнит. Было что-то такое эдакое в ее облике, заставившее его поверить сразу и бесповоротно. Сомнительно, что подобное заступничество спасет Карпова, но и его, Меншикова, погубит. А такого ему не надо.

Поэтому он предпочел сдать назад и затаиться. Опять. И счет к Карпову оттого только многократно вырос. Ничего. Посчитается еще. Дайте только срок. А дуриком переть напролом – он ума еще не лишился.

Елизавета провожала понурившуюся фигуру денщика братца с нескрываемым торжеством. Ее просто переполняла гордость за себя. Нет, не из-за одержанного верха над этим червем. Больно много чести. Только что она встала на защиту своего любимого и, провернув интрижку,

сотканную буквально на коленке, сумела отвести от него неминуемый удар.

– Ничего не бойся, Ванечка. За тебя я любого в порошок сотру.

Девушка вновь усмехнулась, отвернулась и, огладив толстую косу, покоящуюся на ее груди, степенно направилась в покой братца. Очень уж ей хотелось пообщаться с Ксенией. Каково оно, когда в тебе зарождается новая жизнь? Ей это было страсть как интересно.

Глава 4

Союзник

Иван открыл глаза и инстинктивно потянул из-под подушки двуствольный пистолет. В револьвере зарядов, конечно, побольше будет. Но даже если забыть о его габаритах, остаются еще и такие выпирающие детали, как курок и кресало. Поди быстро извлеки его наружу. А двустволка, «карповка», как ее уже окрестили в Москве, выступающих частей не имеет. Да и пара выстрелов без проворачивания стволов сегодня дорогого стоит.

Тем не менее, пока садился и отжимал предохранитель у двустволки правой рукой, левая потянулась к стулу возле кровати. Там лежит пара револьверов. Ага. Параноик. Есть такое дело. Он вообще стал нервным после того, как посетил Вильно. Слишком много нелестного слышал об иезуитах в своем мире, чтобы чувствовать себя в полной безопасности в этом.

За окном разрываются лаем четыре дворовых паса. Животины выдрессированы Серафимом и попусту лаять не станут. Это либо кто пристроился возле забора, к примеру, нужду малую справить, либо решил перелезть во двор, ну или стучится в калитку. Никакие иные варианты не могли подвигнуть собачек поднять гвалт. Пустой брех – это точно не про них.

Миронов в воспитании собачек вовсе не руководствовался принципами борцов за права животных из мира Ивана. Зато сторожа четко знают, за что они получат дополнительное угощение, а за что их и по спине палкой перетянут. Вон на выделенном подворье мастерской и вовсе десяток псов, но в дела соседей не вмешиваются. Правильное воспитание – великая сила!

Хлопнула дверь дома Мироновых.

– Ну, чего расшумелись?

Голос Серафима звучит громко, но вместе с тем спокойно. Это он ради собачек старается, потому как пока в поднятом ими шуме не видит ничего предосудительного. А вот и стук в калитку. Это деревянным молоточком, подвешенным за веревочку. Очень удобно. Не то все руки отбить можно, пока достучишься до хозяев.

Ночные гости? Вот уж что ничуть не могло успокоить Ивана. Отложив

оружие, быстро натянул штаны. Портянки просто вдавил в сапоги, и они кое-как охватили ноги. Если горячо, то на первое время сойдет. Некогда их мотать. Накинуть кафтан. И все время посматривать в окно, где достаточно отчетливо видна фигура кабального с карбидным фонарем в руках.

– Ну все. Успокойтесь. Молчать, сказал! Кого там принесло?

Что-то ему ответили. Пригрозил, что собачки у него не на сворке, и предложил входить, но не делать резких движений. Ага. Псы этого страсть как не любят. Уселись полукругом в сторонке и таращаются на ночного гостя.

Хм. Или гостью? Все же плащ с капюшоном вполне себе женского покроя. Опять же, как ни крути, а в свете фонаря женская фигура угадывается без труда, пусть и весьма рослая.

Рослая?

Стук в окно, отчего Иван вздрогнул, будто его прошиб электрический разряд. Не дай бог! Нет, ну за что ему такая радость-то?

– Иван Архипович, проснулся, что ли?

– Да.

– Тут к тебе пришли.

– Проведи в дом.

– Отказываеться. Просит, чтобы ты вышел.

– Иду.

Вышел. А что делать? Забрал у отошедшего в сторону Серафима фонарь. Так и есть. Анютка. Ну не мальчик же в самом-то деле. Мог бы и догадаться, что царевна не успокоится на достигнутом. Это как остановиться сластене, после того как надкусил пирожное. Нереально. ВалиТЬ нужно было из дома.

– Здравствуй, Анютка.

– И тебе здравия, Ваня.

– Только не говори мне, что...

– За околицей ждет, – тут же разочаровала девушка.

– Она что, с ума сошла? То на гулянья, теперь вот за околицей одна.

– Не одна. С Егором.

– Еще и его сюда приплела. А ничего, что ему это может плахой аукнуться?

Взгляд как на недалекого человека. А. Ну да. Тут вам не там. Риск, конечно, рядом с сильными мира сего присутствует. Но зато иметь серьезного покровителя – вовсе даже не лишнее. А что больше всего ценится в слугах? Беззаветная преданность и готовность ставить в заклад свою жизнь. Так что никаких сомнений относительно того, как следует поступить, у Егора и Анюты не было.

Стоп!

– С Егором? Так, значит, этот паршивец... – наконец сообразил Иван.

– Да, – подтвердила его догадку девушка.

– И как давно?

– Год уже, как он служит ей и докладывает обо всем, тебя касаемом.

Собирайся уж и пошли. Ждет.

– Л-ладно. С этим паразитом я потом разберусь. Ты сама-то понимаешь, что происходит? Случись, и ее ославят. Тебя из дворца погонят поганой метлой, потому как верой и правдой служила своей госпоже. А вот нас с Егором препроводят на Лобное место. Меня – за то, что воззрился куда не след. Егора – потому как он служилый человек.

– Чего от меня-то хочешь? – огрызнулась Анюта.

Ага. По всему видать, она поступок царевны не одобряет. Уже хлеб. Значит, можно договориться. Просто она не видит, как из этой ситуации вывернуться. Иван видит.

– В общем, так. Скажешь ей, что нет меня дома. Уехал в Измайлово.

– В Кремлевском дворце сегодня гулянье, цесаревна Ксения понесла. Тетка ее там. Потому она и поспешила сюда.

Ага. Молодец девица. Никаких имен. Значит, сослаться на Ирину Васильевну нельзя. Ничего. У него ведь целая сотня. Причем там же, в Измайлово. Стоп. Не пойдет. Егорка же с ней. Отправит его вызвать. Так-то через Анюту можно и его предупредить. Да только тогда уж это точно будет выглядеть так, словно он прячется.

– Тогда скажешь, что дома меня нет. Слуга ответил, будто отправился за какой-то надобностью в Немецкую слободу. Поняла?

– Поняла. Ох и свалились же вы на мою голову.

– Ты меня сюда не плюсуй. Я-то тут при чем?

– А мне от того не легче, – резко обворачиваясь к калитке, произнесла девушка.

Проводив ее на улицу, Иван тут же поспешил к Серафиму, тихонько стоявшему в сторонке. Эдак чтобы и под рукой быть, и лишнего не услышать. Нет, оно, конечно, любопытно. Но он знал грань. И вот такие ночные визиты ему совершенно не нравились. А так – хоть пытай. Приходила какая-то девица. Кто, зачем, откуда, знать не знаю, ведать не ведаю. Так спокойнее – уж кто в полюбовницах у Ивана, Миронов знал доподлинно.

– Серафим, седлай лошадь. Я уезжаю. Если будут спрашивать – уехал еще с вечера. Вот как стемнело, так и уехал, – перестраховался Иван, вспомнив о детях. – И Дарью свою о том упреди.

- А кто будет спрашивать-то?
- Да хоть кто. Хоть батя иль матушка, хоть бродяжка безродный.
- И куда поехал?
- В Немецкую слободу. Зачем – не ведаешь. Забрал подарки, что ладили по моему приказу, и укатил. Понял?
- Никак в бабах запутался, Иван Архипович? – не выдержав, ухмыльнулся мужик.
- А вот это, Серафим, не твоего ума дела, – резко оборвал его Иван. – Лошадь седлай. И подарки неси.
- Слушаюсь, – тут же осадив, ответил Миронов...

Ирина не без удовольствия осмотрела танцевальный зал. Что и говорить, убранство, подобранные со вкусом, впечатляло. Никакой вычурности или убогости. Все чинно, прилично и... богато. Как ни крути, царский дворец. Ничего подобного нет во всей Европе. Постройка этого чуда обошлась казне в баснословную сумму. Но зато есть что показать и чем блеснуть перед европейцами.

Не сказать, что она заглядывала им в рот. Вовсе нет. Но с другой стороны, проживать в прежних палатах, не идущих ни в какое сравнение с этим великолепием, русскому царю не приличествовало. Словом, пусть и жалко серебра, но надо. Ну и глаз радуется от созерцания такой-то красоты.

А еще оттого, что освещение тут устроено полностью с помощью новомодных ламп, что ладят в мастерской Карповых. И в зале куда как светлее, чем было прежде, несмотря на все ухищрения с зеркалами. Мысль о том, что это дело рук ее Ивана, разлилась теплом по груди.

– Княгиня, твой лимонад. – Представший перед ней мужчина лет тридцати протягивал высокий стакан с любимым напитком.

– Спасибо, Остап, как раз вовремя, – принимая стакан с милой улыбкой, поблагодарила Ирина.

После стремительного танца нет ничего лучше стакана лимонада. Как ни странно, но после отравления никакого отвращения или предубеждения по отношению к этому напитку у нее не появилось. Ей по-прежнему нравилось утолять жажду именно им. Разве только теперь она принимала его лишь из проверенных рук.

Откуда такие взять на приемах и гуляньях? Так вот они, двое, из ее четверых преданных псов. Она всех их возвела в потомственное дворянство. Не сама, ясное дело, братца попросила, и тот ей не отказал. Пусть и тяжко получить дворянство на Руси, ради сестры Дмитрий еще и не то сделал бы. Теперь телохранители сопровождали ее практически

повсюду, не вызывая при этом никаких кривотолков.

Остап занял место рядом с Матвеем, явно чувствующим себя здесь не в своей тарелке. И обстановка непривычная, и одежда неудобная. Словом, не сказать, что он рад произошедшим переменам. Но служить готов хоть нагишом на лютом морозе, хоть в тулупе в летний зной.

А вот Остап, Алексей и Антон вполне нормально вписались в новый образ. Еще и не ленятся обучаться приличным манерам. А то ведь случается и за столом сиживать, куда раньше их никто даже помыслить не мог допустить. И вот танцы разучивали. Потому как Ирина Васильевна настояла. Дворянин на гулянье должен танцевать, а не сторожевым пском подле нее расхаживать. Ну не хотелось ей так уж сильно привлекать к себе внимание.

Правда, в отношении Матвея она все же сделала исключение. Этого волка поздно переучивать. Но, надо отдать ему должное, он умудрялся оставаться абсолютно незаметным и держался чуть поодаль. При этом ухитряясь полностью контролировать окружающую обстановку.

— Княгиня, позволь засвидетельствовать тебе свое почтение. — Подошедший к ней высокий, статный мужчина говорил с ярко выраженным французским акцентом.

А вот одет был полностью в русском стиле. Зеленый каftан из легкого, но доброго льна с витыми петлицами и кисточками на концах. Застегнут на все пуговицы под воротник-стоечку. Подвязан красным кушаком. На ногах замшевые нарядные сапоги и не такие уж свободные порты. На голове никакого парика, волосы острижены все на тот же русский манер.

— Господи, де Вержи, ты ли это? — искренне удивилась Ирина.

— Неужели мне удалось тебя удивить, княгиня? — не без удовольствия спросил он, с присущей ему грацией отставляя ногу и принимая картино горделивую позу.

— Честно скажу. Я слышала о том, что ты радикально изменил свой гардероб, всюду стараешься говорить только по-русски, даже со своими соотечественниками. Но, как говорится, слышать и видеть — это две большие разницы. Однако как такое случилось, что ты все это время умудрялся избегать меня?

— Это несложно, Ирина Васильевна. Достаточно целиком и полностью отдаваться службе и оставаться безвылазно в Преображенском. Вот и все.

— Но к чему идти на такие жертвы? — не переставая веселиться, поинтересовалась она.

— Пообещай не смеяться, княгиня, — попросил де Вержи, воровато

поглядывая по сторонам.

– Обещаю, – столь же воровато и заговорщицки произнесла Ирина, явно забавляясь происходящим.

– Понимаешь, дело в том, что, имея такой элемент гардероба, как парик, мужчины должны ходить практически лысыми. А подобная прическа никак не вяжется с этим одеянием. Пришлось ждать, пока не отрастут волосы, – разведя руками, пояснил де Вержи.

– Отчего же я должна над этим смеяться? – покачав головой, возразила Ирина, в глазах которой так и прыгали бесята. – И что же тебя вдохновило на сей подвиг? Я ведь понимаю, что подобное не могло вызвать одобрение не только среди твоих соотечественников, но и во всей Немецкой слободе.

– Ну, я ведь приехал в Русское царство не просто служить, а решил сделать его своей второй родиной. А как у нас говорят – в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

– У нас? – в удивлении вздернула брови Ирина.

– Ты не ослышалась, княгиня. Именно у нас.

– Вот даже как. Что же, любезный де Вержи, коли так, то добро пожаловать домой. Может, еще и веру сменишь?

– И как я смогу после этого заслужить уважение моих новых соотечественников? Вот то-то и оно, – ловя княгиню на том, что она слегка отвела взгляд, произнес француз. – Моя принадлежность к католицизму не мешала мне служить русскому престолу верой и правдой до этого, не помешает и впредь.

– Прости, я вовсе не хотела тебя задеть.

– Я знаю, княгиня. И, видит бог, не обижаюсь. Скажу более – я собираюсь жениться на русской и не стану препятствовать тому, чтобы мои дети приняли православие.

– Дорогой Гастон, да здоров ли ты?

– Абсолютно.

– Даже боюсь спрашивать об остальных планах. По-моему, на сегодня удивительного было в избытке. Нет. Все же не удержусь. А как же твоя помолвка?

– Во-первых, помолвки не было. Все к тому шло, и только. Во-вторых, я прекратил ухаживания, и мне отказали в доме. Так что здесь мосты сожжены.

– Итак, ты решил начать новую жизнь.

– Именно.

– Смело.

– А я не из трусливого десятка, княгиня.

В этот момент вновь заиграла музыка. Начинался танец, в основе которого лежала старинная русская игра «ручеек». Правда, помимо самого «течения ручейка» в него входили различные рисунки. Их исполнение требовало плавных, неторопливых движений. В принципе ничего сложного. Можно даже в процессе танца подсматривать и повторять за окружающими. Но это если не боишься выглядеть смешным из-за собственной неуклюжести. Правда, в этом есть и свои плюсы – партнерша в таком случае будет просто блестать на фоне неумехи.

– Княгиня, позволь пригласить тебя на танец? – отвесив элегантный поклон, на русский же манер произнес полковник.

– Это русский танец, – с хитринкой кивнув головкой в сторону музыкантов, напомнила она.

– Я это понимаю, – совершенно спокойно ответил француз.

– Де Вержи, ты все продолжаешь меня пугать. Ладно. Где наша не пропадала. Но помни, ты сам виноват.

– Я непременно буду это помнить, Ирина Васильевна.

Однако, к удивлению Хованской, де Вержи не суждено было опозориться. Его движения были выверенны, точны и изящны. Француз, что тут еще сказать.

– Гасто-он!

Когда рисунок танца вновь свел их вместе, Ирина не сумела сдержать изумленного возгласа.

– Незнание русских танцев было еще одной причиной моего вынужденного затворничества.

– И кто же тебя научил?

– У меня в полку достаточно русских дворян, в совершенстве владеющих этим умением.

– Боже. Я надеюсь, там были только танцы, – используя очередной рисунок и склонившись к самому уху партнера, шепотом произнесла княгиня.

– Я знал, что не стоит тебе этого говорить. Но даже не надеялся меня смутить, – отвесивая поклон и расходясь с партнершей, с открытой улыбкой парировал де Вержи.

В этот момент его душа, что говорится, пела. Он уже не первый год знаком с великой княгиней. Одно время пытался за ней ухаживать и был отвергнут. Он был зол, обижен и буквально возненавидел эту женщину. Она же отвечала ему сдержанной холодностью.

Потом де Вержи увидел ее там, в ее доме, когда она, рассерженная, как фурия, обиживала рану своего любовника. И именно в этот момент

Гастон пропал. Ну или встал на тот путь, что вел его к пропасти. И, как следствие, вознавидел этого высокочку из Стрелецкой слободы, удостоившегося внимания этой чудесной женщины.

Ох, с каким удовольствием Гастон вызвал бы Ивана на поединок и пронзил его своей шпагой. Но... Он не унизит себя подобным поединком. Пусть стрельцы и не относились к черни, все же и дворянами они не были. Впрочем, главное даже не в этом. Его отчего-то не отпускало ощущение, что княгиня никогда не простит убийцу этого щенка.

Де Вержи всячески пытался привлечь к себе внимание Хованской. При этом, памятуя о своем конфузе, старался не больно-то усердствовать, предпочитая продвигаться мелкими шажочками. Однако все тщетно. В ответ он неизменно получал все ту же холодность.

И вот теперь княгиня не просто тепло с ним разговаривала, она позволила себе скабрезную насмешку в его адрес. И это означало только одно – он избрал верную тактику.

Впрочем, справедливости ради надо заметить, что виной столь радикальных перемен в образе и привычках француза была далеко не только Хованская. Так уж случилось, что ему все же стали известны кое-какие обстоятельства нескольких покушений на княгиню. Как стало известно и о роли, отводимой самому полковнику и другу цесаревича.

Признаться, де Вержи оставалось только удивиться тому, что после подобного Николай оставил его при себе. Этот взрывной мальчишка должен был тут же отринуть от себя француза. Как, впрочем, и остальных иностранцев. Но вместо этого стал только сдержаным и несколько охладел к Европе, взирая на нее теперь куда как более избирательно.

К примеру, поначалу загоревшись кораблями, он видел перед собой лишь европейскую школу. Однако после памятных событий в Преображенском появилось сразу несколько корабелов. Двоих русских, из Новгорода и Архангельска, испанец, голландец и даже перс.

Николай возжелал создать корабль, который бы вобрал в себя решения разных школ. С одной стороны, это вроде выглядит логично. Но с другой – де Вержи был абсолютно уверен, что они ни до чего не договорятся. Вотссориться и спорить до хрипоты у них получалось очень хорошо.

Но вскоре Гастон понял, что ошибся. Нет, корабелы-то как не ладили между собой, так и продолжали собачиться. Но Николай поместил в их среду одного примечательного молодого человека. Выпускника Московского университета, сержанта Преображенского полка и просто умницу Афанасия Дробота.

Он был родом из старинного архангельского рода корабелов. И его

стараниями из хаоса противостояния различных школ появились чертежи совершенно нового корабля. По имеющимся выкладкам было видно, что судно вобрало в себя разные черты. Оставалось только понять, насколько оно окажется жизнеспособным.

Так вот. Стоило де Вержи изменить свое отношение к Русскому царству, к самим русским и попытаться вжиться в новое общество, действуя весьма радикально, как это тут же нашло отклик. Нет, не у наследника. У царя. Дмитрий Первый вызвал француза к себе и самолично вручил ему свой указ.

Согласно полученной бумаге полковнику де Вержи за верную и беззаветную службу из царских земель выделялась тысяча десятин пахотной земли с поместьем и довольно большим селом. Плюс к этому три деревеньки, где проживали арендаторы. Вот так в одночасье де Вержи стал далеко не мелким землевладельцем.

И он не обманывал себя. Его верная служба тут вовсе ни при чем. Ну или практически ни при чем. В конце концов, за нее он получал солидное жалованье, куда большее, чем в любой из европейских держав. Главное – именно изменившееся отношение полковника к принявший его стране.

Но какая все это ерунда! Лично для него куда важнее вот этот вечер. Этот лукавый взгляд, насмешливая улыбка и недвусмысленные намеки на возможное мужеложство, пришедшие на смену ледяной холодности. Сердце француза буквально пело от охватившего его счастья.

Нет, это еще не победа. И вообще неизвестно, к чему приведут все его усилия. Но дорогу осилит идущий. И пусть этот путь подобен русской распутице, где Вержи уже вырвал ногу из липкой грязи и наконец сумел сделать первый шаг к сердцу этой неувядающей русской красавицы.

Иван проснулся как-то уж очень легко. Вообще-то довольно необычно. Ему не нравилось ночевать в непривычной обстановке. Нет, если в походе, то тут картина совсем иная. Но если речь о чужой постели, то нормально выспаться никогда не получалось. А тут... Справедливости ради он должен был признать, что даже дома не просыпался столь отдохнувшим.

Вот уж ни за что не подумал бы, что подобное возможно в обычном гостиничном номере. Впрочем, особо задаваться вопросами он не стал. Отдохнул – вот и славно.

Сбежав со второго этажа, Иван вышел на задний двор, где стоял колодец. Достал ведро студеной воды и, несмотря на довольно свежее утро, от души обмылся по пояс. При этом у него едва не перехватило дыхание, а дрожащий голос напевал слова из пионерского детства: «Если хочешь

быть здоров, закаляйся».

После утреннего туалета Иван отправился в обеденный зал, чтобы позавтракать. А заодно озадачил хозяйствского сынка, отправив его разузнать, дома ли полковник де Вержи.

Парнишка успел обернуться раньше, чем Иван закончил трапезу. Правда, новость, принесенная им, не обрадовала. Оказалось, что француза дома нет. Хотя, со слов его слуги, тот должен был появиться в ближайшее время. За дополнительную плату и под одобрительный взгляд отца мальчишка вновь убежал из гостиницы караулить полковника, дабы своевременно сообщить о его возвращении Карпову.

Сотенному пришлось проваляться в постели с книжкой в руках до обеда. Н-да. Слог местных писателей для него все же не очень. Но заняться было нечем. Если бы догадался прихватить с собой писчие принадлежности и готовальню, можно было бы поработать, выдавливая из своей памяти что-то полезное. Но так уж случилось, что он забыл даже футляр со своей ручкой, а пользоваться гусиными перьями нипочем не желал. Хорошо хоть у хозяина нашелся этот рыцарский роман, напечатанный на русском.

Мальчишка появился с доброй вестью перед самым обедом. Интересно, и что это де Вержи так задержался? Никаких сомнений, он также был на гулянье в Кремлевском дворце. Еще бы, ведь его друг, ну или покровитель, собирался стать отцом. Француз по определению не мог пропустить это событие. Еще, наверное, и загулялся далеко за полночь. Но не до обеда же следующего дня, в самом-то деле. Задержался у какой красотки? А что, вполне возможно.

А вот о красотках думать как-то не хотелось. Понятно, что прятаться от проблемы в этой гостинице и надеяться, что она сама рассосется, – глупее не придумаешь. Но вот что делать, Иван попросту не знал. Самый простой вариант – это сбежать. Вопрос только, куда?

В Измайловском не отсижешься. Наверняка там его уже поджидает Егор с пламенным посланием от воспылавшей любовью малолетки. Плевать, что в этом мире она вроде как уже давно полноценная невеста. Соплюха с вывихнутыми мозгами – вот кто она.

Ладно. Проблема есть. Решить он ее пока не может. Ну, коль скоро так, то нужно заняться тем вопросом, закрыть который ему по силам. Конечно, тут все зависит не от него. Но француз вроде бы неглуп. А потому есть надежда на благополучный исход этого не такого уж безнадежного предприятия.

Де Вержи если и не принял Карпова с распростертыми объятиями, то

и мариновать долгим ожиданием не стал. Что уже само по себе неплохо. Правда, взирал на гостя с нескрываемым удивлением. Еще бы! Этот парень умудрился уже неоднократно перебежать полковнику дорогу.

А тут еще и явно потасканный вид француза. По виду однозначно с похмелья. А может, с какой горячей красоткой кувыркался до самого утра. Вот так сразу не определишь.

При таком состоянии хозяина рассчитывать на радушный прием по меньшей мере глупо. Да и не ровня стрелецкий сотенный полковнику, представителю древнего дворянского рода, пусть и обедневшего. Впрочем, Иван не сомневался, что в настоящий момент материальное положение полковника более чем в порядке. Как ни крути, а фаворит цесаревича.

– Здравия тебе, господин полковник.

– И ты здрав будь, сотенный, – степенно, но явно борясь с дурным самочувствием, ответил француз.

Иван непроизвольно отметил, что с последней их встречи русская речь де Вержи стала куда лучше. Да и гардероб, признаться, сильно удивлял. Европейцы хватались за привычный им туалет как утопающий за соломинку. Ну или считали русский сущим варварством. Не суть важно.

– Я поговорить хотел, – продолжил парень.

– Ну так говори, – обращая внимание на пару футляров в его руках, предложил полковник.

– Вот так, в прихожей? Ладно. Как скажешь. Нам гордыня взор не застит.

– Ты за словесами-то следи.

– А ты коли обрядился в русское платье, так и веди себя соответственно. У нас либо гонят взашей, либо в дом приглашают.

– Может, мне тебя еще и гостем дорогим величать?

– Это можешь опустить, – ответил Иван с таким видом, словно хотел сказать, что, если его не пропустят в покой, он попросту развернется и уйдет.

Подействовало. Посторонившись, де Вержи пригласил гостя в дом. Пусть и не дорогое, и не желанного. Потом препроводил в свой кабинет. Иван был более чем уверен, что причина кроется в футлярах в его руках. Ну неспроста же их сюда принесли, в самом-то деле.

– Господин де Вержи, ты уж не обессудь, но я напрямую. Словом, я пришел к тебе объясниться. Признаться, у меня нет желания обзаводиться врагами на ровном месте или кому-нибудь гадить.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что у меня нет стремления приковывать к себе внимание

цесаревича. Мне вообще чем дальше от сильных мира сего, тем лучше. От подобного соседства только одна головная боль. Вот, к примеру, ты – уверился, будто я решил оттереть тебя от цесаревича и быть обласканным вместо тебя. Только не надо на меня так смотреть. Либо говорим напрямую, либо я просто уйду. Потому что иначе разговор не склеится.

– Хорошо. Напрямую так напрямую. Итак, ты хочешь сказать, что это неверно?

– Неверно.

– И предложения по податям ты не подавал?

– Не цесаревичу. Словом, вернувшись с Урала, я обнаружил, что мастерскую отца обложили такими податями, что впору зубы на полку складывать. Накипело, вот я и написал несколько предложений. Показал Ирине Васильевне. Та меня подняла на смех. А как те записи попали к Николаю Дмитриевичу, понятия не имею. Ясно, что от Хованской, но как именно, не знаю. А там у него вопросы появились. Ну и еще кое-что приключилось, после чего цесаревич решил устроить те состязания.

– Ты об иезуитах и их планах?

– Знаешь? Ладно. Но говорить об этом все одно не стану. Словом, не рвусь я никуда. А если Николай Дмитриевич обо мне забудет, так только рад буду. Да не забудет он. И что теперь нам с тобой, друг другу в глотки вцепиться?

– И как ты себе это представляешь? – снисходительно ухмыльнулся полковник.

– Хорошо представляю. Иль и ты, как иные, полагаешь, что с той атакой татарской конницы моей сотне просто повезло? И сотня моя не маялась животами по воле Авося? Вижу, что ты так не считаешь. Тогда подумай и о другом. Захочу ли я пойти на убой и повести за собой своих людей? Иль, наглевав на все, сделаю по-своему, чтобы и самому уцелеть, и людей сберечь? И получится ли у меня остаться незамеченным? О чем подумает цесаревич, когда увидит в армии полевые кухни? Или мне убеждать его, что все новое, используемое мной, не мое вовсе и кухни эти не из наших мастерских происходят? Кстати, чем бы наш разговор ни закончился, кухни для своего полка закажи. Не дело это – тебе доверили будущих сподвижников царевых, а ты чуть не четверть в Диком поле положил.

– Иные потеряли куда больше, – возразил француз.

– А иные так и вовсе от болячек ни одного на тот свет не спровадили. Не ищи подвоха, господин полковник. То добрый совет, пусть и от молодого воина зрелому ветерану. Но коли толк в том есть, так отчего

отмахиваться? Уж два десятка стрелецких сотен заказы сделали. А там, чай, не дураки и походов поболее твоего видели.

– Я подумаю над твоим предложением.

– Лучше подумай над тем, как нам вместе быть. Сам посуди. Одно дело, когда ты о чем-то говоришь цесаревичу и это новое идет через тебя. И другое – когда я сам себе голова, что-то делаю, а Николай Дмитриевич примечает. Долго ли я так в сотенных прохожу? Глядишь, и дворянством одарят. А там и дальше в рост пойду.

– То есть ты хочешь уйти в тень? – вздернул бровь де Вержи.

И было чему удивляться. Еще бы! Ну кто в здравом уме захочет лишиться внимания и поддержки будущего государя? Гастону подобное было решительно непонятно.

– Хочу, – искренне ответил Иван.

– Допустим, я тебе верю. – В конце концов, он ничего не теряет. – Но тогда, может, подскажешь, откуда ты берешь все то новое, что от тебя исходит?

– Да мне-то откуда знать? – отмахнулся Иван. – Увидел мушкет германский с теми гильзами – враз подумалось, как можно сделать получше. Увидел гранаты – прикинул, что если сделать эдак, то выйдет куда приемлемей. И так во всем. Я думаю, талант у меня открылся – примечать там, где иные ничего рассмотреть не могут. Ить ничего особенно нового я не придумал, тогда на охоте у цесаревичевой палатки ты был прав. Я просто вижу, как улучшить, а не создать.

– А как же с тем, что ты своих стрельцов каждый раз заставляешь пользоваться мылом, пить только кипяченую воду, и эти самые полевые кухни?

– А не надо ничего придумывать. Все новое – это хорошо забытое старое. Ты поищи трактаты о римских легионах да почитай их. Только вчитывайся не в строки о славных победах. К примеру, я слышал, как один твой солдатик с восхищением рассказывал о том, как посреди римского лагеря могла расти яблоня и, когда легион уходил, все яблоки оставались на ветках.

– Это воистину было так. Великая сила дисциплины, – с самым серьезным видом подтвердил де Вержи.

– Согласен. Но только и ты рассмотрел лишь то, что захотел рассмотреть. А, к примеру, упоминания о наказании за оправление надобности в неотведенном месте ты уже не приметил. А от этого очень даже болезни приключаются. И о том говорю не я, а древние римские философы.

— Хм. Должен сказать, что я и впрямь об этом никогда не задумывался. Впрочем, я и не помню, чтобы читал о подобном.

— Возможно, в той книге, которую читал ты, этого случая и не было. Тот, кто ее писал, посчитал это недостойным упоминания. А может, ты не придал этому значения. Не больно-то хочется сравнивать яблоки и деръмо.

— Но ты такие детали подмечашь?

— Далеко не всегда, но да, подмечая. А потому просто предлагаю если не дружбу, то выгодное нам обоим сотрудничество. Тебе лавры, мне тишина, покой, ну и, случись надобность, твоя поддержка. К примеру, начать продвигать идею с полевыми кухнями тебе еще не поздно, — пожав плечами, грубо намекнул Иван.

— Но идея не моя, и я сяду в лужу.

— Не ищи подвох там, где его нет, господин де Вержи. Я не предлагаю тебе выдать эту идею за свою. Я предлагаю первым начать ее продвигать на полковом уровне. Обещаю выполнить твой заказ в наиболее сжатые сроки.

— Иными словами, я буду первым полковником, который уделит этому вопросу особое внимание?

— Так же, как пользованию солдата мылом и кипяченой водой из фляжки.

— Но ведь кухни и фляжки будет производить твоя мастерская?

— А разве я сказал, что, уступая тебе лидерство, откажусь от своих прибылей? — вздернул бровь Иван. — У каждого своя выгода. Тебе лавры, мне серебро. Все по-честному.

— Ты ведь вроде из стрелецкого рода, а не из купеческого?

— Ну, стрельцы-то они разными промыслами пробавляются, — возразил Карпов.

Потом помолчал с минуту, думая, стоит ли затевать этот разговор. Но все же решил, что раз уж начал, то нужно расставлять все точки над «ё». Никаких недомолвок. Если удастся обезопаситься хотя бы со стороны де Вержи, это дорогостоящее.

Очень даже возможно, что благодаря полковнику все же удастся уйти в тень и не отсвечивать перед наследником. Ну вот не хочется обзаводиться целым сонмом недоброжелателей. А чем ближе к престолу, тем вероятность выше. Еще и иезуиты эти, чтоб им опрокинуться.

Рискованно, конечно. Если он хоть малость ошибся во французе, то это может обернуться такими проблемами, что небо с овчинку покажется. О мстительности женщин уже говорилось. Хованская же любой даст сто очков вперед. Но надеяться только на ее покровительство попросту глупо. Пришла пора обзаводиться друзьями и союзниками.

Ну и Лизонька. Хуже не придумаешь, чем оказаться между двумя высокопоставленными особами, влюбленными в тебя по уши. Эдак раздавят – и глазом моргнуть не успеешь. Ну или разорвут надвое, что в общем-то без разницы. Уж лучше держаться в сторонке. От обеих. Спокойней так.

– Господин де Вержи, я еще хотел сказать. Словом, это насчет великой княгини.

– И что ты хотел поведать мне об Ирине Васильевне? – вдруг сделавшись каменным, поинтересовался француз.

– Мне кажется, ты должен знать. Мы с ней вместе, только потому что того желает она.

– И отчего я это должен знать? – неудачно попытавшись изобразить ухмылку, вновь вопросил де Вержи.

– Не нужно игр, господин полковник. Я, может, и молод, но взгляд влюбленного человека все же рассмотреть могу. Да ты сам погляди на себя в зеркало и сразу поймешь, насколько тебе безразлично, с кем княгиня. Словом, не соперник я тебе. Сумеешь завоевать ее – будешь счастлив. И потом, пусть я ее не люблю, но от чистого сердца желаю ей счастья. Она по-настоящему удивительная женщина и достойна того, чтобы рядом находился мужчина, любящий ее целиком и без остатка. Да она этого и ищет, потому как с мужем покойным была искренне счастлива.

– Хочешь сказать, ее поддержка и покровительство тебе не надобны? – с явственным сарказмом произнес Гастон.

– Надобны. Но тут дело такое. Словом, полюбил я. Дышать спокойно не могу. Но ни подойти, ни тем более посвататься мне нельзя. И родители все кручинятся, внуков хотят на руки взять. У нас с Ириной Васильевной вроде как уговор, что коли решу жениться, то буду совершенно волен. Но ты ведь понимаешь, что эти слова женщины ничего не стоят. Коли был бы я простой игрушкой, то попросил бы позволения и получил бы его. Но Хованская меня любит, вот в чем беда.

– Отчего же беда?

– Оттого, что она меня пока любит. – Иван сделал на этом ударение. – А я полюбил всем сердцем, другую. Но только и могу, что со стороны вздыхать, чтобы не угодить в немилость той, кто, почитай, второй у трона стоит.

Иван врал. Врал самозабвенно, сам веря в свою ложь, даже представив себе ту, в кого он якобы влюбился. Савицкая Настенька, девушка восемнадцати лет, обладательница весьма приятной наружности и прямотаки бархатного голоска. Ага. Так куда легче изображать влюбленного.

И де Вержи ситуация должна быть очень даже понятной.

– Выходит, Иван, ты хочешь освободиться с моей помощью, да еще и ни с кем не поссориться?

– Понимай как знаешь, господин полковник, – пожал плечами Карпов.

– А как мне еще тебя понимать? Непонятно только, отчего ты вдруг решил, что я стану тебе помогать.

– Не мне, господин де Вержи, а себе. Разницу узри. Я тебе только раскрыл, как оно обстоит на самом деле, а уж дальше ты сам.

– И ты уверен, что я стану поступать так, как тебе нужно?

– Не мне, – качнув головой, вновь повторил Иван.

Француз смерил его долгим взглядом, потом глубоко вздохнул и, поднявшись со стула, прошелся по кабинету. Взял со стола трубку, закурил. После третьей затяжки подошел к окну и распахнул форточку, оттуда тут же повеяло прохладой. Оно вроде и солнышко светит, но сторона несолнечная, а в тени нынче прохладно. Не так, как весной, когда несет стылостью, но и не тепло.

Ивану вовсе не нужен был ответ де Вержи. Ну что тот мог ответить? Что теперь он непременно перейдет в наступление на крепость по имени Ирина? Ага. Как бы не так. Тут главное другое. Ему обсказали ситуацию, и теперь, как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Дав французу время слегка переварить информацию, Карпов наконец перешел к не менее важному. К закреплению достигнутого успеха. А это был успех. Его не выгнали, выслушали, задали вполне конструктивные вопросы, не осмеяли и не погнали взашей после всего, что он тут наговорил. Конечно, успех!

– А теперь не побрезгуй, господин полковник, – открывая длинный футляр, продолжил Иван. – Не за деньги куплен, самолично выкован. И что бы ты ни решил, знай – ковал я его с душой. Я вообще не привык делать что-либо без души, – с добродушной ухмылкой закончил он.

С этими словами Карпов передал де Вержи палаш в ножнах. Ничего особенного, самые обычные ножны, рукоять и гарда в виде чашки. Нет, все в отличном качестве, но без изысков и насечки. Как говорится, оружие не для парада, а для боя. Если только не учитывать на треть обоюдоострый клинок, красующийся булатным рисунком.

– Знаю, сегодня в Москве можно нарваться на дурной булат, – передавая оружие французу, пояснил Иван. – Но то от оружейников, услышавших звон, да не знающих, где он.

– Я слышал, что та наука по Москве пошла от твоего батюшки, – принимая палаш и не в силах отвести взор от завораживающего рисунка,

произнес де Вержи.

– Ты верно слышал, господин полковник. Только мы с батей очень редко куем булат. Но коли встаем к наковальне, то за качество ручаемся. Льщу себя надеждой, что клинок сей сослужит тебе службу добрую.

– Спасибо на добром слове. Не знаю, чем я это заслужил, но это дорогой подарок. И я сейчас не о серебре.

– Так на радость и дарился. Какое уж тут серебро.

– Отчего же ты решил вручить его только сейчас? – не в состоянии перебороть себя и упрятать палаш в ножны, поинтересовался Гастон.

– Да оттого, что дружбу и понимание не покупают. А подарки делают только от души. Иначе это уже посул иль подношение, а не подарок. Вот чтобы ты не принял сей дар ни за то, ни за другое, я и вручаю его тебе только теперь, когда меж нами все уж вроде как разрешилось.

– Все же ты странный, Иван.

– Я знаю, господин полковник.

– А что во втором футляре? Иль то не про мою честь?

– Не совсем. Это револьверы нашей мастерской.

– Ре-во... – непонимающе начал было и осекся француз.

– Револьверы. Их еще называют магазинными. – Иван откинул крышку футляра и представил пару. – В барабане шесть зарядных камор.

Иван достаточно серьезно модернизировал револьвер Коллиера. Так, вместо планки, посредством которой крепился ствол, у него появилась полноценная рамка вкупе с рукоятью, у которой теперь деревянными были только накладки. Надо сказать, это не привело к столь уж существенному утяжелению, зато сделало конструкцию куда более прочной.

Еще одно немаловажное отличие. Теперь при взводе курка на предохранительный взвод барабан проворачивался самостоятельно, выставляя очередную камору напротив казенника. При постановке же на боевой взвод барабан подавался вперед, насаживаясь выточкой зарядной каморы на конус казенника ствола, что уменьшало прорыв газов.

Признаться, если бы не наработки знатоков из его мира и не изготовленные самолично несколько экземпляров, то Иван нипочем не смог бы столь быстро справиться с этой задачей. А так всего-то пришлось вспомнить уже однажды проделанное. Он вообще не брался за то, с чем не был знаком. Что ни говори, но оружие не терпит подхода с кондаком.

– Вот, значит, как. Я видел такие в моем полку, у княжича Воротынского. И даже пользовал на стрельбище. Весьма серьезное оружие. Только мы их так и называем – магазинными пистолями.

– То не важно, господин полковник. Я бы хотел передать их тебе,

чтобы ты подарил цесаревичу.

– От твоего имени?

– Зачем от моего? От своего. А уж чья работа, он и так ведает. Самому ему, поди, зазорно за новинкой обращаться, а мне не хочется особо на глаза лезть.

– Иван, а ты ведь покупаешь меня.

– Не покупаю, а предлагаю выгодное сотрудничество. Ты – мне, я – тебе. Глядишь, из нас настоящие компаньоны получатся. А это подчас куда крепче и надежней дружбы.

– Хорошо. Тогда я заплачу за них.

– Чтобы я да за царский подарок деньги взял? Господин де Вержи, ты за кого меня держишь?

– Н-да. Это я что-то не подумал. Ладно. Убедил. А как насчет принять заказ от меня на пару таких же? Я слышал, заказы уж на год вперед расписаны.

– Это так. Но для хорошего человека можно и постараться.

– И во сколько хорошему человеку обойдется такая пара?

– А во сколько и нехорошему. Шестьдесят рублей за пару.

– Ого!

– Ну так, – с деланным сожалением развел руками Иван.

– А как же насчет особого отношения к неким персонам?

– Так ведь из-за особого отношения я вообще берусь изготовить те револьверы. Чай, на мастерской висит большой казенный заказ, даже продохнуть некогда.

– Через сколько сможешь изготовить?

– Пара недель. Раньше – ну никак.

– Задаток?

– Я тебя умоляю, господин полковник. К чему он мне? Попробуешь, оценишь и уплатишь разом. А откажешься, так покупатель быстро същется. И цену даже на копейку спускать не придется.

– Так ты уверен, что из стрелецкой семьи? – иронично хмыкнув, вновь вопросил полковник.

– Можешь не сомневаться, – с искренней улыбкой заверил Иван.

Вообще-то Карпов ничем не рисковал. Он ведь не мастерил оружие по одному экземпляру. Мелкими партиями, по паре десятков, никак не меньше. А потому в его планы входило изготовление какого-никакого излишка, чтобы иметь возможность подмазать кого надо. Эта формула работала всегда и во все времена.

– Кстати, господин полковник, есть у меня к тебе еще одно

предложение, – словно спохватившись, вновь заговорил собравшийся было уходить Иван.

– И какое?

– Помнишь ведь, как твои ребятки уступили нам в рукопашной?

– И?

– Ну так попроси выделить тебе лучший десяток для постижения приемов штыкового боя.

– Попросить? – изогнул бровь дугой де Вержи.

Вот же дворянская душа! У него что, аллергия на это слово? Или... Нет, ну точно. Он решил, что просить придется Ивана. А это зазорно. Нет, полковник явно не в лучшей форме и соображает достаточно тухо.

– Господи, и как только ты собираешься плавать в этом омуте под названием «царский двор», – покачал головой Иван и сразу пояснил: – Сотня подчиняется лично великой княгине. И подобное решение может быть принято только с ее соизволения. Неплохой повод, чтобы навестить Ирину Васильевну. Не находишь? Опять же, ей будет приятно, что командир потешных просит ее о помощи. Да и Николай будет доволен, потому как ты не только платье сменил, но еще и не чураешься перенять науку у русских стрельцов.

– Это если у твоих парней действительно есть чему поучиться, – задумчиво возразил полковник.

– Есть. И ты это знаешь. Даже если на том тренировочном поле нам и повезло. Суметь выстоять против конницы, сдержав строй, будет доказательством посеръезнее.

– И какая тут тебе выгода?

– Прямой выгоды нет, – соглашаясь, кивнул Иван. – Но есть выгода тебе, а долг, как известно, платежом красен. Не сегодня – так завтра, глядишь, и ты мне добром отплатишь. Ладно. Ты тут думай. А я в Москву. Нужно мастерской заняться. Учи, сегодня людей к тебе направить уж не успею, потому как в Измайлово не попаду. Слишком много забот на меня свалилось. Батя-то в отъезде.

– Хм. Хорошо. Я подумаю.

Разумеется, подумает. И если Иван хоть малость разбирается в людях, то француз еще до вечера окажется в усадьбе Ирины Васильевны. Ну не идиот же он в самом-то деле.

А что до выгоды самого Карпова... Ну, знать де Вержи о том незачем. А она есть. Причем самая что ни на есть прямая. Лучшим-то десятком в его сотне командует не кто иной, как Егор.

Если же отправлять, то только лучших. Чтобы, так сказать, не ударить

в грязь лицом. И Ирина, именно она, а не Иван, отдаст такой приказ. Вот и прервется связующая нить с Лизаветой. И весточку не отправить, и никто не виноват, кроме тетки. Подстава, конечно. Но парень сильно сомневался, что при таких делах девушка испытывает по отношению к Хованской теплые чувства. Ревность способна разъесть изнутри похлеще любой кислоты...

Проводив незваного гостя, де Вержи опустился в свое кресло. Подержал в руках великолепный клинок, любуясь коленчатой вязью. Потом взял в руки револьверы. Примерился. Хороши! Дороги. Но хороши. Впрочем, дурное самочувствие все же взяло верх, и он отложил желанные игрушки, исторгнув болезненный стон:

– Бо-оже, ну зачем было столько пить?

Выпито за прошедшую ночь было немало. До полуночи он был самым счастливым человеком, проведя время в компании великой княгини. Они вовсе не ограничились одним танцем. Полковник буквально узурпировал право ее танцевального партнера на этот вечер. И насколько заметил, ей даже понравились его настойчивость и смелость.

Вот только потом все было не столь благостно. Нет, пока он кутил вместе с ближайшим окружением цесаревича, вновь вернувшим Гастону свое расположение, все шло замечательно. Несмотря на то что француз попросту потерял счет домам, в которых успела побывать их компания во главе с будущим новоявленным отцом.

В себя де Вержи пришел в доме тестя цесаревича. Причем на сеновале конюшни, в обществе какой-то служанки, не устоявшей перед его очарованием и пьяным напором. Хм. Впрочем, судя по тому, как томно потянулась к нему девица, о насилии тут все же говорить не приходилось.

Стоп! Плевать на девицу! Что тут вещал этот Иван? Измайлово. Ага. А ведь Ирина Васильевна упоминала о том, что собирается в загородную усадьбу. И какого тогда дьявола он тут сидит?!

– О-о боже... – Едва подскочив на ноги, Гастон тут же схватился за голову.

Нет. С этим надо что-то делать.

– Мишель. Мишель, бездельник! Где ты?

– Я здесь, ваша милость. – В кабинете тут же появился старый слуга, сопровождавший Гастона уже на протяжении нескольких лет.

– Мишель, вина.

– В доме вина нет, – безапелляционно заявил тот.

– Как так?

- Вы и ваши друзья все выпили еще вчера.
- Вчера? Мы что, были здесь?
- Вы не помните?
- Смутно. Очень смутно. А-а-а, да-да-да, было дело. И что, вина совсем нет?
- Я не взял на себя смелость сделать покупку самолично. Но...
- Ладно. Плевать. Я схожу в трактир. Заодно и проветрюсь, – решительно рубанул Гастон.

Ему нужно было как можно быстрее прийти в себя, а потому совсем не помешает совместить прогулку и опохмел. А ближе к ужину можно наведаться и в Измайлово. Хм. К тому же повод, предложенный сотенным, вполне даже резонный. Решено! Так и поступит.

Гонимый плохим самочувствием и жаждой, полковник очень быстро добрался до трактира. Тот встретил его характерными запахами и приглушенными голосами посетителей. Не сказать, что их собралось много, все же рабочий день в разгаре. Но обеденный зал был заполнен чуть ли не наполовину.

– Дорогой Гастон, что с вами? – раздался наигранно издевательский голос де Аттала.

Тот устроился за одним из столов и, приметив доброго знакомого, поспешил пригласить его составить ему компанию. Ну и не сумел удержаться от соблазна пройтись по поводу состояния де Вержи.

– Лучше не спрашивай, – присаживаясь за стол, отмахнулся тот. – Давненько я не напивался до потери памяти.

– То есть того, как вы с цесаревичем устроили пальбу в воздух посреди слободы, ты не помнишь?

Междур бровей Гастона пролегла глубокая борозда, указывающая на усиленную работу мысли. Потом появилось страдальческое выражение.

– Смутно.
– Ясно. Тебе нужно срочно принять целительный бальзам, – констатировал иезуит.

– За тем и пришел. Грегор, у тебя найдется кувшинчик анжуйского?
– Разумеется, господин де Вержи, – тут же откликнулся трактирщик.
– Неси. И побыстрее. Ну и своего знаменитого барабашка.

С барабашком пришлось обождать, а вот кувшин с вином и кубок появились сразу же. Уж больно выразительным был вид у полковника.

– Господа, предлагаю выпить за здоровье царя Дмитрия, – поднявшись со своего стула, провозгласил де Вержи.

Присутствующие в трактире вразнобой и без энтузиазма поддержали

здравицу. Больше для порядка, чем в действительности желая здоровья царю.

– Дружище Гастон, тут все свои. Стоит ли оно того? – все же отпив за здоровье государя, усомнился де Атталь.

– По-твоему, монарх дикой Московии не достоин уважения цивилизованных европейцев? Я правильно тебя понимаю, Жером? – отставляя в сторону осушенный кубок, поинтересовался де Вержи.

– Не надо мне приписывать те слова, которых я не произносил, как и то, на что я не намекал. Я просто хотел сказать, что подавляющее большинство европейцев находятся в Московии только ради звонкой монеты. Нам хорошо платят, мы честно торгуем своими талантами и кровью. Любить русских мы не обязаны.

– То есть ты не любишь русского царя?

– Не люблю, – пожав плечами, легко согласился де Атталь. – Но это мне не мешает честно ему служить. Чего не скажешь о многих русских, которые всячески выпячивают свою любовь и преданность царю.

Уж кто-кто, а де Атталь имел право на подобные высказывания. Если бы Голицын прислушался к словам своего советника, которого сам же и назначил на эту должность, то поход не окончился бы полным крахом. Нет, понятно, что Австрия и Польша остались в выигрыше. Но Жером-то стремился к совершенно иному. Русская армия должна была одержать громкую победу, причем не на политическом поприще, а на военном.

А так получалось, что их с Конти старания пошли прахом. Голицын вернулся побитой собакой и, несмотря на все свои попытки, до сих пор не сумел обратить на себя внимание великой княгини. Их план рушился из-за твердолобости боярина. Насколько он хорош в политике, настолько же бездарен в военном деле.

Конечно, не все еще потеряно. У слияния Самары и Днепра поставлена крепость с земляными валами. Там уже сейчас организовываются магазины для будущего похода. Так что в следующий раз армия двинется куда более подготовленной. Да и Голицын, который вроде бы вновь назначен командовать войсками, теперь внимательнее прислушивается к советам де Аттала.

Вот только время. Оно теряется впустую. А в свете того, что де Вержи прошлым вечером расхаживал перед княгиней петухом с распущенными перьями, интрига начинает терять смысл. Хм. Или стоит перенаправить свои усилия, только и всего. Ведь Гастон француз, пусть и стал рядиться в русские одежды и предпочитает говорить на русском.

Наконец, он не какой-то там перекати-поле. У него во Франции

остались близкие. А значит, есть на что надавить. Впрочем, это уже решать не им. Инициатива принадлежит провинциальному^[3], вот пусть он и думает.

Остается еще вопрос с этим стрельцом. Но тут можно действовать более радикально. В недавнем послании провинциала сказано, что по факту смерти их брата в Вильно следствием установлена причастность к данному преступлению не кого иного, как Карпова. Прямых доказательств нет, но все указывает именно на это. Ну и еще его участие в раскрытии заговора против княгини. Словом, на смертный приговор он себе уже насобирал.

— Что ж, в твоих словах есть резон, — вынужден был согласиться полковник, всем существом чувствуя, как по телу растекается облегчение.

Вино начало свое действие, и на ясности мысли это сказалось далеко не в последнюю очередь. Что не могло не радовать. Закрепляя успех, Гастон вновь ухватил кувшин и наполнил кубок. Снова осушил его одним махом.

— Грегор! — окликнул трактирщика де Атталь.

— С меня хватит, — тут же поспешил поставить его в известность де Вержи. — Мне нужно было только поправить здоровье.

— Как скажешь.

Вскоре принесли барашка, и Гастон с аппетитом принялся за еду. Его состояние становилось лучше с каждой минутой и каждым проглощенным куском горячего мяса. А перед мысленным взором уже рисовались радужные перспективы предстоящего свидания. Ну ладно, пусть не совсем свидания или совсем не свидания. Но какая разница?! Главное, что он вновь увидит ее, будет с ней разговаривать. И он очень надеялся, что не обнаружит разницы между Ириной вчерашней и сегодняшней.

— Я вас приветствую, господа. — Подошедший к ним худощавый мужчина говорил по-французски, но с мягким итальянским акцентом.

— Здравствуй, доктор, — поприветствовал де Вержи по-русски доктора Конти.

— Привет, — поддержал его де Атталь. — И где ты пропадал целых два дня?

— В Белом городе. В доме некоего подлекаря Рудакова, — устраиваясь за столом и делая знак трактирщику, пояснил доктор. — Должен тебе сказать, это были удивительные два дня, полные открытий. Просто не понимаю, как можно было предать опале и изгнать из медицинской академии такой прозорливый ум. Русская медицинская школа хороша, и отрицать это глупо. Но подобное отношение... Не понимаю.

— Можно подумать, европейские умники поступили бы иначе, — возразил де Атталь. — Вспомни Парацельса, учение которого отвергали,

а нападки на него самого были повсеместными.

— Согласен, — скривившись, как от дольки лимона, вынужден был признать доктор.

Потом слегка отклонился назад, чтобы служанка поставила перед ним блюдо с мясом, кувшинчик с вином и кубок. Поблагодарил и поспешил наполнить последний, сделал глоток и с удовольствием кивнул.

— И тем не менее это не умаляет его таланта, — продолжил Конти. — Подумать только, сложнейшие ранения — и среди его пациентов ни единого смертельного случая. Разумеется, кроме тех бедолаг, кого угораздило получить рану в грудь или брюшину. Не все из них отправились в мир иной, но большинство. Остальные же... Он лечит даже тех, кого обычная медицина однозначно лишает конечностей. Количество калек из-под его рук в разы меньше, чем у иных докторов. А то, как он справился с оспой? Просто потрясающе. — Закончив этот спич, доктор с аппетитом налег на мясо.

— Дружище, а не ты ли гнал его взашей там, в походе, когда он появился перед тобой со своими предложениями? — решил поддеть товарища де Атталь.

— И что с того? Я не какой-то там закоснелый ретроград и готов признавать свои ошибки. Да-да, дорогой Жером, я ошибался и ничуть не пытаюсь искать себе оправданий. Я со всей ответственностью заявляю: Павел Рудаков — это гений. Пока непризнанный, но несомненный.

— Тоже мне, нашли гения, — расслабленно откинувшись на спинку стула, фыркнул слегка осоловевший де Вержи.

— Поверь, Гастон, я знаю, о чем говорю, — отозвался итальянец. — И заметь, я признаю это, несмотря на то что поначалу сам же от него и отмахнулся.

— Возможно, ты прав, да только как обрабатывать должным образом раны, ему подсказал, а скорее даже научил, Карпов. Тот самый молодой командир Измайловской стрелецкой сотни. Не иначе как перенял у ветеранов. Он вообще любознательный и необычный молодой человек.

— Я слышал о том, сколько всего удивительного ему приписывают. Тут и булат, и гениальность в области механики и оружейного дела. А теперь вот еще и знаток медицины, — с нескрываемой иронией произнес де Атталь.

— Ты забыл упомянуть еще кое о чем, — покачав головой в знак того, что не разделяет этого сарказма, начал Гастон. — Именно им были обнаружены богатейшие золотые россыпи на Урале. Это его сотня выстояла там, где полегли бы куда большие силы. Измайловские стрельцы были полностью экипированы в мастерской Карповых. А это как минимум

полторы сотни нарезных мушкетов. Хватает и иных новинок, за которыми выстраиваются в очередь. К примеру, новые светильники, и горючее к ним также получают в их мастерской.

– Я склонен полагать, что тут имеет место банальное преувеличение. А то, что остается, можно с легкостью отнести к его отцу, потомственному кузнецу, – не согласился де Атталь.

– Вот, значит, как, – ухмыльнулся в ответ де Вержи. – Господа, я ни в чем не буду вас убеждатъ. Просто скажу, что самолично наблюдал, как Карпов пригрозил пистолетом Рощину и потребовал, чтобы тот отмыл руки и инструменты от моей крови. Потом обработал и то и другое крепким хлебным вином. Велел убрать щуп и взрезать ножом колотую рану, чтобы ее можно было лучше вычистить. Помочился в бутылку и настоял на том, чтобы той мочой промыли рану.

– Вы сами это видели, дорогой Гастон? – ошарашенно уточнил доктор Конти.

– Я был от него не далее как в пяти шагах.

Говоря это, де Вержи вспоминал разъяренную, словно фурия, Ирину Васильевну, бросившуюся на помощь своему любимому. Боже, как же она в тот момент была хороша. Хм. Кажется, он не просто похмелился, но и слегка опьянел. Пора на воздух. Необходимо проветриться и отправляться в Измайлово. Будь он проклят, если эта женщина не будет его!

– Ваш же Рудаков стоял в сторонке, – решил все же закончить рассказ де Вержи. – Потом именно он приходил делать нам перевязки. И они подолгу о чем-то там беседовали с Карповым. Как бы то ни было, но именно с этого времени между ними завязалась дружба. А что до булата... – Полковник с тихим шелестом извлек из ножен тускло сверкнувший лезвием палаш. – Это работа мастерской Карпова. Господа, прошу меня простить, но мне пора.

Оба иезуита проводили его не столько удивленными, сколько задумчивыми взглядами. Потом переглянулись между собой и перешли на латынь. Знатоков этого языка в Москве не так чтобы много, а если еще и говорить тихо, то и вовсе можно чувствовать себя практически в безопасности.

– И что ты об этом думаешь, любезный Жером? – поинтересовался доктор Конти.

– Только то, что мы правильно сделали, не став торопиться с ликвидацией этого стрельца. Ведь если судить по выражению твоего лица, ты полностью с этим согласен.

– За все остальное не скажу. Тут нужно будет еще проверять и

отделять правду от выдумок. Но... – Доктор задумался, а потом продолжил: – Гастон только что описал проведение операции в полевых условиях по методу Рудакова. С использованием мочи раненого или его товарищей при отсутствии раствора для промывания ран. Весьма болезненный способ, сродни пытке, но вполне действенный. Вот только де Вержи утверждает, что это именно Карпов под дулом пистолета заставил оказывать ему помощь именно так, и никак иначе. Не знаю, что это, то ли богатый жизненный опыт стрельцов, то ли этот юнец и впрямь весьма необычная личность. Но я считаю, что с его ликвидацией торопиться не стоит. Ни в коем случае.

– И я склонен с тобой согласиться, – кивнул де Атталь. – Я сегодня же отпишу провинциальному. Необходимо подкорректировать наши действия.

Глава 5

Новый соратник

– Ну что? – Лиза с нескрываемым нетерпением бросилась к вошедшей в светлицу Анюте.

– Ничего, царевна.

– Как? Опять? – тут же поникнув, вздохнула она. – Ты уже две недели никак не можешь его застать.

– Господи, царевна, ну что я могу поделать? Он ить мне не докладывает, где будет находиться. То служба призывает, то в разъездах по делам. Кабы Егорушку не отправили в потешный полк, так все просто было бы. Но...

– А это, часом, не Иван ли организовал? – с подозрением стрельнув глазками в служанку, усомнилась Елизавета.

– Нет. Он тут точно ни при чем. Приказ был от самой княгини. То Егорка мне сам рассказал.

– Значит, захотели убрать из сотни того, кто мог быть посыльным, – упрямо гнула свое девушки. – Это что же получается – тетка все знает! – вдруг осенило ее.

– Не-не, – даже затрясла головой Анюта. – Приказ был отрядить лучший десяток. А у Егора и есть самый лучший. Он сам мне сказывал, как все было.

– Господи, да какая разница, – едва не заламывая руки, в отчаянии всхлипнула царевна. – Нужно как-нибудь передать ему весточку. Я видеть его хочу. Понимаешь? Прижаться к его крепкой груди, ощутить вкус его уст на моих устах, услышать стук его сердца и почувствовать его дыхание.

Лиза в отчаянии опустилась на лавку и устремила взгляд в темное окно. Потом глянула на ацетиленовую лампу мастерской ее ладушки, и на душе стало совсем тоскливо. Ну почему все против них?! Это несправедливо! Вот не нужен ей венец царевны, и трон царский не нужен. Тем более Ксения уже понесла, а значит, наследник вскорости явится на свет. В то, что может случиться плохое, она не верила.

– Анюта, а чего это мы в одного только Егора уперлись? Нешто у Ивана больше друзей нет? – пришла ей в голову мысль.

– И думать не моги, царевна, – тут же воспротивилась Анюта. – Нешто можно кому ни попадя такое доверить!

– Так ведь не кому ни попадя, а друзьям Ваниным.

– Ага. Дружки у Ивана и Егора – те еще ухари. Забыла, как один из них разболтал о том, что ты к ним на гулянья бегала? Не, и думать не моги, Лизавета Дмитриевна.

В глубине души Анюта боролась со своей преданностью царевне. Саботировать ее просьбы, не передавая весточку ее любимому, и при этом всячески изображать беззаботную верность было откровенно трудно. Она прекрасно понимала, что поступает правильно и тем самым спасает как минимум жизнь Ивана.

А ведь благодаря ему ее Егорка жив. О том жених сам сказывал. Именно наука сотенного сберегла их от разгрома. Не то кто знает, чем бы закончилась та атака. Очень может статься, что ее суженый сейчас уж лежал бы в сырой земле или оказался на невольничьем рынке. И поди еще пойми, что горше.

– Анюта, ну а ты-то с Егором видишься?

– Как отправили его в Преображенское, так только раз и встретились. Они там все время проводят в заботах, обучают потешных штыковому бою и иным премудростям.

– Скучаешь? – с явным сочувствием спросила царевна.

– Вестимо, скучаю, царевна.

– А свадебку-то когда решили справить?

– Родители сговорились на зимний мясоед [\[4\]](#).

– Счастливая, – тяжко вздохнула Лиза.

Потом вновь глянула за окно. Как и следовало ожидать, ничегошеньки там не рассмотрела. И в который раз огласила светелку горестным вздохом. Вот за что ей все это? Не могла взгляд на ком ином остановить? Мало ли вокруг вьется парней из достойных семей? Так нет же, угораздило. Понятно, что сердце не выбирает, а просто любит. Да только от того ну ни капельки не легче.

– Ой! – вдруг схватилась за грудь Лиза.

– Что с тобой, царевна? – тут же бросилась к ней Анюта.

– Ваня.

– Что – Ваня?

– Чует мое сердце, беда с ним.

– Брось, Лизавета Дмитриевна. Ничего-то с Ванькой не случится. Карпов – он та еще бестия. Помнишь ить, как его сосулькой по голове приласкало, и ничего, живее всех живых. А как татарам давал прикурить – только пыль столбом.

Лиза, словно дите малое, подняла на Анюту щенячий взор, полный

надежды. Она словно вопрошала, правда ли то, что та говорит, или она просто хочет успокоить свою госпожу.

– Да ничего этому лешему не станется. Вот с чего ты это взяла-то, царевна? Да об его шкуру волки зубы сломают. Выбрось дурь из головы, – зло прошипела девушка.

– Не идет, – виновато улыбнувшись, пискнула царевна.

Потом обернулась к образам и, истово перекрестившись, встала на колени. Служанке ничего не оставалось, кроме как присоединиться к госпоже. Правда, молилась она вовсе не о ненаглядном царевны. Анюте было о ком просить Господа.

Улица встретила Ивана опустившейся темнотой. Хорошо хоть практически полная луна светит. Не то пришлось бы идти на ощупь, через шаг спотыкаясь на ухабах. Что поделать, улицы Москвы все еще не обзавелись своим освещением, а уж, почитай, у самой стены Белого города оно точно появится чуть ли не в последнюю очередь. Как и мостовая.

Впрочем, здесь дела обстоят куда лучше, чем с освещением. Уж этим царь-батюшка ничуть не стеснялся напрягать владельцев домов и усадеб. Имеешь владение в черте города – будь добр, соответствуй. Просто вот так в одночасье все улицы даже не заасфальтируешь, так что говорить о мостовой, требующей куда больших трудозатрат.

Ну а как только закончат облагораживать проезжую часть, тут уж им вменят в обязанность и освещение. Иван в этом ничуть не сомневался. Так уж получается, что царь готов поддержать практически любую полезную идею, не требующую казенных трат.

Однако гравирем улицы отсыпать уже давно обязали. Оно, конечно, не мостовая, и изгваздаться – никаких проблем. Бабье лето с его погожими и сухими днями осталось в прошлом. Ну да хотя бы не приходится месить грязь, утопая в ней по колено, и то хорошо. Правда, ухабы никуда не делись. А случалось, попадался и какой вывороченный булыжник, о который если с ходу, то и пальцы можно сломать, никакой сапог не поможет.

Иван зябко повел плечами. Дождя уже не было, зато поднялся холодный и пронизывающий ветер. А это дело такое, что вот так сразу и не поймешь, что предпочтительнее. Как по нему, так лучше бы шел дождь. Он хотя бы не забирается под каftан. Зато тучи на небе разошлись, и дорогу хоть как-то видно.

Ладно, чего стоять-то. Карпов сделал решительный шаг на мокрое гравийное покрытие, тускло поблескивающее в лунном свете. Пожалел об

отсутствии у кафтана воротника и двинулся вниз по Яузской. Сейчас дойдет до городской стены, а там вдоль нее до знакомого лаза в Земляной город. Дорога давно и хорошо знакомая.

Сегодня с утра он получил весть от отца. Тот определился с местоположением будущего производства. Наметил, где будет заложен рудник, сталелитейный и оружейный заводы. Ставить начнут пока только литейный. Не дело сворачивать производство, уже приносящее прибыль. Вот запустят оборот стали, тогда и к оружейному производству можно будет подступаться.

Откладывать работы на весну Архип никаких причин не видел. А и правда, к чему тянуть вола за подробности? Зима ни в коей мере не помеха для установки сруба под домницы. А что такого? Когда еще те каменные строения возведешь. А эдак под крышей уже к весне вполне можно будет запустить производство. Руда оказалась не на поверхности, придется устраивать шахту.

Опять же налаживать выжиг угля. Благо березовых рощ в округе хватало. Отец ковал железо, пока горячо, а потому уже имел на руках схему закрепленных за будущим заводом земель. Имеющегося леса с лихвой хватит лет на десять достаточно серьезного производства. Вот только Карпов-старший не собирался пускать это дело на самотек. По совету сына он намеревался озабочиться запасами на будущее и начать высадку берез. Готовиться же к этому также надлежало уже сейчас.

Такие дела. За последнюю пару лет Архип словно подменили. Вот не сомневался Иван, не выбей он тогда из рук отца секрет того клятого булата, и Карпов-старший завяз бы в своем болоте навсегда. Теперь же, когда расprobовал новинки да понял, что это не предел, энергия в нем била через край.

Словом, в Москву он не собирался. И вместо этого просил выслать ему серебро. Потому как забот у него под Дедиловом хватало. Только успевай поворачиваться. Он даже намекнул, что, мол, неплохо бы передать деньги с Серафимом. Ага. Как бы не так. Серебро ладно, а на Миронова пусть роток не разевает. Ивану тут не разорваться между мастерской и сотней. Все-таки на службе он, а ну как куда ушлют.

Деньги же Иван и сам отвезет. Вот испросит отпуск в пару недель и укатит с чистой совестью. Кстати, можно будет хотя бы дух перевести, не думать о царевне. А то Анютка, поди, уж и не знает, как оправдываться по поводу посланий, которые никак доставить не может.

Собственно, из-за денег он и оказался на Яузской, в доме выкrestа дяди Яши. Иван хранил все свои сбережения у этого менялы. Накладно, не

без того. Но зато куда надежнее, чем в каком банке. Уж больно дорожил своей репутацией старый еврей.

Ч-черт, неудобно. В смысле оно, конечно, удобно. Иван специально озабочился особым поясом, поддевающимся под кафтан. Да еще и с лямками через плечи, на манер портупеи, чтобы не больно-то вниз тянуло. Но с непривычки дискомфорт ощущается достаточно серьезно.

Как ни крути, а в трехстах рублях серебром весу более полупуда выходит. Дядя Яша предложил взять золотыми монетами, все легче. Но Иван отказался. Дедилово – захолустный городишко, где там золото менять? Он еще и из этого серебра половину рублевиков на мелочь сменяет.

Отцу сумма нужна была куда как большая, но мастерская-то не простоявала. Так что вторая половина дожидалась дома. И это радовало. Ташить одному на себе полный пуд – то еще удовольствие.

Отчего так? Ну не хотелось ему всем и каждому сообщать, где хранятся его активы. Поэтому дядю Яшу всегда навещал в гордом одиночестве. За прошедшую пару лет Иван заматерел, обрел уверенность в себе и полагал, что вполне способен за себя постоять. Ну еще и пара двуствольных «карповок» под кафтаном. Сабелька на боку, с которой он худо-бедно, а обращаться все же научился. Ну и пара ножей – за кушаком и голенищем. Уж с этими-то он обращался очень даже умеючи.

Пистоли в карманах кафтана, готовые к использованию, только и того, что отжать предохранители. Иван шел, пряча лицо от ветра и скимая гладкие рукояти. Отчего именно их, а не шестизарядные револьверы? А нет при нем револьверов. Скрытно носить их не получается, а расхаживать по Москве до зубов вооруженным...

Не поймут. А то еще и спросят, мол, за что на благопристойный облик Москвы покушаешься. Чай, столица государства, а тут расхаживают до зубов вооруженные типы. Это что же получается, тут такие дикие места, что нужно быть всегда во всеоружии? Может, еще и с медведем на сворке гулять станешь? И нарисуют штраф на ровном месте.

«Карповки» же имеют гладкую конструкцию с зализанными гранями, что способствует скрытному ношению и беспрепятственному извлечению. Ну и четыре выстрела по нынешним временам дорогого стоят.

С его револьвером ни о какой скрытности говорить не приходится по определению. Ни спрятать его, ни быстро извлечь. Один только курок с кресалом чего стоят. Да и само оружие очень даже боевое, а потому с габаритами у него все в порядке.

Впрочем, Иван эту проблему уже решает. Браться за изготовление

нормального унитарного патрона в больших объемах он, конечно, не собирается. Во всяком случае, пока. Но вот для личного использования очень даже не помешает. Пара небольших двустволок – это замечательно, однако малютка с барабаном на пять патронов все же предпочтительнее.

Вот только пока не ладилось у него. Конструкция-то в целом ему известна, и в механике он кое-что смыслит. Но все одно вот так, с кондака, ничего не получалось. Если бы Иван решил изготовить образец с курком одинарного действия, то никаких проблем. Но хотелось получить возможность стрельбы самовзводом...

Иван резко остановился и, вынув из карманов руки, сжимающие пистоли, осмотрелся по сторонам. Открытый участок улицы освещен достаточно хорошо. Луна светит как раз вдоль нее. Но хватает и разного рода закоулков с выступами, за которыми образовывается непроглядная тень.

Прислушался. Только завывание ветра. Но ведь было же что-то. Или почудилось? Вполне возможно. Тут сейчас разных звуков хватает. Послышался какой-то стук. Правая рука с пистолем поднялась в направлении звука. Вот еще раз. Все с той же стороны, но, похоже, сверху. Ага. Есть. В лунном свете мелькнула плохо закрепленная ставня слухового окна. Под напором ветра она слегка отошла, а затем вновь вернулась на свое место, издав тот самый стук.

А этот ли стук он слышал? Кажется, именно его. Еще раз окинул взглядом пустую улицу, вернул руки с пистолями в карманы. Кстати, подобной детали местный гардероб был лишен. В смысле накладные карманы конечно же имелись. Но, как ни крути, а вносить дополнительные детали в форму ему никто не позволит. Однако не отказываться же от такого удобства, вот Иван и устроил по бокам кафтана парочку прорезных.

Не дело стоять и лишний раз отсвечивать посреди улицы. Если допустить, что кто-то за ним все же шел, то он наверняка увидел, что клиент держится настороже и вооружен. При таких раскладах трижды подумаешь, стоит ли пара сапог да стрелецкий каftан нескольких граммов свинца.

Пройдя еще с пару десятков шагов, вышел на перекресток с Серпуховским переулком. Сразу же припомнил, что именно тут впервые повстречался с Ириной. А еще подумал, что, возможно, зря маestся дурью. Ну нельзя жить вот так, никому не доверяя. Сейчас бы ему не пришлось опасаться вероятного нападения. Да будь рядом хотя бы его денщик, Данила, все куда проще, чем одному. Пусть из того и боец так себе.

А еще можно было бы и верхом приехать. Уж конному-то пугаться

ночных татей не приходится. Всадников они стороной обходят. Но тут загвоздка. Не мог Карпов кататься по ночной Москве на лошади и уж тем более покинуть город через ворота. Нет у него на то дозволения. Приезжать же к дяде Яше днем... Угу. Об этом уже говорилось. Светить местонахождение своих активов он не хотел.

В первый и последний раз с Иваном такое случилось ровно год назад, когда он с товарищами устроил засаду на польского посла с подручными. Необъяснимое чувство опасности буквально взвыло внутри тревожным набатом. Тогда он действовал не задумываясь. Вот и сейчас не стал предаваться анализу. Резко сделал шаг в сторону, обворачиваясь и выхватывая пистоли.

Мужскую фигуру, совершенно бесшумно скользящую по мокрой улице, Иван заметил сразу. Даже успел мысленно выматериться, возмущенный схожестью ситуации. Тот был уже шагах в пяти. Но Ивану все же достало времени, чтобы вскинуть пистоль и выстрелить более или менее прицельно. Судя по короткому вскрику и завалившемуся набок нападающему, не промазал.

Одновременно с лягнувшимся в руке пистолем он почувствовал ощутимый удар в грудь, сопровождаемый глухим металлическим лязгом. Иван умел делать из прошлого правильные выводы. А потому поддевал под кафтан легкую короткую кольчугу. От пули в упор такая не спасет, а вот от брошенного в грудь ножа – очень даже.

– Ч-черт!

Разворот вправо и одновременно широкий шаг влево. Рука с пистолетом поворачивается вместе с телом. Вот еще один нападавший, удариивший Ивана в бок. Больно. Но ничего страшного. Кольчуга и в этот раз не подвела. Пусть и останется синяк, до плоти сталь не добралась. Зато пуля, выплюнутая из короткого ствола практически в лицо нападающему, не оставила тому шанса. Иван рассмотрел разлетающиеся ошметки из проломленного насквозь черепа даже в лунном свете.

Пистолет упал на дорогу, а второй из левой руки перекочевал в правую. Ничего еще не закончилось, потому как на него набегал еще один лихой. А кому еще заблагорассудится нападать на ночного путника? Выстрел!

– М-мать, – глухо простонал мужчина, переломившись в поясе и заваливаясь на дорогу.

Иван огляделся вокруг, держа на изготовку пистоль с последним зарядом, в любое мгновение готовый выстрелить. Нет, понятно, что для нападения на одинокого путника троих более чем достаточно. Но кто

считает врагов, когда завертелась кутерьма? Вот искать – да, ищет.

Ага! Четвертый улепетывает во все лопатки вверх по Серпуховской. Вре-ошь! Не уйде-ошь! Прицельные в ярком лунном свете видны исключительно. Да после того как остатки туч расползлись, тут и вовсе читать можно.

Выстрел!

Беглец выгнулся дугой и молча полетел кубарем по дороге. Готов! Без вариантов. Так падают только мертвые. Выронить пистоль и выхватить саблю. Плевать, что оружие так до конца в руки и не далось. Уж против уличных-то грабителей длинный клинок все одно куда как предпочтительнее. По меньшей мере позволит держать и разить их на расстоянии.

Никого. Все, что ли? Ф-фу-ух! Кажется, пронесло.

А вот расслабиться до конца так и не получилось. Едва пришло осознание миновавшей опасности, как мозг тут же прострелила другая мысль. Иезуиты! До него добрались иезуиты! Или все же это простые грабители? Да кто же разберет-то. Вроде и не должны. Но кто знает, какие у них возможности. У того, кто находится в тени, всегда неоспоримое преимущество.

Подошел к первому нападавшему. Труп. Второго даже не стал проверять. Там мозги наружу выплюнуло. Третий? Ага. Жив, дурилка картонная. Стоит ли проверять четвертого? Оно вроде упал так, что живым счастье довольно трудно. Но... Если он собирается сделать то, что собирается, то оставлять за спиной никого нельзя.

Иван быстро пробежал пару десятков шагов до трупа четвертого нападающего. Именно что трупа. Чертыхнулся из-за потерянного времени. Вернувшись, сразу подобрал пистоли. Потом безжалостно запихал в рот раненому его же суконную шапку. Быстро обыскал, избавив от ножа за голенищем сапога. Ничего так, богатый лиходей. Хм. Или удачливый – вот сомнительно, чтобы он покупал эти сапоги.

Так. Пуля в живот. Кисло. Ну да, тут уж ничего не поделаешь. Быстро перетянул ему руки его же кушаком, накинул себе на плечо его кафтан и туда же определил самого раненого, издавшего глухой стон. Оно, конечно, так-то с болезнью... А вообще, пускай идет он лесом. Подохнет – туда и дорога. Хотя порасспросить не мешало бы. Ничего, малость потерпит.

Уже когда скрылся за очередным поворотом, услышал топот множества ног, обутых в сапоги. Не иначе как стрелецкий патруль. Это он вовремя. Нет, опасаться их у него причин никаких. Мог бы спокойно дождаться и поведать о произошедшем. Глядишь, еще и благодарность

заслужил бы от столичного воеводы.

Вот только не нужно ему такой радости. Потому как если за лихими стоят иезуиты, то власти его не защитят. А если же эти орденские змеи будут уверены в его неведении, у Ивана появится хоть какой-то маломальский козырь.

Так, этот пустырь после пожарища вполне подойдет. Несколько дней назад здесь выгорело сразу несколько усадеб ремесленников. В Белом же городе взамен сгоревших деревянных строить можно только каменные здания. Так что владельцам теперь придется переселяться за стену в Земляной город. Сомнительно, чтобы они потянули серьезнуюстройку. Зато за освободившийся кус земли теперь развернется самая настоящая борьба. И плевать, что райончик так себе, практически у самой городской стены.

Сбросил с плеча глухо простонавшего раненого. Осмотрел свое плечо. Ага. Вроде нормально. Не запачкался в крови. Не то у Мироновой Дарьи могут появиться ненужные вопросы. Нет, если бы он не сбежал, то и бог бы с ней, но он-то дал стрекача.

– Ну что, пришел в себя, болезный? – выдергивая кляп изо рта грабителя, спросил Иван.

– Ы-ыу-уммм... – Карпов тут же зажал рот раненого своей ладонью.

– Тихо себя веди, дурень, не то тебе еще горше придется. Во-от та-ак. А теперь расскажи, с чего это вы на меня напали? Ну говори, говори. Ить если сведу тебя в Разбойный приказ, тебе там худо придется. Сколько бы ни осталось твоего веку, а пожалеть ты успеешь.

– Хочешь сказать, конец мне? – выдавил пленник.

– А ты как думаешь, сколько протянешь с пулей в животе? Иль слышал, чтобы кто-то выжил?

– Не слыхал, – выдохнул мужик.

– Вот и я о том. Тебе осталось выбирать только меж легкой и тяжкой смертью. Так что говори. Глядишь, смилостивлюсь.

– Не потащишь ты меня в Разбойный приказ. Как объяснишь, что с места сбежал?

– Так за тобой погнался, касатик. Ты эвон каким крепким оказался, насилиу нагнал. Ладно, не хочешь – не надо.

Иван хлопнул себя по коленям и выпрямился во весь рост. Потом набрал в грудь воздух, словно хотел закричать, призывая патруль.

– Добрыня наводку дал, – болезненно сморщившись, оборвал его раненый.

– Кто таков?

– Кабатчик с Хохловки. Тут недалече.

– Я такого не знаю.

– Так и он о тебе не ведает. Сказал, чтобы, как стемнеет, мы ждали близ дома выкrestа дяди Яши. Когда будет стоящая добыча, нам сигнал в окошко подадут. А там уж сами. Четыре дня впустую прождали, а сегодня ты появился, – часто прерываясь и страдальчески морщась, пояснил раненый.

– Это что же получается, дядя Яша своих клиентов под молотки подставляет? Не вяжется, дружочек. Ему такая слава ни к чему.

– Да мне-то откуда знать, – просипел мужик. – Добей, ирод. Никакой моченьки терпеть нет.

Хм. Если этот не врет, выходит, обычное ограбление. А кабатчик Добриня, получается, наводчик. Тогда иезуиты точно ни при чем. Или при чем? Но тогда уж нужно кабатчика трясти. Правда, пленный ради прекращения мучений очень даже может обмануть. А вот не угадал болезный.

Иван извлек нож, но, к удивлению раненого, не стал его добивать. Вместо этого вернул кляп на место и, взрезав рубаху пленника, как смог перевязал его рану. До дома Павла не так чтобы далеко, всего-то с версту будет. Придется тебе, сердешный, потерпеть. Ну а Карпову – попотеть.

До нужного адреса добрался довольно быстро. По счастью, подлекарь Рудаков, тот самый, которому никогда не быть профессором, оказался дома. Вообще-то он собирался уже отбыть на гулянье, во дворец к князю Черкасскому.

– Паша, погоди. Когда тебе еще такой случай подвернется, чтобы в чьих-нибудь потрохах покопаться. Выбора-то у него нет. Лихой, умышлявший убийство. Ну и, наконец, ты как медик выполнишь свой долг до конца. Потому как если он и умрет, то ты ему опием страдания серьезно облегчишь.

– Ох и искуситель ты, Ваня, – задумчиво глядя на пациента, уже отправленного в наркотический сон, произнес подлекарь.

– Брось. Ты сам хочешь им заняться.

– Мало ли что я хочу. Тебе-то это зачем?

– Выяснить хочу, кто это на меня указал. А этого ломало так – что угодно мог наплести, лишь бы я его мучения прекратил.

– Ты вообще в курсе, что мы нарушаем закон?

– Я нарушаю, не ты. Твое дело маленькое, принесли раненого, ты его обходил. Я тебя убедил в том, что властям уже сообщил. Словом, вали все на меня.

– Ну хорошо, а с чего ты вообще взял, что у меня получится?

– Во-первых, если у кого и получится, то только у тебя. А во-вторых, мне и нужно-то, чтобы он прожил пару-тройку дней.

– Ладно, – явно желая приступить к операции, произнес Павел. – Только, Ваня, ты будешь мне ассистировать. Мои-то санитары в Измайлово.

– Не вопрос. Накинуть на меня есть что?

– Найдем.

Операция прошла удачно. Ну, во всяком случае, на взгляд Ивана. Пулю извлекли, пробитый кишечник зашили, брюшную полость почистили настоем для промывки ран. Единственno, Карпова едва не вывернуло от вони. Все же пробитые потроха источают то еще амбре. Но ничего, выдержал…

– Ну что, сердешный, помнишь ли, что вчера мне говорил? – с нескрываемой иронией поинтересовался Иван у лихого, когда грабитель наутро пришел в себя.

Тот лежал, привязанный к постели и практически неспособный пошевелиться. Оно и чтобы в бега не подался, и чтобы себе не навредил каким образом.

– П-пить, – с трудом разлепив пересохшие губы, едва выдавил из себя раненый.

– Нельзя тебе пить, лиходей ты наш, – покачав головой, отказал Иван. – Про кабатчика Добрыню вчера правду сказал? Ты не молчи. Я тебя к лучшему в Москве лекарю снес, он мертвых из могилы поднять способен.

– К чему?

– А к тому, что просто так помереть тебе я не дам. Правду скажешь – вот те крест, если выживешь, отпушу на все четыре стороны. Соврешь – тогда только для дыбы я тебя и сберегаю.

– Про Добрыню правда. Его наводка.

– А про дядю Яшу что скажешь?

– Ничего не скажу. Не знаю я ничего про него. Добрыня сказал, свечой в окне крест-накрест проведут, когда жирный бобр будет. Вот мы и ждали. Христом Богом прошу, добей. Сил нет.

– Не стони, – отмахнулся Иван. – Сейчас придет лекарь, легче станет.

– Ну что тут? – поинтересовался, входя в комнату, Павел.

– Да вот пришел в себя. Пока вроде бы нормально. А там кто его знает. Разбирайся сам.

– Иди уж, сиделка ты наша. Кстати, Фрол уже в столовой. Решил оставить тебя без завтрака.

– Этот может, – авторитетно согласился Иван.

Рудаков снимал просторную квартиру, за которой присматривали кухарка и дворецкий. Немолодая чета, находящаяся у него в услужении. Павел вполне мог себе позволить как прислугу, так и квартиру в доходном доме Белого города.

Его, конечно, предали анафеме, попросили из академии, выставили из дома профессора Роццина. Но больным зачастую плевать, есть ли ученая степень у лекаря или нет. Главное, чтобы его лечение было эффективным. И надо сказать, слава Рудакова крепла день ото дня. Не то чтобы он загребал огромные гонорары, но тем не менее считался довольно завидной партией.

Его заработка вполне хватило бы, чтобы содержать семью, но было откровенно мало для проведения масштабных и всесторонних исследований в интересующих его направлениях медицины. Последних стараниями Ивана у подлекаря сейчас предостаточно.

А еще, насколько знал Карпов, Рудакова также не отлучили и от сердца Дарьи Христофоровны. Дочь профессора пока не решалась открыто противостоять батюшке, хотя получить его согласие на брак с Рудаковым не составило бы труда. Великая княгиня в любой момент могла озабочиться счастьем своей фаворитки, и такой свахе Роццин не отказал бы. Но девушка все еще надеялась, что ей удастся смягчить сердце отца.

– Фрол, побойся Бога. У меня со вчерашнего дня во рту ни одной маковой росинки, – заметив расположившегося за столом казака, возмутился Иван.

Друг и подчиненный с непроницаемым видом поглощал расставленную перед ним хозяйкой еду. И судя по тому, сколь решительно он действует, очень скоро от завтрака ничего не останется. Оно, конечно, кухарка приготовит еще, чай, с припасами у Рудакова все в порядке, но когда это еще будет.

– А ты не зевай, присаживайся. Глядишь, и голодным не останешься.

Женщина, вертящаяся у плиты, не без удовольствия наблюдала за гостями. А то как же. Какой хозяйке не понравится, когда ее стряпней довольны, да еще и не могут меж собой поделить.

После завтрака переоделись в платье, предоставленное Павлом, и направились прямиком по адресу. В доме лекаря им пока делать нечего. Да и поговорить там не получится. На улице куда как вольготнее. И подслушать никто не подслушает, и движутся в правильном направлении.

– Чего звал-то, Ваня? – наконец обратился казак. – Да еще и переодевание это.

– Знаешь, Фрол, очень может статься, что нам шлют привет господа иезуиты, – как ни в чем не бывало ответил Карпов.

– Даже так?

– Не уверен. Но все может быть. Хотя с другой стороны, возможно, меня хотели просто ограбить. Эдак легонечко, сунув под ребра нож.

– Ну, дырок в тебе я не заметил. Помогла, выходит, кольчужка.

– А ты не ерничай. Двумя клинками били. В грудь и в бок. Знатный синяк подсадили, ироды.

Когда Иван загорелся идеей обзавестись кольчугой, Фрол его поддержал. Но когда выяснилось, что та будет спускаться только чуть ниже пояса, а рукавов и вовсе иметь не будет, то отмахнулся. Мол, броня не броня, ни рыба ни мясо. Не кольчуга, а кольчужка какая-то. Детская забава, одним словом. Но практика показала обратное.

– И как все было? – поинтересовался Копытов.

– Ну как. Хорошо хоть не разом навалились. Пострелял я четверых. Троє насмерть. Один цел остался. Его притащил к Павлу. Тот пулю вынул, подлатал. Бог даст, выживет. Не даст, туда ему и дорога.

– Коротенько. Ну да ладно, поговорим еще. Так куда мы сейчас идем-то?

– Лихой этот указал, что их навел некий кабатчик – Добрыня с Хохловки.

– Знаю тамошний кабак. Та еще дыра. И народец собирается такой, что клеймо негде ставить.

– Ну, сейчас-то там никого нет. Больно рано. Вот и наведаемся к нему, чтобы поспрошать кое о чем.

– Хм. Может, все же в Разбойный приказ? Чай, у нас там есть знакомец. Опять же нападение на тебя случилось.

– Ну, во-первых, с места я улизнул, да еще и пленника умыкнул. А во-вторых, если тут и впрямь иезуиты замешаны, то Разбойный приказ нам не помощник. От этих так просто не отделаться.

– А с этим раненым что будешь делать?

– Помрет, вынесу да в ров скину. Мало ли там покойников случается. А выживет… Не знаю пока. Потом решу.

– Да к чему он тебе вообще нужен-то?

– К тому, что, если с кабатчиком обманул, поспрошу еще. А если нет… Если правду сказал, я обещал его в живых оставить. Словом, будет время, будет пища.

– Ну-ну. То решать тебе. Пока, – многозначительно закончил Фрол.

Кабак представлял собой двухэтажное бревенчатое здание. На первом

располагалось само питейное заведение. На втором проживал хозяин с семейством. Поправочка. На поверку оказалось, что он там сожительствует с кабальной служанкой. Пусть и немолодой, но вполне миловидной особой. Здесь имелись еще вышибала и мальчишка, помогавший обслуживать посетителей. Но они приходящие и появляются только к обеду.

Не сказать, что в этом заведении не рады гостям. Всяк гость несет копейку в мошну хозяина. Вот только столь ранние гости здесь были нежелательны. Оно и понятно, заведение работает чуть не до рассвета, а тут еще и будят ни свет ни заря. Подумаешь, солнце уже высоко, это ни о чем не говорит. Для кабатчика, не имеющего ничего общего со своим тезкой богатырем, сейчас рань несусветная.

Правда, недовольство с него как ветром сдуло, едва он собрался выпроводить ранних посетителей. Вот так открыл дверь и тут же получил в свой двойной подбородок, улетев в обеденный зал и прихватив пару лавок. Иван даже забеспокоился, не сломал бы чего, рука у Фрола тяжелая.

Казак же как ни в чем не бывало прошел внутрь, подхватил кабатчика за рубаху, поставил на ноги. И пока тот еще ничего не осознал, врезал еще разок. Дабы довести клиента до нужной пластичности.

– Пасть захлопни, – стрельнув равнодушным взглядом убийцы на готовую заголосить кабальную бабу, велел Фрол.

И следом. Хрясь! Уже практически пришедший в себя и трясущийся как осиновый лист Добрыня вновь отправился в полет, опрокинув при этом стол. Серьезно так приложился казак, да и вес у толстяка-хозяина изрядный. Коли такую массивную конструкцию из толстых плах снес с места.

Копытов вновь схватил кабатчика за грудки и поставил на ноги. Глянул в глаза и произнес совершенно ровным тоном:

– Старшой, ты уверен, что хочешь с ним говорить? Может, просто пришибем да пойдем в другое место, опрокинем по кружечке?

– Все бы тебе резать, – тяжко вздохнул Иван, подыгрывая Фролу.

– В-вам эт-то так не ш-шойдет, – запинаясь, прошамкал разбитыми губами кабатчик.

– Брось, – отмахнулся Иван. – По нам уж давно плаха плачет. Так что одной душой больше, одной меньше, разницы никакой. Правда, и на тот свет мы как-то не торопимся. А тут вдруг кто-то решил нас порезать. Пришлось всех четверых отправить на тот свет. Слышал небось о побитых у Серпуховского перекрестка, а, Добрыня?

– Стрельцы заходили, говорили, что там троих побили, – проявил осведомленность кабатчик.

– Верно. На перекрестке нашли троих. Четвертого мы с собой унесли, поговорить. Интересные вещи он нам поведал, пока мы его в ров не сбросили. Знаешь какие? Вижу, что знаешь. Вот мне и любопытно, к чему это ты на нас навел ту ватагу.

– Я не...

– Кабатчик, ты сейчас с жизнью своей играешь, – покачав головой, оборвал его Иван.

Фрол без лишних разговоров извлек нож и приставил к горлу бедолаги. При этом вид у казака был совершенно безучастный и даже скучающий. Ни дать ни взять вот так походя полоснет и пойдет в другой кабак, где кровью не изгваздано.

– Погодите!

Добрыня испуганно задрал оба своих подбородка, отстраняясь от отточенного лезвия. А потом заговорил скороговоркой, словно боясь, что его прервут. Только и успевай разбирать, что он там лепечет своими разбитыми и кровоточащими губами.

– Ни при чем я. И никто не думал грабить именно вас. Просто случилось так. Кузьма сказал, что, как только появится гусь, при котором будет не меньше ста рублей, в окне второго этажа свечой проведут крест. Откуда же было знать, что там вы будете.

– Что еще за Кузьма? Ты толком сказывай, пока не порешили тебя, – потребовал Иван.

– Нищий. Он побирается у церкви Троицы, тут, на Хохловке. Он все про всех ведает, даже то, чего они сами о себе не знают. Но он с вашим братом никогда дел не имеет. Мне обсказывает в подробностях, а уж я с ними договариваюсь.

– И сколько ты ему платишь за наводку?

– По-разному бывает.

– За нас сколько взял?

– Десять рублей. Только я не ведал, что это именно вы, – поспешил заверить кабатчик.

– А сам-то сколько стряс с ватаги?

– Нисколько. Голые они были, все спустили. Потом должны были поднести пятьдесят рублей.

Ну и расценочки у местного преступного мира. Но с другой стороны, не нравится, иди грабь кого ни попадя. А тут, даже если отвалить полтинник, остается другая половина, а то и больше. Сигнал-то так просто не подали бы. Так что нормально, чего уж там.

Из сказанного Иван сделал два вывода. Первый – иезуиты тут никаким

боком не причастны. Даже для них получается слишком мудрено. Такие комбинации только в книжках срабатывают. Иван, бывало, и месяц не появлялся у дяди Яши, и столько времени держать ватагу на адресе... Словом, нереально, и все тут.

Возможность исключить такую составляющую, как орден, дорогостоящая. Однако второй вывод ему понравился куда больше, и если Иван окажется прав, то трудно себе представить, скольких головных болей удастся избежать. Его очень заинтересовала личность этого самого нищего Кузьмы.

Они с отцом, конечно, предпринимают кое-какие меры безопасности. До чего-то додумался Архип, что-то подсказал сын. Но все это одно сплошное дилетантство. Современники Ивана могли с апломбом рассуждать об азах розыскной деятельности, вот только все эти рассуждения в реальности не стоили и ломаного гроша. В основе любой оперативной работы лежит сбор информации. И что ни говори, тут нужно иметь талант или, если хотите, призвание. И судя по тому, что они узнали, подобный талант сейчас промышлял под видом нищего у местной церквушки.

Признаться, Карпов подумал в эту сторону на основе все тех же прочитанных книг. У многих авторов главные герои неизменно обзаводились собственной службой безопасности. Довольно часто эта роль отводилась именно преступникам. Их неизменно перековывали, получая верных соратников, стоящих на страже секретов главгера.

Ерунда? Как сказать. Если столько людей твердят об одном и том же, знать, в этом все же что-то да есть. Чуть ли не основоположник сыскной полиции Франции, некто Видок, также был выходцем из преступной среды. Хм. Или только будет. Если будет. Все же история этого мира немного отличается.

Остается вопрос с преданностью этого персонажа. Тут Иван все же был склонен к наличию рычагов воздействия. Будут таковые, и можно думать о взаимовыгодном сотрудничестве. Нет? Ну что же, шагнувший на преступную стезю должен отдавать себе отчет, что сколько веревочке ни виться, а конец один.

Именно в надежде заполучить в свои руки этого самого Кузьму Иван и не стал трогать кабатчика. А что, очень даже можно привлечь Разбойный приказ. Как уже говорилось, был у него знакомый дьяк, обязанный Ирине. Так что все обставили бы в лучшем виде. Раньше-то он опасался ордена, теперь же... Теперь хотел получить куда больше, чем отправленный на каторгу кабатчик.

Кузьму искать не пришлось. Он сам нашелся. Добрыня вовсе не собирался покрывать того, через кого на его голову свалился целый ворох неприятностей. А потому сообщил, что искомое лицо должно будет появиться с открытием кабака.

Пьянствовать Кузьма не пьянствовал. Но кружечку-другую пива пропускал. Да и пообедать где-то нужно. Потом он исчезал на сутки, вновь появляясь на следующий день к открытию. Даже наводки свои приносил, когда приходил обедать.

Кузьма на вид оказался обычным нищим. Вот так пройдешь и не запомнишь. Тщедушное сложение, если не сказать болезненная худоба. Козлиная бородка, нечесаные всклокоченные волосы, торчащие, как пакля. Хитрый бегающий взгляд. Или он забегал только сейчас, потому как мужичок буквально нутром почувял опасность.

— Дернешься — пристрелю, — наведя на посетителя пистоль, пообещал Иван.

Тем временем Фрол преградил собой дверь, перекрыв пути отступления. Оно бы куда надежней приласкать его для начала. Но Иван велел мужичка не трогать. Не хотелось начинать знакомство с мордобоя. Ему ведь нужно заполучить этого кадра с потрохами.

— Чегойтость, господин хороший? — Кузьма даже подогнул ноги, изображая страх.

Ясное дело, и впрямь испугался, но по взгляду видно, что его мысль сейчас работает с неимоверной быстротой. Вот молодец. Ему прямо в глаза смотрят два черных провала стволов, позади стоит самый натуральный душегуб, в груди испуганной птицей бьется страх, а он ищет возможность вывернуться из безнадежной ситуации.

— Кузьма, ты лучше не дергайся. Вот ей-ей, так будет лучше. Хотели бы прибить, уже прибили бы. Арестовать — уже скрутили бы. Но я хочу с тобой поговорить. А потому просто присядь вон за тот столик в уголку. Заодно и пообедаем. Мы тоже уж проголодались. И хватит изображать из себя тварь дрожащую. Не то точно сочту тебя бесполезным и пристрелю.

— Да чего вам надо-то, господа хорошие? Я ить...

— Кузьма, — повысив голос, оборвал его Иван. — Чтобы ты знал, мы те, кого сегодня ночью пытались убить по твоей наводке. Будешь дальше изображать дурня, значит, пользы от тебя никакой. А тогда уж с чистой совестью на небеса. Выбирай, — изобразив самую добродушную улыбку, предложил парень.

— Добрыня, поснедать принеси. Как всегда, — вдруг преобразившись, попросил Кузьма.

О как. Выпрямился, приосанился, бородка торчком, голос звучит твердо. Эта метаморфоза удивила даже Добрыню, что было видно по его ошарашенному лицу. Ну ни дать ни взять агент под прикрытием, сбросивший с себя маску. Впрочем, только ассоциация, и не более. Этот субчик работает на себя, и никак иначе.

Устроились друг напротив друга. Копытов все так же стоит в сторонке, не вмешиваясь в разговор и приглядывая за тем, чтобы кабатчик и его прислуга держались подальше. Ну и кабак открывать не дает. Вышибала уже снаружи перед входом, заворачивает всех страждущих, ссылаясь на мифическую занятость хозяина.

– Значит, так, Кузьма. Выходов у тебя два. Первый – ты работаешь на меня, с платой не обижу. И второй – я тебя сведу на съезжую, и уже к завтрашнему утру ты будешь болтаться в петле.

– Не больно ли ты скор? – недоверчиво хмыкнул Кузьма.

– Добрыня тут сказывал, что ты все обо всех знаешь, даже то, чего они сами о себе не ведают.

– Ну, то он приукрасил.

– Карпов моя фамилия. Иван Архипович Карпов.

Едва это услышав, Кузьма даже поперхнулся от неожиданности и вперил в парня внимательный взгляд. Не испуганный, а именно внимательный и изучающий. Потом пришел к какому-то выводу и недовольно крякнул.

– Сотенный Измайловской сотни? – все же уточнил нищий.

– Он самый.

– Н-да. А ить и впрямь скоренько можешь отправить на виселицу. Небось еще и кабатчика видоком выставишь, – решительно отправляя в рот ложку с кашей, произнес Кузьма.

– Выставлю. До него мне дела никакого. Любого из их братии возьми, и грехи на всех будут одни и те же. А так, глядишь, еще и пригодится. Как думаешь, будет благодарен за то, что петли избежал?

– Аки верный пес. Правда, до поры. А как возможность същется, так и предаст без оглядки, – пренебрежительно махнув в сторону кабатчика, пояснил Кузьма.

Потом вновь решительно подхватил очередную порцию каши и усиленно заработал челюстями. Интересно, если он всегда так питается, а не баландой какой, то отчего такой худющий?

– Ну так и ты таков же будешь. Только обернусь к тебе спиной, как ты в нее ударишь.

– А может, и не ударю.

– Может, и не ударишь. Коли опаску иметь будешь.

– И в чем моя опаска?

– А то ты сам мне поведай. Ну, чего глядишь? Коли тебя прихватить не за что, так ты мне бесполезен.

– И тогда в петлю?

– Именно.

– А как служить тебе соглашусь?

– Поначалу стану платить тебе, как поручику, по пять рублей в месяц.

А дальше будет видно. Станешь хорошо служить, и больше положу.

– Это что же мне делать придется?

– А то же, что и сейчас делаешь. Знать все о тех, о ком я скажу. Ну и мне докладывать, ясное дело. Семья есть? Да ты не молчи, мил человек. Говорю же, коли ухватить тебя будет не за что, то только на съезжую. И учти, клятвам да слову честному я не верю.

– И сам не держишь? – невесело ухмыльнулся мужичок.

– Сам держу. Всегда. Потому как добрую славу никакими деньгами не купить, а только прожитыми годами. Но тебе у меня веры нет. А потому повторяю вопрос. Семья есть?

– Ну, есть, – с кислой миной ответил Кузьма.

Оно, конечно, семья – это... Но выбор не особо велик. Пусть он этого парня видит впервые, но слышал о нем многое. И ночное происшествие, о котором нищий уже знал, тоже говорило в пользу сотенного. Ить не объявился, учинил тайный сыск и теперь сидит перед ним, условия ставит. И сомнений никаких: если Кузьма не согласится, повесят его, и вся недолга. А там, глядишь, еще и о семье выпытают да счет учинят.

– Где проживают? – продолжал расспрашивать Иван.

– Село Осиновка в десяти верстах от Москвы, – поведал мужик и добавил: – Овечкины мы.

– Село вольное?

– Вольное.

– И что же ты так-то? Чай, и земельный надел есть. Ты давай говори, Кузьма, мне тебя до себя допускать, а потому я знать должен.

– Да лет двадцать назад неурожай случился. Голод пришел в дом. Вот и подался я в Москву на паперть. А там завертелось, в привычку вошло.

– Семью-то поднял?

– Поднял. Надел брательник старший возделывает с сыновьями. А я так деньги в дом несу. И получается поболее, чем с надела. Дом поставили – чисто хоромы.

– Сам-то что же, бездетный?

– Троих Господь прибрал. Тroe живы-здоровы. Девки уж, почитай, невесты. Сын же в школе при академии учится. Я его на полный кошт определил.

– О как! И все на милостыню?

– Чего спрашиваешь, коли сам знаешь, что не только на нее, – обреченно проговорил мужик.

– Х-ха! Вот молодец. Ну а с дядей Яшой как же? Как он мог пойти на ограбление своего клиента? Решил прикарманиТЬ все оставшееся? – Иван смотрел на Кузьму требовательным взглядом.

Если это дядя Яша, то ему нужно знать. И тогда уж этому еврею-выкресту не жить. Без вариантов. Помнится, некоего Родиона, помощника новгородского купца, за подобную подставу Карпов-младший отправил к праотцам. И этот меняла ничем не лучше.

– Да чего теперь-то, – глянув на Ивана, снова вздохнул нищий. – Племянник у него есть, Изя, помогает в делаХ, ну и за наследника, значит.

– Видел такого, – подтвердил сотенный.

– Вызнал я, что он содомит.

– И что, дядя из-за этого откроется от него?

– Дядя нет. А вот коли Синод о том прознает, торчать пареньку на колу.

– И дядя, спасая своего племянника...

– Если бы прознал дядя Яша, я уже гнил бы у него в подвале и меня пытали бы каленым железом. Клиенты и авторитет для него священны, – покачал головой Кузьма.

– Так отчего же племяш не рассказал ему?

– Потому что с такой язвой меняла от парня не откажется, но и дело ему не передаст. Просто вышлет к дальней родне, чтобы грозу от дома отвести. А Изя очень уж хочется получить наследство.

– Вот так, разбрасывая авторитет? И какое тогда ему достанется наследство?

– Так я ведь наглеть не собирался. Один клиент в год, не более. Ну чего только не случается в Москве.

– Вот, получается, как. Н-да. Это я удачно поохотился. Если, конечно, ты не наврал тут с три короба. Ну да ничего. Мы это живо проверим. И для начала навестим твою родную Осиновку.

– Зачем это? – вскинулся Кузьма.

– А с родичами твоими познакомимся. А прежде сходим в университет. Чай, сыну-то на казенном коште не больно-то сладко живется. Ну а ты как думал?

– Угу. Ну да чего уж там. Ноготок увяз, всей птичке пропасть, – снова

вздохнул Овечкин.

– Фрол, уходим. Этого забираем с собой. Не трясишься, Добрыня, тебя не тронем. Кузьма, а ты чего расселся? Поднимайся, мил-человек. Пора ноженьки поразмять.

Глава 6

Дела сердечные

Ну слава богу, вот и Москва. Признаться, устал от местных дорог дальше некуда. Это же уму непостижимо – каких-то двести верст заняли целых четыре дня. Да еще и местные трескучие морозы. Бrr. Эвон вся борода в натуральных сосульках.

Может, взять и изобрести паромобиль? А что такого? Карпову это вполне по силам. Причем он не станет создавать эдакую бандуру, а построит достаточно компактный агрегат, который не будет весить больше перевозимого груза. Скорость, конечно, сможет развить так себе, но даже десять верст в час в местных реалиях произведут настоящий фурор.

Н-да. Все верно. Да только глупость это и блажь. Нет у него времени и возможности заниматься подобными делами. Казенный заказ висит дамокловым мечом. Да еще и Ирина нет-нет да поинтересуется: как там дела у Архипа Алексеевича? Поспеет ли к весне с выплавкой металла? Хорошо бы, чтобы первая партия появилась уже к окончанию ледохода.

Так что какие тут новинки. Только и успевай выполнять уже поставленные задачи. Мало того, пришлось свернуть производство товаров широкого потребления и переводить на военные рельсы второй цех. Работники трудились день и ночь, в две смены, станки и механизмы прекращали работу только в случае поломки, да и то чинились в авральном режиме. Мастерские Карповых функционировали сейчас по принципу «все для фронта, все для победы».

Перед самым Рождеством русский царь, самодержец Дмитрий Первый, покинул бренный мир. Долго он противился болезни, крутившей его многие годы, но все же проиграл эту битву, искренне оплакиваемый своими подданными. Те с опаской поглядывали на его преемника и сына, уж больно рьяно Николай взялся за дело.

Перво-наперво он отстранил боярина Голицына от командования армией. Отдавая должное дипломатическим способностям Василия Васильевича, молодой государь вернул в его ведение Иноземный приказ. Уж тут-то боярин был на своем месте.

Далее Николай перенес сроки начала повторного похода на Крым. Если раньше планировалось выступить весной следующего года, подкопив силы и вооружив армию, то теперь выйти предстояло уже этой весной.

Молодому царю страсть как не терпелось начать стяжать славу великого полководца.

На этот раз действовать собирались сразу по трем направлениям. Первое – это удержание Запорожья, а также взятого в прошлом году Очакова. Турки непременно попытаются вернуть город, как и уничтожить крепости, возведенные по берегу Буга. Здесь, как и прежде, действовать надлежало генерал-поручику Косагову во главе сорокатысячного войска. Он сумел в прошлом году захватить Очаков с рядом турецких крепостей и укреплений – сумеет и удержать все это, отвлекая на себя значительные силы противника.

Второе направление – наступление на Крым. А если говорить более точно, то на Перекоп. Здесь должны были действовать основные силы русского войска. Стотысячная армия под командованием полного генерала Гордона.

Ну и третье направление – разумеется, Азов. Николаю нужен был выход в Русское море. Очаков никак не мог претендовать на роль южных морских ворот, а вот устье Дона подходило как нельзя лучше. Эта река была одной из основных водных артерий древнего торгового пути «из варяг в греки». А Русскому царству очень важно вклинииться в торговлю на юге.

Сюда посыпалась тридцатитысячная армия при поддержке сорокатысячной ногайской конницы. Стоит ли говорить, что на основном направлении командовать собирался сам Николай. Молодой самодержец никому не желал уступить это место и был полон решимости непременно захватить Азов.

В принципе Иван целиком и полностью поддерживал намерения царя. Вот только не понимал, к чему трубить о своих планах на всех углах. План предстоящей кампании знал не только самый последний рядовой, но, пожалуй, и каждый пахарь из самой глухой деревушки. Невозможно даже помыслить о неведении турок. Но, как подозревал Иван, для местных реалий это вообще было свойственно...

Наконец и знакомое подворье. Иван постучал в ворота и, едва те перед ним распахнулись, въехал во двор, сопровождаемый денщиком. Встречавший их Серафим даже не пытался скрывать охватившей его радости. Его дети, Аркашка и Настя, двенадцати и семи лет от роду, тоже не скрывая радости, щебетали вокруг дяди Вани, который всегда был щедр на подарки. А уж из дальней поездки – так само собой. Получив свои свертки, тут же поспешили прочь, поглядеть, что им перепало на этот раз.

На крыльце дома, кутаясь в платок, появилась Дарья с выпирающим животом. Это они на третьего сподобились. И дай им Бог. Женщина

окинула вернувшихся внимательным взглядом, целы ли, поздоровалась и, осенив себя крестом, скрылась за дверью.

Данилка, не сходя с седла, принял у Ивана повод и направился прямиком в конюшню. За время летнего похода и в особенности после него парень успел изрядно заматереть. А то как же! Насмотрелся в степи да натерпелся. Тут хочешь не хочешь, а воинскую науку начнешь постигать с особым усердием. Если, конечно, с головой дружишь. Ольховский дружил. А потому и тренировался вдумчиво, без дураков.

Кроме карабина Иван вооружил его еще и парой револьверов да пару гранат подбросил. И денщик уже показал, чему успел научиться. Случилось им столкнуться с разбойничками на большой дороге. Четверо отбегались навсегда. Оно бы и остальных троих достали, если бы те не дали стрекача, уйдя за деревья. Иван предпочел не гоняться за ними по лесу.

– Ну, рассказывай, Серафим, как тут у вас, – проходя в свой дом и разоблачаясь, потребовал Иван.

– Если не поминать о том, что с нас дерут три шкуры и продыху не дают, то все слава богу, Иван Архипович.

– Ты гляди тех речей более никому не говори, – погрозив пальцем, строго велел Иван.

– Так разве ж я не знаю, где и что можно говорить, а где и погодить!

– Я сказал, ты меня услышал.

– Услышал, Иван Архипович, как же не услышать. Ну так, стало быть, заказ исполнить в срок мы успеем. Правда, стоимость одной пищали выросла копеек эдак на десять. То братец твой Дмитрий Архипович подсчитал.

– Карбид?

– Он, проклятущий, – вздохнул Серафим. – Дни короткие, ночи длинные, просто жуть сколько его расходуется на освещение. Хоть бери и лучины ставь.

– Даже не думай. При выделке оружия точность и качество нужны. Эдак раз лицо уроним, потом вовек не отмоемся. Про нас и без того много разного болтают. И ладно бы иноземные оружейники, так ведь и свои не отстают.

– Слыхал. Бают, мол, невозможно так быстро выделывать ружья, а коли работа скорая, то и товар плох.

– Ага. Попомни мои слова: и железо, и сталь наши окажутся невместного качества, потому как варить столько стали да при столь малом числе народу и домниц просто нереально. А уж получить железо без

крицы – и вовсе дело небывалое.

– Это как пить дать, – согласился Серафим.

Хлопнула входная дверь, и в облаках пара в комнату вошла Дарья, неся в руках горячий чугунок и зажимая под мышкой большую краюху хлеба. Иван всегда предпочитал есть у себя дома. Нет, он вовсе не боялся стеснить Мироновых, но, признаться, в чужом доме чувствовал себя несколько неуютно. И что с того, что все на этом подворье, включая кабальных, принадлежит ему? Это ничего не меняет. Его же сегодня явно не ждали, а потому в доме никакой еды.

Ошибочка. Выставив на стол чугунок, Дарья расставила чашки, разложила ложки, потом прошла в сени и вернулась оттуда с копченым свиным окороком. У Ивана даже обильная слюна побежала. Умел Серафим коптить мясо, что тут скажешь. Ну и на хозяйскую долю выделить не поскупился.

– Вы пока щи поснедайте, а я сейчас еще колбасок поджарю и сыра поднесу. Курочку зарубить?

– Спасибо, Дарья, курочка уже лишнее, – отказался Иван. – А вот к колбаскам... – Он с явным умыслом слегка кивнул головой.

– Я Аркашку уже отправила в кружало, пару кувшинов пива принесет.

– Отлично, – потер руки Иван и взялся за черпак, чтобы налить себе щей.

– У Архипа Алексеевича-то там как? – поинтересовался Серафим, отрезая хлеб.

– Отлично у него все, – с удовольствием отправляя в рот первую ложку, ответил Иван. – Все идет, как и планировали. И шахту уже заложил, и первая руда пошла. Крестьяне с охоткой идут на отхожий промысел.

– Еще бы, такую плату положили, – недовольно хмыкнул Миронов, словно хозяева отдавали его кровные.

– Не надо жадничать. Те копейки, что идут крестьянам, нам рублями вернутся. Коли интерес у людей будет, так и работать станут не за страх, а за совесть.

– Плохо ты людей знаешь, Иван Архипович. Плеть – она никогда не помеха. А людишки – им сколь ни дай, все мало будет. Вот кабы сиднем сидеть на печи, а оно все само получалось бы и достаток во всем был, тогда совсем иное дело. А тут работать надо, себя не жалеючи, – авторитетно заявил Миронов.

– Да я с тем и не спорю. Но ведь бездельников-то на работе держать не станем. Годик-другой, и лодыри отсеются, работники останутся. А там, глядишь, и Карповка людышками забьется, – пожав плечами, ответил Иван.

– Карповка? – вздернул бровь Серафим.

– Батя решил так село при руднике и заводе назвать. Уже по весне дома ставить начнем. Кхм. В смысле он начнет. Ты тут, в Москве. А я под Азовом. Вот такие пироги с зайчатиной.

– Погоди. Так ведь Архип Алексеевич сказывал, что мастерские будет переносить в Дедилово. Ну то есть в Карповку теперь, получается, – удивился Серафим.

– Не так скоро. Года два, не меньше. Чего готовое дело рушить? Эдак и там прибытку нет, и тут убытки.

– Это да.

– Вот то-то и оно.

Дверь снова хлопнула, вновь запуская облако пара, и в комнату ввалился улыбающийся и раскрасневшийся Аркашко. В руках пары кувшинов с холодным пивом. Вот странное дело, но даже на самом морозе теплое пиво не пьется, хоть ты тресни. Впрочем, и чрезмерно охлажденное – тоже не то. Нет, тут оно, конечно, сугубо индивидуально. Но у Ивана именно так.

– Серафим, ты с Митей говорил по поводу сына? – вспомнил Иван.

– Говорил. Не идет в Аркашку наука. Силком научили писать да считать. Вот железо ворочать у него складно получается. Так что я его при мастерских окончательно в ученики определил. Пока ему нравится, а там поглядим.

– Н-да. Плетью бы его вразумить. Но, с другой стороны, настоящий мастер у станка порой дороже дюжины умников из академии.

Подоспела Дарья с колбасками. Разлили пенный напиток. Приложились. Хорошо-о! А колбаски – так просто объедение. Все же немцы знают толк в пиве. Нет, рыба – это понятно. Но тут все дело вкуса. Вот Ивану нравилось запивать пивом именно колбаски.

– Иван Архипович, ты бы присмотрелся к этому Кузьме, – сделав второй глоток, куда меньше первого, произнес Серафим.

– А что с ним не так-то? – спросил парень.

– Ты велел его везде пускать.

– Ну велел.

– Так он, ирод, не только всюду шастает, но еще и помогать берется, в дружки набивается, вопросы задает исподволь так, выспрашивает, что тут, мол, и как. Мне мужики о том уж не раз сказывали. Ты уж прости, но думается мне, ты подсыла в мастерскую привел.

– Ну, Серафим, ты думай что хочешь, но я своего решения не меню. Пускать везде невозбранно.

– Да как же так-то? – возмутился Миронов.

– А вот так, – миролюбиво отозвался Иван. – Сам ить знаешь, чем обязан я ему.

– То, что жизнь он тебе сберег, – это одно. Будь ему хоть благодарен до гробовой доски, хоть отдарись разом. Но дело семейное – это уж совсем иное.

– Да чего ты так вскинулся, Серафим? Ну даже если и выведает что, так не страшно. Всех денег не заработать, а на жизнь нам хватит с избытком, да еще и останется.

– Ты уж не серчай, Иван Архипович, но я Архипу Алексеевичу все же отпишусь и со следующей окаяней отправлю.

– О семейных интересах, стало быть, печешься?

– Пекусь, – вздернув вверх бороду, упрямо заявил Миронов. – На то меня твой батюшка тут и оставил.

– Ну что ж, делай как знаешь.

Оно бы, конечно, рассказать Серафиму. Но они с Кузьмой решили, что поначалу все же не стоит. Тут ведь какое дело, Миронов – он тоже человек. А мало ли какие грехи одолевают смертных. Так что и его родимого стоит проверить. Да и не сдержится еще, обронит что лишнее, пусть и без умысла. А оно не ко времени.

Овечкин же хотел оставаться инкогнито. Вот и придумали они историю с чудесным спасением Ивана. Зато теперь Кузьма с гордым видом расхаживал по территории мастерских, совал свой нос во все дыры и со всеми стремился подружиться. А что такого? Он мужик хоть куда. И пусть жизнь не заладилась – не ропщет и сердца своего не растерял. Эвон, не думая о себе, бросился на татей, спасая Карпова-младшего.

Нет, о случившемся Иван распространяться не стал. Сочинили басню о том, что Кузьма, приметив, как лихой собирается ударить Ивана ножом, повис на руке убийцы. Ну и сам едва не получил в брюхо отточенную сталь. Поняв, что дело сорвалось, лихой подался в бега, Иван же пальнул пару раз да промазал. Ну а потом решил отблагодарить нищего и привел в свой дом, где позволил бывать невозбранно сколько и где пожелает.

О реальном же происшествии Иван попросту молчал. Ни к чему это. И тот раненый лихой скончался, они с Кузьмой потом сбросили тело в ров. Так что концы в воду. Стоялую и покрывшуюся зеленою ряской, что в городском рву протухает.

А племянник дяди Яши – это реальный и серьезный козырь. Может, сгодится когда, а может, и нет, но лишним в рукаве точно не будет. Разве что Добрыня выходил слабым звеном. Но его упредили, чтобы тот о

происшествии помалкивал в тряпочку, если жизнь дорога. Жизнь он ценил.

Серафим надолго задерживаться не стал. Как, впрочем, и пить больше одной кружки. Не с руки ему. Работы много, а какая работа, коли хмель в голове бродит. Ему же нужно контролировать обе смены. Хоть по половине, а приглядеть необходимо. И обязательно быть к окончанию каждой из них. На разрыв мужик пашет. Но передоверить мастерские некому. Вот загорелось же Николаю все бегом да скачками.

Вскоре в дом заглянул Кузьма. Иван попросил Серафима пнуть того в его сторону. Ну, тот и прикатился. Н-да. На колобка эта сущеная вобла явно не тянет. Вот же сухостой. Ест побольше Ивана, да только не в коня корм, хоть тресни.

– Ох и запахи у тебя, Иван Архипович, – не разочаровал Карпова Кузьма.

– Есть будешь? – предложил Иван.

– Буду, – не стал скромничать «нищий». – А что тут у тебя? Ага. Щи.

– На печь поставь, пусть подогреются.

– Ничего. Они еще теплые. Нормально. Миску-то дашь, Иван Архипович, иль прямо из чугунка хлебать?

– Держи, – подал ему Карпов чистые миску и ложку. – Ну и что ты скажешь о наших делах скорбных?

– Да то и скажу, что дела и впрямь скорбные, – принимаясь за еду, ответил бывший нищий.

Хм. Вообще-то он и сейчас выглядит таковым. Въевшаяся привычка, ставшая второй натурой? Очень может быть. Ну да был бы результат. А он, похоже, был. И это ничуть не радовало.

– Подробности можно? – спросил Иван.

– А то как же без них родимых. Селин Петр у тебя есть. Он в оружейной занимается сверлением стволов.

– Знаю. У нас здесь все наши слободчане трудятся.

– Ага. Очень его интересует, каким образом выделяют карбид.

– О как. Значит, способ выделки стволов он уже запрода? – с явным неудовольствием поинтересовался Карпов.

– Это вряд ли.

– Почему так думаешь?

– Да потому что купцу тот секрет без надобности. Коли у него была бы оружейная мастерская – дело иное. А так... Сверлильный станок да станок токарный. Как я понял, на пальцах тут ничего не объяснить, и, чтобы что-то повторить, нужно хотя бы малость в том разбираться.

– Ну, это так.

- Во-от, а вокруг того купца никаких таких умников не вертится.
- Ну и домница под карбид тоже не так проста, как кажется.
- Это верно. Но секрет выделки стволов он только запродать может.

А вот выделку карбида и карбидок и сам сумеет наладить.

Как Иван ни пытался назвать лампы ацетиленовыми, за ними прочно закрепилось название «карбидки», как, впрочем, и в его мире. Ну да хоть горшком назови.

– Это-то да, но и сведения о станках тоже дорогое стоят. В конце концов, секрет можно продать тем же оружейникам, – возразил сотенный.

– Ну, скорее всего, он так и поступит. Но продать секрет – это срубить деньги один раз. А если сможешь делать сам, это уже совсем другое.

– Ясно. И как звать того купчишку?

– Купчи-ишку, – пренебрежительно бросил Кузьма, а потом весомо добавил: – Купца, причем серьезного. И тебе знакомого.

– И?

– Так новгородец, Жилин такой, Игнат Пантелейевич.

– Вот оно как. Опять, выходит, объявился, в гробину его душу мать нехай.

– Надеюсь, на тот свет его спроваживать не станешь? – опасливо покосился на Ивана Кузьма.

– За то, что хотел тишком да бочком выведать секрет? Нет, конечно. Что же я, вовсе берегов не вижу? – открестился Иван.

– А как же Родион? – стрельнув хитрым взглядом и отправляя в рот очередную ложку щей, поинтересовался Овечкин.

– Кузьма, – строго одернул его Иван.

– А что Кузьма? Ты почто меня к себе приbral? Знать и выведывать, таково мое ремесло, – пожав плечами, с легкостью отбрехался бывший нищий.

– Родион – то другое, – качнул головой Иван. – Они тогда через кровь перешагнули, чтобы батю в кабалу захомутать. Сейчас же иначе. Поэтому нужно что-нибудь удумать, чтобы Петр Селин не дергался лишний раз и место свое знал. Ну и Жилина этого как-нибудь проучить.

– А ты поговори с Петром. По душам и открыто. Понятно, что жадность мужика обуяла. Но ить сынок его старший в твоей сотне состоит. А что есть на этом свете дороже деток-то?

– Я тебя понял, – задумчиво помяв подбородок, заросший жиденькой бородой, произнес Иван. – Что еще?

– А еще – Кузьма Овечкин, – вздохнул собеседник.

– Не понял, – вздернул бровь Карпов. – Ты-то тут при чем?

— А что тут непонятного? Подошел ко мне один, предложил заработать. Да не поскупился, пятьдесят рублей пообещал и даже пять задатком дал.

— И ты взял?

— Взял, конечно, — ответил Кузьма так, словно ему задали самый что ни на есть глупый вопрос.

— Молодец, — уважительно одобрил Иван. — А теперь подробности. Кто, что, зачем?

— Иноземец какой-то. Толком пока не выяснил. Знаю только, что осел он в доходном доме Гладкова, на Рождественке, в Белом городе. Да по говору вроде как из германцев будет.

— А отчего к тебе-то подошел? Ладно бы к работнику какому, чтобы секреты выведать. Ах нет, выбрал, считай, стороннего.

— Стороннего, — подтягивая к себе копченый окорок, согласился Кузьма. — Да только ить его не мастерская твоя интересует, а ты сам. Вот оно дело-то какое. А я вроде, после того как спас тебя, и в дом твой вхож, и даже ночную порой тут. А стало быть, окромя семьи, ближе всех к тебе получаюсь.

— Отчего же, есть еще и Серафим.

— Есть. Да только он с домашними привязан к твоей семье, и кабала тут вовсе ни при чем. То и дурню понятно. А вот я, считай, человек со стороны, ничем не обязаный.

— Хм. Логично. И что, в частности, его интересует?

— Так ты и интересуешься. Кто ты такой. От тебя ли все новое, что есть в мастерской, идет. И вообще откуда что берется. А вот сами секреты мастерской вроде как неинтересны.

Угу. Как в той поговорке. «Нам бы удочку, а рыбу мы и сами наловим». И кто бы это мог быть? Может, такой же попаданец? Ага. Как же. Если бы таких ребяток забрасывало в один мир, тут бы уже давно паровые машины вовсю трудились. Где-то в это время в его мире как раз начали появляться первые опытные экземпляры.

Словом, насчет второго попаданца — это явно перебор. А вот орден иезуитов — очень даже возможно. Иван даже не думал сбрасывать их со счетов. Да это уже чуть ли не на паранойю смахивает.

Почему именно они? Да потому что. Тот же новгородский купец полностью понятен. Столь же прозрачны и иноземные мастера из Немецкой слободы, которые уже не раз и не два подкатывали к работникам мастерской, дабы выведать секреты. Но, похоже, как минимум один поддался на щедрые посулы.

Иноземца же, подкупившего Кузьму, интересует именно Иван. А это нетипично для промышленного шпионажа. Во всяком случае, в понимании Карпова. Потому-то он и сделал сразу стойку, что твоя легавая.

– Ты сможешь присмотреться к нему поближе да разузнать поподробнее? – спросил он.

– Так уже – приставил к нему парочку мальчишек. Они по очереди приглядывают за ним. Ты вот что, Иван Архипович... Ребятки-то не за спасибо зады морозят.

– Ясное дело. Ты говори, сколько тебе потребно. И вообще, если нужны помощники, то не стесняйся. Только разум не теряй.

– Ну, тогда пока мне потребно два рубля. А еще, я так мыслю, нужно будет кое-кого прихватить, припугнуть да поприжать. Твои стрельцы для этого не больно-то годятся. И доверия полного ты к ним не имеешь, потому в одиночку и хаживал к дяде Яше.

– На помощников намекаешь?

– Намекаю. Перво-наперво я хотел бы взять на кошт вот этих двух мальцов. Ловкие ребятки, в игольное ушко пролезут и неглупые. Ну и есть еще парочка крепких парней. Эти из душегубов поневоле. Да кому интересно, волей то вышло иль случайностью. Вот и подались в ватагу к Топорку.

– Ага. Стало быть, хочешь расширить штат до двух топтунов и парочки силовиков, – удовлетворенно хмыкнул Иван.

– Что? – не понял Кузьма.

– Говорю, решил набрать помощников по разным делам. Ну что ж, добро. Скажем так, для начала я им положу жалованье по рублю в месяц. Тебе для работы ежемесячно буду выделять по пять рублей. Чтобы было чем приплатить тем, кого разок-другой привлечешь. Как, нормально будет?

– Нормально, Иван Архипович. Я даже скажу, что изрядно. Двенадцать рублей в год, а то и больше – этому любой рад будет.

– Ну, вроде все обговорили. Иль еще что есть?

– Да пока все.

– Вот и ладно. Тогда пойду-ка навещу матушку.

Родная она ему, не родная, а приличия соблюдать нужно. Переживает за него всем сердцем – может, вот эта материнская любовь его во многом и хранила. Ну а как еще объяснить, что уже трижды с ним случалось нечто непонятное, предупреждавшее об опасности?

Ну да. Когда на них с Данилкой напали на дороге, Иван вновь ощутил то самое чувство опасности. Не пригнись он тогда, и как пить дать получил бы пулю, потому что буквально шкурой почувствовал над собой гулкое

вжиканье свинца. Конечно, можно помянуть и шестое чувство. Но кто знает, что оно собой представляет? Весьма вероятно, как раз материнское сердце и хранило его.

Дома все было без перемен. Это если позабыть о том, что от старого подворья ничего не осталось. На том же самом месте вырос новый просторный бревенчатый дом, в котором до сих пор пахло свежим лесом.

По нынешним доходам Архип мог поставить себе и целые хоромы. Благо постройка из дерева стоила не так чтобы дорого. Но кто же ему позволит строить такое внушительное здание. Пусть из стрельцов и вполне уважаемый мануфактурщик, это ни о чем не говорит. Только дворяне могли себе позволить постройку в два этажа. Три – уже прерогатива князей и бояр. Исключение составляли лишь владельцы доходных домов. Эти возвышались на высоту и четырех этажей. Но такие здания стояли в особом ряду и строились по особой многоквартирной планировке.

Встреча с семьей, как всегда, вышла теплой и в атмосфере радости. Сестренки за последнее время успели изрядно подрасти. Шутка сказать, Глаше уже почти пятнадцать. По сегодняшним реалиям готовая невеста. Да и младшей Анне почти тринадцать. В этом возрасте также уже женихов присматривают.

Но Архип по здравом размышлении решил не торопиться с их замужеством. Просто незачем. С его нынешним положением найти для них женихов – никаких трудностей. Да они в очереди уже стоят. А партию девчата хотелось составить выгодную. Пусть старшенькая еще пару-тройку лет походит в невестах. Глядишь, их заводы заработают и благосостояние серьезно вырастет.

На дворян бывший кузнец не замахивался. Просто ни к чему ему титул и земли. А вот породниться с каким уважаемым купеческим родом – это иное дело. Такой союз сулил серьезные выгоды. Все же, как ни крути, а родственные узы тут крепкие.

По той же причине не спешил женить и своего младшего сына. Этот пусть для начала университет закончит, а там видно будет, в какую сторону стрелы метать. Угу. Имелась здесь сказка, эквивалент «Царевны-лягушки». В смысле царевна как раз лягушкой и была. И даже с Кощеем Бессмертным. Ну просто один в один.

Вот старшего Архип был готов женить хоть на ком. Во-первых, чтобы вытащить из постели княгини. Во-вторых, ему и впрямь хотелось потешкаться с внуками. Руки иззуделись, на других глядючи. Ну и в-третьих, Архип просто понимал, что Ивана с выгодой женить ну никак не получится. Тот себе на уме. А потому надежда только на одно – что устанет

от брюзжания родителей и наконец сделает выбор. Они готовы даже на самую распоследнюю жабу. Ну, может, предпоследнюю или подалее. Не суть важно.

Сестры обрадовались гостинцам, расцеловали братца и убежали примерять платки и сережки да хвастать друг перед другом. Матушка с благодарностью завернулась в пуховую шаль, расплывшись в улыбке. Нет, не обнове радовалась, а тому, что сын невредимым вернулся.

С братом увиделись, только когда тот уже достаточно поздно заявился к Ивану домой. Причем пришел не один, а со своим товарищем по университету. Два самородка, йолки. Мало что ровесники, так еще и оба поздно начали учиться, а посему оказались крайне голодными до наук. Набрасывались на любую новинку с такой жадностью, что знания, не выдерживая подобного напора, сами перетекали им в головы.

На этот раз парни пришли не просто так, а притащили с собой самые настоящие деревянные часы. В них все детали были выполнены из дерева. Разве что привод механизма изготовили из бечевки. Но тут уж ничего не поделаешь, либо так, либо стальная пружина.

Ну да это мелочи. Главное, что перед взором Ивана предстали самые настоящие часы. Существующие ныне образцы имели только часовую стрелку, да и то безбожно врали. Добиться точности хода и отсчета минут уже было бы величайшим достижением. Эти же отсчитывали даже секунды. Переоценить важность изобретения просто невозможно.

Вообще-то Иван ничего не изобретал. Когда-то он уже изготавливал подобные часы. Поэтому просто кое-что припомнил и подсказал Мите, взяв за основу уже существующий, пусть и несовершенный механизм. Но это вовсе не умаляет заслуги молодых людей.

– Ваня, ты представляешь, мы уже неделю за ними наблюдаем! Точно идут. Вот ей-ей точно, – возбужденно вещал Митя.

Его друг, Антон Рябов, стоял в сторонке, зардевшись, как красна девица, от охватившего его довольства. Еще бы, Иван взирал на представшее перед ним чудо, не скрывая своего восхищения. Форма у часов была в виде эдакого теремка, только и того, что не хватало кукушки. Но, признаться, в этом им Иван точно не помощник. Вот уж с чем никогда в жизни не сталкивался.

– Поздравляю, братишка. Антон. Вы просто молодцы. Ученые с мировым именем ничего подобного измыслить не смогли, а вы вона что сотворили, – любуясь часами на вытянутых руках, произнес Иван.

– То благодаря твоим подсказкам только и получилось, – раскрасневшись, смущенно произнес брат.

Ага. А вот Антон стоит молча и эдак глазки в сторонку отводит. Стремится не подавать виду, что не согласен со словами друга, да плохо выходит.

– Ерунда все это, Митя. Подумаешь, я что-то там буркнул. Главное то, что вы в этом рассмотрели толк да рассчитать все сумели наилучшим образом. Так что нет тут моей заслуги. Ну разве лишь в том, что смог разжечь в вас интерес к этому делу.

Ой, да что ты будешь делать. Опять раскраснелись, как маков цвет, хоть бери и прикуривай. Нет, понятно, что подсказки Ивана были существенными, но в его словах истинная правда. Он-то слышал звон, да не помнил, где он. Все, что помнил, рассказал Мите, а уж додумали они вдвоем. Так что и слава их по праву.

– Профессору-то своему уж показывали? – поинтересовался Иван.

– Нет, – замотал головой Митя. – К Спиридону Прокопьевичу пока не ходили. Сначала хотели тебе показать. Опять же испытать нужно было.

– Понятно. Это дело хорошее. И насколько хватает завода?

– Гирьку раз в сутки подтягивать надо. Но мы тут подумали... Можно сделать и так, чтобы раз в неделю. Да только с деревом такое не выйдет. Слишком тонкая работа. Нужно из металла ладить.

– Э, нет, брат. Извини, но сейчас никак. Царь в поход собирается, мастерские едва успевают казенный заказ выполнять. Если только потом, когда наконец можно будет вздохнуть.

– Так мы и не просим, чтобы мастерская ладила часы. Да и станки нам делать не надо. Мы сами их сделаем, – с жаром произнес Антон.

– Ну да, ну да. Сами. А где, позвольте спросить, вы те станки ладить будете?

– Ну так в мастерской, – недоумевая, ответил Митя.

– То есть ты не слышал, что я тебе сказал?

– Ну так мы же рабочих отвлекать не станем.

– Серьезно? Братишко, ты же уже взрослый. Нешто соображения не имеешь, что станки крутятся, не останавливаясь, разве что поломка случится или обслужить нужно. Часы, конечно, дело выгодное...

– Да за них платить будут полновесной монетой, еще и выхватывать из рук станут. А коли поднести великой княгине, а через нее и царю... Остальные в очередь выстроются и раскошелятся серебром по весу, только бы получить такую обнову, – с горячностью выпалил Антон.

О как! Глазоньки горят. Понимает, что изделие их дорогого стоит. И ход рекламный уже продумал. Молоко на губах не обсохло, а туда же, намекает на связь Карпова с Хованской. Иван даже желваками заиграл.

— Значит, так, Антон. Заруби себе на носу. Всех денег не заработать. И еще. Даже если эти часы станут и впрямь покупать по весу серебра, я пальцем не пошевелю, чтобы начать их делать. Есть государев заказ, и в первую голову я должен исполнить его. Кровь из носу должен.

— Тогда я и сам все сделаю. Чай, мастера не в одной этой мастерской имеются.

— А вот это дело твое.

— Ну я пойду?

— Иди, Антон.

Паренек стрельнул глазками в сторону часов. Иван разочарованно ухмыльнулся и подвинулся в сторону, словно предлагая забрать изделие. Чем Антон тут же и воспользовался. Потом посмотрел на друга, словно вопрошая, он с ним или как.

— Митя, мне бы поговорить с тобой, — когда брат дернулся в сторону двери, произнес Иван.

— Это срочно? — едва ли не с отчаянием взглянув на старшего брата, спросил юноша.

— Это важно.

Антон кивнул, прощаясь с другом, и выскользнул в дверь, впустив в комнату быстро истаявшее облако пара. Ивану отчего-то подумалось о том, что с наступлением темноты морозец хорошенко эдак придавил.

— К гадалке не ходи, он завтра же начнет тебя донимать, чтобы вы начали оборудовать свою мастерскую, — заговорил Иван, глядя в закрывшуюся дверь. — Еще и инструмент нашего бати припомнит, что все еще лежит на родительском подворье. И тебя уговаривать станет, потому как у самого за душой ни копейки нет.

— А что в том плохого? — вскинулся Митя. — Мы ведь ни у кого не воруем.

— Ни у кого чужого не воруете, это так. Вы у себя воруете, Митя. Вот скажи по совести, ведь ты помогаешь Антону? Я же вижу, что ты не тратаишь столько, сколько мы тебе даем. Но денег в избытке у тебя не бывает. К тому же Антон проживает у нас в доме, считай, на полном коште.

— А что в том дурного?

— Да ничего в том дурного нет, — начал уже злиться Иван. — Я объяснить тебе хочу, что нужды у вас ни в чем нет. Часы сладили? Ну так молодцы. Но вы не просто товар изготовили, вы совершили целый прорыв в науке. Но отчего-то, кроме серебра, ничего не видите. Антон сейчас готов положить все силы на то, чтобы начать изготавливать и продавать часы. И он сможет изрядно заработать, я в этом ничуть не сомневаюсь. Да только

тогда он останется недоучкой. Пусть гениальным, но недоучкой.

– И что же делать? – растерянно спросил Митя.

– Завтра же возьмите часы да подойдите к нашему профессору. Все должны знать, что их сладили вы оба. Я уверен, что Антон найдет желающего вложиться в мастерскую. А вот в том, что он захочет выделить тебе причитающуюся долю, уже сомневаюсь.

– Он не такой.

– Ладно, он не такой, – примирительно выставив руки, тут же согласился Иван. – Но ты не станешь ему даже намекать, чтобы он поделился с тобой, если вдруг начнет ладить часы на продажу.

– Но...

– Если он решит тебя обделить, то никогда не был твоим другом, а только пользовался твоей добротой. Что же до часов. Дай срок, и мы наладим их выпуск и всех заткнем за пояс. Но только, братишко, сейчас твое дело – учиться. Учиться, учиться и еще раз учиться. В мире еще столько непознанного, что тебе забот до конца твоих дней хватит. Не своди это к банальному серебру. На то у тебя пока есть батюшка и старший брат. Договорились?

– Договорились, – вздохнул Митя и тут же вскинулся: – Но насчет Антона ты не прав.

– Я же согласился. Пока. А как оно будет дальше, покажет время. Кстати, он там к Глашке клинья не подбивает? – вдруг спохватился Иван.

Это он как-то расслабился. В доме невеста. Даже две. А они вот так, за здорово живешь, пустили на постой готового кавалера. Да еще и, как выясняется, ушлого такого! А его сестрицы – партия завидная. Вскружит какой из них голову, и рви потом волосы на пятой точке.

– Да нет вроде, – растерянно ответил Митя.

– Ну и ладно, – удовлетворенно кивнул Иван.

Правда, для себя решил завтра же поговорить с обеими сестрицами. Чтобы зарубили у себя на носу: если надумают окрутиться с кем без родительского благословения, то на приданое могут не рассчитывать. И с Антоном о том непременно поговорить. У девчат-то ветер в голове, там, где вспыхивают чувства, разум молчит. А вот этот парень – очень даже продуманный тип. Так что осторожней с ним нужно. Аккуратней.

Выпроводив брата, полез за своим архивом. Чтобы обезопасить записи, Иван слегка увеличил печь. В пристройке устроил тайник, где, как в несгораемом шкафу, хранил все записи. И по тем часам, что смастерили брат с Антоном, в том числе.

Вот эти листы. Взвесил их в руке. Нет, пока погодит. Некогда

разбираться, что он вспомнил правильно, в чем ошибся. Потом как-нибудь. А вообще в архиве им и место. Часы-то сладили, и один из изобретателей под рукой. Да и в любом случае они уже появятся в этом мире. Записи же эти больше для него. Сейчас же стоит заняться иным.

Пока катался в Дедилово, успел кое-что вспомнить. И даже обсосать эту тему с разных сторон, припоминая всевозможные подробности. А вот теперь нужно поработать более вдумчиво. С помощью карандаша и готовальни. Кстати, был у него самый настоящий карандаш с графитовым грифелем. Изготовил для собственного удобства.

Кстати, для того же удобства Иван ввел в мастерской и использовал в своих записях метрическую систему. Причем подошел к этому делу без затей. Взял тот метр равным половине московской сажени. Митя начал было умничать, мол, ерунда все это. Потому как метр – и не метр, получается. Припомнил опыты с маятником и различными его показателями в разных широтах. Но Иван попросту отмахнулся. Со всеми этими истинными значениями пусть ученые разбираются. Ему же нужно привести продукцию своих уже двух мастерских да строящегося завода к единому стандарту. И предложенный вполне себе подходил.

Поначалу думал просидеть пару часов. А вышло так, что засиделся глубоко за полночь. Словно и не провел несколько дней в седле, да еще и в морозную пору. Впрочем, натурой он был увлекающейся. И если им завладевала какая идея, удержу не знал...

Поздно лег и проснулся далеко не с петухами, а лишь когда солнечный луч ударили в глаза сквозь закрытые веки. Сел на постели, устроив босые ноги на овчинной шкуре, что у него вместо прикроватного коврика. Оно, конечно, мог себе позволить купить и самый настоящий персидский ковер. Да только решил, что оно того не стоит. Зачем выбрасывать целую кучу серебра, когда овчина копейки стоит. Причем в прямом смысле этого слова.

Умылся. Помял подбородок и решительно взялся за бритву. Коли уж разводить растительность на лице, то по-человечески. А это жидкое недоразумение... Ну его к ляду. Попробовал. Ерунда получается. Хотя, надо признать, даже такая клоchkоватая, она по-своему оберегает лицо от мороза. С другой стороны, обходился раньше голым подбородком, вот и дальше обойдется.

Сразу после утреннего туалета – достаточно позднего, надо заметить, – подоспела Дарья с дочуркой. Они организовали ему завтрак, опять-таки поздний. Ну да ничего страшного. Сейчас поест, пройдется скоренько по мастерским, а там и в Измайлово выдвигаться. Почитай, месяц сотня без своего командира. Непорядок.

Едва покончил с едой, как к нему заявились гостья. Признаться, ее визит серьезно озадачил и удивил Ивана. Вроде все уж порешили и определились. А тут на тебе, стоит красна девица, на каланчу похожая.

– Здравствуй, Анюта.

– И тебе здравия, Ваня.

– Только не говори, что от нее. Да и не могла она знать, что я вчера приехал.

– Она не могла. А я вчера навещала Егоркиных родителей, вот и приметила тебя на улице.

– Ну приметила. И что с того? Мы же с тобой вроде как условились.

– Ваня, совесть поимей. Извелась она вся. А ты как... как... Убег в кусты, как не знаю кто. И я тоже хороша.

– Анна, ты это брось. Любит? Значит, разлюбит. Не пара белый лебедь и серая гагара. И точка. И передай ей, что промеж нами ничего нет и быть не может.

– Скажи, Ваня, а с вами по дороге на Москву ничего не приключилось? – вдруг невпопад спросила девушка.

– А тебе зачем? – искренне удивился Иван.

– Было иль не было?

– Ну-у, случились разбойнички.

– Не третьего ли дня?

– Третьего, – растерянно ответил он.

– Около полудня?

– А ты откуда...

– Не я, Ваня. Она. Уж трижды я тому свидетельницей была. Вот так ни с того ни с сего вдруг схватится за сердце и помянет тебя в испуге. А потом вроде как успокаивается. Я о том подумала, когда узнала, как нищий тот тебя уберег от смерти. Да только мнится мне, что не он это был. Вызнала у моего Егорки, когда вы убийц Хованской схватили. И вышло в тот самый вечер, когда она впервые за сердечко схватилась. Егор же мне сказывал, что ты тогда едва живота не лишился.

– И третьего дня?..

– И третьего дня повторилось. А ты говоришь, лебедь да гагара.

– Ты, Анюта, жизни-то меня не учи. Ничего путного из того не выйдет.

– Ну так повстречайся с ней и сам скажи о том, – протягивая ему письмо, запечатанное восковой печатью, потребовала девушка.

– Передай ей, что я встречаться с ней не буду и общего промеж нами ничего быть не может, – не думая принимать послание и даже заведя руки за спину, твердо ответил он.

– Ваня...

– Все, я сказал. Сам не плаху попасть не горю желанием и вас с Егором за собой не потяну. Так что ступай, Анюта. Ступай, говорю.

Нет, понятно, что неприятности могут последовать чередой. Мало ли как может навредить все еще наследница русского престола. Нет еще у Николая детей. А потому царевна по-прежнему в наследницах значится. Вот если бы она, подобно тетке, была уже... Нет, даже не вдовой, а хотя бы замужем, то тут уж расклады совсем другие. Неприятности, конечно, могли случиться нешуточные, но варианты вывернуться все же имелись.

А ведь получается, ее и впрямь накрыло так, что мама не горюй. А его? Как он вообще относится к этой девчушке? Ведь он помнит, как во всех трех случаях... А еще думал, может, это материнское любящее сердце его бережет. Любящее, да только выходит, что вовсе не материнское.

Ох, девочка, девочка. Что же с тобой делать-то? Ну принесет ей весть Анюта. А ну как эта малолетка что с собой учудит? Ведь может. Точно может. Головка забита рыцарскими бреднями, чувства властвуют над разумом. Да она в горячке такое сотворить может, что только держись. И в самых лучших традициях оставит записку: «В моей смерти...» Об этом даже думать не хотелось.

А может, обратиться к Хованской? Все же родная тетка, взрослая и рассудительная женщина... Н-да. Насчет рассудительности это он что-то загнул. И как бы не слишком серьезно. Но с другой стороны, выхода другого не видит.

Решено, немедленно едет к Хованской! И побоку все иные дела. Ну а там будь что будет. В самом крайнем случае уйдет на нелегальное положение. Хм. Не хотелось бы. Тут вроде как все устаканивается и вырисовывается. Ну да что уж теперь-то. Кому суждено повеситься, тот не потонет.

Пройдя в светелку, Хованская замерла, оглядывая племянницу. Еще недавно статная красавица, Лиза сильно похудела, черты лица заострились, цвет лица нездорово бледный. Направляясь сюда, Ирина успела выяснить, что та практически не ест, если только поклюет, как птичка-невеличка, да водицы изопьет.

Это насколько же у Ирины от ревности помутилось в голове, что она вот так не замечала родную племянницу. И это при том, что готова за нее, как и за Николая, душу отдать. Подумаешь, девочка не была дочерью ее лучшей подруги. Это ни о чем не говорит. Родная кровь! И этим все сказано. Ближе только свои дети.

И этот паразит. Ну чего было молчать-то? Боялся прогневать. Решил, что это всего лишь девичья блажь, и не более. Побегает от нее, и само все рассосется. А вот не рассосалось. Да и не могло. Потому как Рюриковичи – они такие: если ненавидеть, то без остатка, если любить, то от всего широкого сердца. Прибить бы паршивца! Да рука не поднимается. Потому как и сердце, и разум твердят об одном – его вины в том нет. Ну разве лишь то, что отмалчивался.

– Здравствуй, девочка моя, – с теплой улыбкой поздоровалась женщина.

– И тебе здоровья, тетушка, – поднимаясь навстречу, поздоровалась Лиза.

Вот так. Уважение-то девица выказывает, не без того. Но по всему ее облику видно, что великая княгиня – последняя, кого она сейчас хочет видеть.

– Поздорову ли поживаешь, Лизонька?

– Благодарствую, тетушка, поздорову.

– А вот по облику твоему того не скажешь, – покачав головой, взорвала Ирина. – Да и слуги сказывают, что есть не ешь, все время грустная да задумчивая.

– То так, хандра напала.

– С чего бы?

– Не знаю. Случилось так, и все тут.

– Случилось, значит.

– Ну да.

– Ты, девонька, мне зубы-то не заговаривай. Случилось у нее, – в сердцах произнесла Ирина, но потом успокоилась.

Присела напротив племянницы и посмотрела ей прямо в глаза. Здесь и сейчас они были одни. И Хованская точно знала, что их никто не подслушивает. Если во дворце что и случалось, то только с ее ведома.

И как она могла упустить ситуацию с племянницей? Хм. А она и не упускала. Просто игнорировала, предоставив девушку самой себе. Ну, возможно, причина также в том, что, имея Ивана подле себя, она не хотела даже мысль допускать о том, что он может быть еще чьим-то. Ну и чтобы не накручивать себя лишний раз, старалась не думать о Лизе. Да она даже сомневалась, что сможет его отпустить, восхоти он на ком жениться.

Но все в этой жизни течет, все меняется, только и успевай подстраиваться. Вот и с Иваном все изменилось. Не хотелось бы, но... Племянница для нее оказалась куда дороже личных привязанностей. Было дело, она пошла на смертельный риск ради Николая. И случись беда с

Лизой, также не стала бы раздумывать, а просто шагнула бы в неизвестность. Вот как сейчас.

– Что, так сильно любишь? – тихо и проникновенно спросила Ирина.

– Откуда... – испуганно начала Лиза, а потом словно прозрела: – Он? Не может быть!

– Конечно, не может, – не моргнув глазом, подтвердила женщина. – Нешто ты думаешь, у меня во дворце нет глаз и ушей? Нашлось кому обсказать. Знать, верно мне все донесли – любишь, и по-настоящему.

– А тебе какое до этого дело? – неожиданно для самой себя огрызнулась девушка.

– Лиза, – ласково и в то же время осуждающе произнесла Ирина.

– А что «Лиза»? Как тебе влюбляться в стрельца – так не зазорно. А как мне – так и думать не смей!

– Отчего же. Любовь – она прекрасна и приходит, не спросясь, – вздохнув и невесело улыбнувшись, ответила Ирина. – Это же счастье, когда любишь, пусть порой та любовь и бывает жестокой. Вон как с нами вышло. Втрескались в одного и того же мужчину. Правда, горько оттого нам обеим. Но лучше уж испить эту чашу полыни, чем и вовсе не познать любви.

– Вот, значит, как ты заговорила? Тебе-то чего горестного, коли держишь Ивана подле себя на привязи, шагу ступить не даешь?

– Да не держу я его. И вообще сегодня сказала, что все кончено.

– А что так-то, тетушка? Разлюбила? – подпустив ехидства, поинтересовалась девушка.

– Если любишь, то разлюбить уж не получится. Оно с тобой до конца дней твоих. Или то и не любовь была вовсе. Но интересы престола требуют, чтобы я вышла замуж. Брату твоему нужна поддержка. Потому я Ивана и отстранила. Хотя видит Бог, как сильно стонет мое сердечко. Вижу, и ты его любишь. Причем сильно. Вон как извелась. Да только погубишь ты его.

– С чего бы это?

– А ты не понимаешь? Кто он? Стрелец. Кто ты? Законная наследница престола Русского царства. А ты как думала! – вперив строгий взгляд в подскочившую девушку, припечатала Хованская. – И это останется неизменным, даже когда у Николая народится дите. Только очередь твоя станет уж не первой, а второй. И так будет, пока ты не выйдешь замуж. Таковы наши законы, Лиза, и не нам их рушить. Не гляди так. Особа царских кровей, даже в моем случае, не может выйти за дворянина менее чем в седьмом колене. Дослужись Иван хоть до боярина, что неимоверно трудно, но возможно, и тогда ничегошеньки не изменится. Помнишь, в пять

лет ты поймала птаку?

– Зачем напоминаешь? – несмотря на общую бледность, зарделась в смущении девушка.

– А затем, что ты ее тогда от избытка любви задушила, хотя и не желала ей зла. Вот и Ваню ты погубишь, коли не оставишь его. Никто не сможет запретить тебе любить. Но любовь – она ведь подразумевает заботу о дорогом тебе человеке.

– И что мне теперь делать? Вздыхать и охать?

– Постарайся чем-нибудь себя занять. Труды и заботы хорошо отвлекают. А еще смирись и прими свою судьбу. Тогда и сердцу легче станет, и думать о милом будет не так больно. Прости, но ничего иного я посоветовать не могу, – вздохнув, закончила Ирина.

– А за кого ты собралась замуж? – не удержалась Лиза.

– Де Вержи все гоголем вокруг меня расхаживает. Вот за него и пойду. Он принадлежит к древнему роду, восходящему по боковой линии к Карлу Девятому, королю французскому. Вполне достойная пара. Но главное, этот брак будет полезен престолу.

– Де Вержи имеет влияние на братца, а ты будешь влиять и на него, и на Колю.

– Именно. А уж если Бог даст родить ему дитя, так я и вовсе окончательно привяжу этого мудрого мужа к нам.

– А он тебе хоть чуть-чуть нравится? Ты же не любишь иноземцев.

– Он мне не противен, – пожав плечами, ответила княгиня. – Смогу ли я дать ему больше? Я постараюсь. Я очень постараюсь. И если ты думаешь, что я буду наставлять ему рога, ты сильно ошибаешься.

– Я так не думаю. Все знают, насколько ты серьезно относишься к семье.

– Вот именно. Девочка моя, я надеюсь, что ты правильно меня поймешь. И... прости свою тетку, потерявшую голову. Ить взревновала я Ивана к тебе. Нет, здесь я не по той причине. Но раньше, когда только поняла, что ты положила на него глаз... Баба во мне взыграла, а должна была тетка проснуться. Тогда еще поговорить с тобой следовало. Да я и не думала, что так-то все выйдет, – вытирая платочком непослушные слезы, скользнувшие из глаз крупными каплями, со всхлипом закончила Хованская.

– Не в чем тебе виниться, тетушка, – бросаясь к ней на грудь и, в свою очередь, орошая лиф сарафана Ирины горькими слезами, прорыдала девушка.

Во так и сидели две красавицы у окна в светелке. И то, что одна

другой годилась в матери, сейчас не имело значения. Обе они оплакивали свою судьбинушку, и каждая мысленно поминала виновника несчастья, свалившегося на них.

Ирина уже давно подумывала оженить де Вержи на русской дворянке. Вот только окрутить старого холостяка никак не получалось. Мало того, он вдруг усиленно начал оказывать княгине всевозможные знаки внимания и был весьма напорист. В пределах приличий, разумеется.

Нет, она вовсе не собиралась ему уступать, а решила использовать их сближение для поиска подходящей пары. Выбор в свою пользу она сделала только из-за Лизы. Никакие слова и уверения не смогли бы убедить девушку лучше реального поступка. Но вместе с тем, имея возможность влиять на царя и его ближайшего сподвижника, она могла продолжить политику покойного брата. Которую считала верной.

Любовь же... Ну, ей тут будет полегче. Все же второго человека, близкого сердцу, теряет. А вот Лизе придется тяжко. Ох как тяжко. Но... Она справится. Даром, что ли, из рода Рюриковичей. И не такое перемалывали в муку. Только помочь ей нужно самую малость, поддержать.

Глава 7

Охота на стрельца

Утро выдалось ясным и светлым. Именно что светлым. А еще легким. Потому как ощущение было словно гора с плеч свалилась. Ну никак не меньше. Оно, конечно, с одной стороны, лишиться покровительства такой особы, как Хованская, сродни невосполнимой потере. Но ведь это смотря с чем сравнивать. Если, к примеру, с перспективой лишиться головы, то все не так уж страшно. И даже... Светло и легко. И никак иначе.

С другой стороны, Иван вовсе не полностью лишен покровительства сильных мира сего. Царь Николай к нему вполне даже благоволит. Не сказать, что подружился, но наладил хороший контакт с де Вержи. А тот вовсе не против стоящих советов и подсказок, коль скоро высказывающий их не лезет на глаза. Полковник даже вполне благосклонно взирает на то, что царь с вниманием относится к сотенному.

Задевает ли это Ивана? Вот уж ничуть не бывало. Жить в полной независимости ни в этом, ни в прошлом мире не получалось. Некая иллюзия независимости могла возникнуть только ввиду того, что твоя личность попросту неинтересна всевозможным шишкам. Живешь там себе, копошишься, никому не мешаешь, ну и бог с тобой.

Он бы и здесь так же пристроился. Но... Вот сразу как-то не сложилось. За что ни возьмется, так обязательно выпячивается. А тут еще и батя взял да записал в стрельцы. Ну как тут не выделиться? Ведь жуть как не хочется стоять истуканом на поле боя, пока в тебя будут целиться, непременно желая закатать под шкуру кусок свинца.

С Хованской тоже все разрешилось. Два дня назад, когда он выкатил ей новости, княгиня тут же дала ему отставку. Однако от командования сотней не отстранила. За дверь с гневом не выставляла. Проклятиями не сыпала.

Как-то так буднично, хотя и с трудом скрывая волнение, заявила, что освобождает его от данного ей обещания. Отныне он волен поступать так, как пожелает. Даже оговорила то обстоятельство, что он теперь может задирать подол любой приглянувшейся девке. Все. Свобода.

Конечно, непонятно, как оно будет дальше, но пока все выглядит чинно и пристойно. И, кстати, Иван не очень-то торопится воспользоваться этой самой свободой. Живет так, как и жил прежде. Разве что прекратил беготню от посыльных Лизаветы. Надо бы озабочиться да вернуть в сотню

Егора с парнями. Хватит им науку раздавать. Если преображенцы не дураки, то уже успели перенять приемы. Если дураки... Ну, он им не нянька. А лучшему десятку и в сотне занятие найдется.

Никуда не торопясь, привел себя в порядок. Позавтракал. Приоделся в парадный кафтан. Он, конечно, любил повозиться в мастерской, и, между прочим, не безрезультатно. Но за последнее время слишком мало внимания уделял сотне. А потому нужно заняться делами служебными. Ну и навестить Преображенское, чтобы выдернуть Егора с десятком.

– Вот так-так! – едва он появился на крыльце, как тут же раздалось удивленное восклицание.

Ясное дело, что проигнорировать подобное не получится. Иван обернулся на голос. Ого! А ведь и впрямь есть чему удивиться. Стоящего посреди двора парня в добром овчинном полушибке Карпов признал сразу. Пусть они и были знакомы всего ничего, а под конец оба не вязали лыка, расставшись практически в беспамятстве, но образ воспитанника вильненского коллегиума в память врезалсяочно.

– Вот так встреча, – не стал отнекиваться от знакомства Иван. – Гаврила, тебя ли вижу?!

– Ясно дело, что меня. Гхм. Э-э. Господин сотник, – приметив на шапке характерную кокарду в виде короны, тут же обозначил парень.

– Сотенный, – поправил его Иван. – Дворянством пока не обзавелся. Но лиха беда – начало.

– А ведь вроде бы сказывал, что по делам торговым.

– Уж не во лжи ли ты меня уличить решил? – вздернув бровь и явно потешаясь, поинтересовался Иван.

– Я? Да нет, боже ж мой.

– Расслабься, Гаврила. Тут тебе не там. Никто пороть не станет. И вам тогда я не врал. Сам-то тут по какой надобности?

– Ну так батя меня с рыбным обозом прислал. А кроме того и дел обычных, велел разузнать насчет закупок ламп карбидных и самого карбида, – не без гордости от того, что ему доверено самостоятельное дело, ответил Гаврила.

– Ага. Ну так, стало быть, ты ко мне и пожаловал. Ну что уставился на меня, как баран на новые ворота? Подворье это, как и мастерские, мне принадлежит.

– Так тебя вроде как звать-то Иваном. А батя сказывал, что мастерские эти принадлежат Архипу Алексеевичу.

– Ну верно. То батя мой. А я, стало быть, Иван Архипович и есть. А так как родителя моего тут еще долго не будет, то я и получаюсь самым

главным начальником.

– О как, – искренне поразился парень.

– Да уж так.

– А в Вильно-то удачно съездил?

– Не сказать, что так, как хотелось бы, – изобразив кислую мину, ответил Иван. – Ерунда это все. Тут либо делать, либо торговать, а совмещать никак не получится. Если только нанимать неглупых и невороватых приказчиков. Но с такими, как ты понимаешь, на Руси тяжко. Ладно о том. Серафим! – окликнул Иван. – Что у нас по лампам и карбиду?

– С карбидом трудностей нет. Отгружим. Не то чтобы его у нас большие запасы, но имеются. К тому же дополнительную печь собираемся ладить. А вот с лампами куда труднее. Казенных заказов на мастерской столько, что и вздохнуть некогда, – покачав головой, доложил Серафим, сопровождавший Гаврилу. – Я ему о том и толкую. Да, как видно, знакомец твой решил, что я цену набиваю.

– И что, склады тоже пустые?

– Не пустые. Но ламп там нет.

– Ясно. Гаврила, а как там у вас в Новгороде с мастеровыми? – поинтересовался Иван.

– В смысле у нашей семьи? – уточнил парень.

– Именно. Тут ведь дело какое. Сама лампа в изготовлении не так сложна. И вариантов ее множество. Главное, ухватить суть. Просто толку от них без карбида никакого.

– То есть покупать у тебя карбид, а лампы уж самим ладить?

– Как вариант. С другой стороны, можно побегать по Москве. Я уж не раз и не два видел, как в лавках торгуют не нашими лампами. Да и карбида с каждым разом приходится выделять все больше.

– Хм. Подумать надо.

– Подумай, Гаврила. Подумай. Тем паче может статься и такое, что мы те лампы выделять перестанем. Иных забот полон рот. Мы свое на карбиде возьмем.

– Хм. А что, толково. Пусть лампы ладят все кому не лень, чем их больше, тем тебе лучше.

– Верно мыслишь, дружище. Так что как поступить, решай сам. Ладно, побегу я. Служба. Ты где остановился-то?

– На постоялом дворе в Мясницкой сотне.

– Ага. Знаю такой. Навещу вечерком, посидим пображничаем. Нужно же мне отдариться за Вильно.

– Так там-то ты вроде угощал, – лукаво стрельнул взглядом парень.

– Ну и что. Зато быстро понял, что нечего скакать, подобно блохе, и каждый должен заниматься своим делом. Так что до вечера.

– Ну, до вечера, – задумчиво почесав густую бородку, ответил парень.

Вот так вот. Теперь Карпову нужно хорошенко подумать, как быть. Впрочем, век сейчас вообще неторопливый, есть возможность для принятия взвешенного решения. Время на это тратить как-то не с руки, но обрасти знаменитствами и связями в купеческой среде вовсе не помешает.

Наскоро переговорил с Серафимом, выслушав его ежедневный доклад о ходе работ. Указаний никаких давать не стал. Незачем. Работа однообразная и даже рутинная. Все идет по накату. Так что самое лучшее, что можно сделать, – это не мешать отлаженному механизму.

Пока говорил с Серафимом, Данила подвел лошадь, и Иван, тяжко вздохнув, взлетел в седло. За прошедшее время лихим кавалеристом он, конечно, не стал, но на лошади держится довольно уверено. Впрочем, ну его, этот транспорт. Надоел хуже горькой редьки.

Была мысль смастерить себе легкую коляску на рессорах. Но, поразмыслив, отказался от этой затеи. Что ни говори, но стрельцу все же не по чину такой экипаж. Пусть он и стоит всего лишь в шаге от дворянства, однако благородным не ровня. Нагружать же себя проблемами ради того, чтобы угодить Ирине, не стал.

Это только кажется, что построить такой экипаж несложно. На самом деле трудностей более чем достаточно. К тому же экипаж выйдет чуть ли не на вес серебра. Уж больно много на него потребуется дорогого металла. Ну и плюс сама металлообработка: это не дерево, а значит, трудозатрат куда больше.

Иное дело, если значительно удешевить выплавку металла, над чем сейчас и работали отец и сын Карповы, да поставить изготовление карет и экипажей на поток. Вот тогда совсем другой коленкор, и можно будет подумать о подарках. Как это было с тем же огнестрельным и холодным оружием...

До Преображенского добрались довольно быстро. Относительно, конечно. Но все же заснеженная дорога хорошо наезжена, день хотя и морозный, но солнечный. А потому удавалось выдерживать весьма приличную скорость. Так что не прошло и получаса, как они уже въезжали на территорию полка.

Николая ожидали на месте не было. Хотя что тут странного. На его плечи сейчас свалилось такое количество дел и неразрешенных вопросов, что он буквально изнывает под этой ношей. Парень-то молодой, горячий. Но, надо отдать ему должное, ответственный. А потому старается не

оставить без внимания ни одной проблемы.

Правда, в той горячности и лихорадочности, с которой он хватается за все и сразу, заметно самое обычное юношеское нетерпение. Вот хочется ему отправиться в поход на Азов. Просто жуть как хочется. И ведь добьется своего, пусть его и не пускают туда под самыми благовидными предлогами.

Хм. Вообще-то вполне справедливыми. Нечего лезть в военный поход, коль скоро на тебе целое государство. Война, так или иначе, окончится. Государство же, за которое ты несешь ответ, останется. И коли поход окажется неудачным, царству нужна будет сильная рука, и пусть не такая уж мудрая, но голова.

– О-о, Иван! Добро пожаловать. Какими судьбами?

Карпов так и замер в дверях рабочего кабинете де Вержи, рассматривая его хозяина с нескрываемым недоумением. Нет, понятно, что у них наметились кое-какие дружеские отношения. Ну как дружеские – так, с натяжечкой. А потому такое откровенно радостное приветствие удивило.

– Здравия тебе, господин полковник.

– И ты будь здрав, сотенный. Проходи, присаживайся.

– С тобой все в порядке, господин де Вержи? – недоверчивым тоном поинтересовался Иван.

– Абсолютно.

– А с моей стороны не будет хамством полюбопытствовать, отчего у тебя такое великолепное настроение?

– Недоумеваешь, отчего я рад видеть именно тебя?

– Точно.

– Ну так ведь это ты меня надумил быть более активным с Ириной Васильевной.

– И?

– И это дало результат. Великая княгиня Хованская вовсе не прочь стать великой княгиней де Вержи.

– Вот даже как. Ну что же, тогда все понятно. Поздравляю.

– Я вижу, ты не удивлен?

– Нет, конечно. Что бы там ни говорили об Ирине Васильевне, женщина она честная. А потому, согласившись выйти замуж, даже не помыслит об измене. Иными словами, позавчера она дала мне полную и безоговорочную отставку, повелев позабыть о том, что нас связывало. Я прошу прощения, господин де Вержи, но вспоминаю я сейчас об этом в последний раз и только ради того, чтобы между нами не было никаких недоговоренностей. Я – ее прошлое. Ты – настоящее. И уж поверь, если вы дойдете до алтаря – то будущее до самой гробовой доски.

– Мог бы и не говорить об этом, мой юный друг. Потому что я прекрасно осознаю, на какой женщине собираюсь жениться. Правда, я вовсе не был готов к тому, что все произойдет так стремительно. Свадьба уже через месяц. Ирина настаивает на том, чтобы мы успели до Великого поста.

– А что именно тебя не устраивает, господин де Вержи? – искренне удивился Иван.

Ладно когда невеста тут же вздыхается в панике, потому как ей сколько времени ни дай, а все равно мало. Ведь так много нужно успеть! Одно только платье чего стоит! Но когда о поспешности заявляет мужчина...

– Ну как же? Я ведь не какой-то там сирота, – словно неразумному ребенку, начал объяснять француз. – У меня все еще живы родители. Есть брат, сестра, кузены, родной дядя. Им никак не поспеть на свадьбу из Франции.

– Это проблема. Но я бы на твоем месте не раздумывал ни минуты. Такая женщина того стоит. Заметь, я не говорю о ее положении, влиянии и состоянии.

– И я с тобой полностью согласен. Поэтому хотя и пребываю в легкой растерянности, уже действую.

– Уж не в Москву ли ты собрался, чтобы заказать себе свадебный наряд?

– Я даже не представлял, насколько решительной особой является Ирина Васильевна. Она уже обо всем позаботилась, и с меня еще вчера сняли первую мерку. Но ты прав, я собираюсь в Кремль. Только что получил весть о том, что прибыл польский посол, и в три часа пополудни состоится аудиенция с вручением верительных грамот.

– Ясно. Новый виток добрососедских отношений на фоне намечающегося похода.

– Напрасная ирония. Король Ян сделал жест доброй воли и не только провел свое расследование, но и принял во внимание сведения, предоставленные Разбойным приказом. Указом короля бывший посол де Бриен был обезглавлен в Варшаве.

Вот, значит, чем закончилась история тех, кто покушался на жизнь великой княгини. Итальянец Марио Рицо, убийца, дважды пытавшийся добраться до Ирины Васильевны, до казни так и не дожил. При пленении Иван его серьезно ранил. Несмотря на все старания Рудакова, раненого добил сырой каземат. Кстати, итальянца так и не пытали. Возможно, учтя пожелание Ирины, а может, причина была в охотном сотрудничестве

преступника с дознанием.

– И чем это грозит Русскому царству? – спросил Иван.

– Предполагаю, что уже очень скоро нас начнут склонять к вступлению в войну со Швецией. Пусть Польша сейчас и не воюет с Карлом Одиннадцатым, поляки и литовцы никак не могут смириться с потерей прибалтийских территорий.

– Ясно. Захотят решить свои проблемы на севере руками русского царя.

– Ты это не одобряешь?

Иван откровенно недоумевал по поводу того, что француз вел с ним подобные беседы. Но, как видно, де Вержи сделал правильные выводы относительно верности суждений Ивана, а также взял во внимание то простое обстоятельство, что этот парень слишком уж часто оказывался прав. Так что выслушать его мнение всяко-разно не будет лишним.

– Как человек служилый я выполню любой приказ. Но да, не одобряю. Для того чтобы вступить в войну со Швецией, нужно будет для начала прийти с войной как минимум в Новгород. А это русские земли. Причем дедушка и батюшка нашего царя положили немало сил, чтобы присоединить ту территорию миром. Начать их воевать – порушить труд десятков лет.

– Но ведь можно отправить и экспедиционный корпус, – возразил де Вержи. – В этом случае наши войска просто будут действовать с территории Великого княжества Литовского.

– И в чем тут интерес Русского царства? – вздернул брови Иван.

– Это политика. Подобный ход положительно скажется на международном престиже Русского царства и царя.

– Ну, может, ты и прав, господин полковник. Я в политике не силен. Да только не за что нам воевать на севере. И если тебе ближе интересы Руси, то ты это должен понимать как никто иной. Иное дело – укрепиться на юге. Встатьочно на побережье Русского моря. Бодаться с турками до тех пор, пока они не смирятся с тем, что Русское море более не их внутреннее и к нашим купцам стоит относиться с уважением.

– То есть ты предлагаешь завоевать Крым?

– По моему мнению, он нам не нужен. Если только татары сами захотят присоединиться к Русскому царству. А так... Захватить на Перекопе все три крепости, посадить там наши гарнизоны. Оседлать Кинбурн и Очаков, выставить укрепления на Сиваше, чтобы по зиме никто не перебрался через это гнилое море в набег. Взять Азов и Керчь, чтобы турки не закупорили Азовское море. Вот и все. А через пару-тройку лет Крым и

сам упадет в наши руки. Они же живут только за счет русских рабов. Не станет их, и в их дома придет нужда и голод.

– Это означает затяжную войну.

– С крымскими татарами и малыми ногаями вопрос решать надо. От этого убытки большие. Но и останавливаться на полпути тоже не дело. Азов без Керчи просто бесполезен. Туркам не нужны русские купцы, а потому они попросту запрут Азовское море. Я бы именно так и поступил. Очаков же уже наш, и отдавать его не резон. Но главное – эта война, в отличие от северной, может и сама по себе быть прибыльной.

– И каким образом? Крымские татары и ногаи не так чтобы богаты. Скорее даже бедны. На богатые трофеи рассчитывать не приходится.

– И это говорит мне человек, побывавший в Вест-Индии? – не без иронии произнес Иван. – У нас тут, конечно, нет Моргана, Ямайки, Тортуги и берегового братства, но зато есть донские и запорожские казаки. Мысль улавливаешь, господин де Вержи?

– То есть ты намекаешь на выдачу казакам капрских патентов?

– А почему бы и нет? К чему изобретать что-то новое, когда уже есть апробированная модель?

– Но у Русского царства нет флота. Нет моряков.

– У нас нет больших парусников. Но это ничего не значит, – возразил Карпов. – Раньше это казакам не мешало. Не помешает и сейчас. А главное, государю это не будет стоить ни копейки, а казне выйдет изрядный прибыток.

– Хм. Действительно, все просто и уже успешно работает за океаном, – вынужден был согласиться француз, но все же усомнился: – Только вот захотят ли казаки воевать на море?

– Не воевать, а ходить за добычей. Разница. Поверь, горячих голов найдется более чем достаточно.

– Я подумаю над твоими словами.

– И не забудь посоветоваться с Ириной Васильевной. Уверен, она оценит твой замысел. Да не смотри ты на меня так. Мне лавры ни к чему.

– То есть ты хочешь заручиться моей дружбой. И в свете этого меня одолевают сомнения, уж не знал ли ты о предстоящей отставке?.. – Француз многозначительно посмотрел на Ивана.

– У-у-у, как все запущено, – хмыкнул Иван. – Во-первых, я никогда не скрывал, что ищу с тобой дружбы. Во-вторых, впервые мы с тобой говорили два месяца назад. И тогда не было и намека на то, что она ко мне охладеет.

– Хм. В самом деле.

– Ага. Тот-то и оно.

– И все же, Иван, что ты думаешь относительно севера?

– Лично я не стал бы вмешиваться в эту склоку. Даже если бы шведы набросились на Новгород и Псков. Наоборот, постарался бы посильнее завязнуть в конфликте с турками. Это позволит не отправлять армию против шведов.

– А как же единоверцы, оказавшиеся под пятой захватчиков? Это озлит новгородцев и псковичей, и тогда опять все многолетние труды насмарку.

– Ты плохо знаешь русских, де Вержи. Они будут терпеть гнет захватчиков, стонать, кряхтеть и смотреть в сторону Москвы. Даже станут проклинать якобы бросившего их царя. Хотя и с Новгородом, и с Пskовом есть только мирный договор о признании их независимости, и никаких обязательств, кроме торговых. Но когда через пару лет местные вкусят все прелести шведского господства, Николай может смело вести армию на север как царь-освободитель. И армий у него будет две. Одна станет биться со шведами в открытом поле, другая гадить им где ни попадя.

– Думаешь?

– Ну да. Я так думаю. А как оно будет... Не мое это дело. Кстати, господин полковник, я давно хотел у тебя спросить. Мне тут стало известно, что во время похода меня с парнями выдвинули в боковое охранение по приказу помощника Голицына, де Аттала.

– Именно так.

– Но ты ведь присутствовал на совете. Как это вообще происходило?

– Ну, Голицын был против того, чтобы выставлять на передний край сотню великой княгини. По-моему, он до сих пор питает иллюзию, будто ему удастся добиться руки Ирины Васильевны.

– Хм. Ну, тут ничего удивительного. Пусть вы уже и озабочились свадебными нарядами, но объявлять о помолвке не спешите, – заметил Иван.

– Вот! – Де Вержи торжественно воздел палец. – Это еще одна причина, отчего мне необходимо непременно присутствовать на сегодняшней аудиенции. Николай хочет сделать объявление именно там.

– Ага. Понятно. Значит, Голицын был против, но мы все же оказались на переднем крае.

– Не понимаю, чем ты недоволен. Твоей сотне оказали честь, выдвинув на наиболее важный участок. И ты великолепно справился.

Угу. Честь. Как бы не так. Хотя-а... Может, Иван просто ищет черную кошку в темной комнате, тогда как ее там нет? Возможно. Он с этими иезуитами вообще скоро параноиком станет. Но с другой стороны...

– Так де Атталь настаивал на этом или просто внес предложение?

– Нет. Он именно что настоял, иначе это место заняла бы моя рота преображенцев. Но я оказался не столь убедительным, и, к моему разочарованию, Голицын поддался уговорам Жерома. Как видно, Василий Васильевич все же решил выделить роту Хованской.

Хм. Оно, конечно, возможно, и ерунда все это с клятыми иезуитами, но проверить все же не помешает. Если взять направление их мысли, то отчего не принять во внимание то, что они решили воздействовать на Хованскую через супруга, того же Голицына? Что ни говори, а боярин – известный западник. Как бы еще и тайным католиком не оказался. А что? С него станется.

Ведь использовали де Вержи в своих планах по влиянию на тогда еще цесаревича. Теперь-то он им неугоден, потому как активно перенимает все русское и прочно связал себя с Русским царством. Зато Голицын известен как ярый сторонник европейских взглядов. А кто сказал, что ночной кукушкой может быть только женщина? Если она по-настоящему полюбит супруга, то будет поддерживать его практически во всем.

При чем тут Иван? Да ни при чем, если только позабыть о том, что на тот момент сердечко княгини было занято молодым стрельцом. Вот и решили убрать его в ореоле героической славы.

Бред? Ну, может, и бред. Но надо бы иметь этого субчика, де Атталя, в виду. И на всякий пожарный держаться от него подальше. И не имеет значения, что теперь объектом внимания должен стать де Вержи. Иван вовсе не собирался сбрасывать со счетов гибель ректора Вильненского университета.

Кстати, надо бы сегодня посидеть с Гаврилой да как-нибудь невзначай выяснить, что там говорят по этому поводу. И коль скоро Ивана все же увязали с той смертью, то удара нужно ожидать непременно. Орден не простит ему гибели ректора. И плевать им на то, что тот сам покончил с собой.

– Господин полковник, я чего заехал-то, – словно спохватившись, а на деле желая отвлечь внимание от советника Голицына, вновь заговорил Иван. – Ребят своих забрать хочу. Чай, наукой-то успели поделиться, пора и честь знать.

– Жаль. Признаться, хорошие стрелки – для полка большое подспорье.

– Э-э нет, так не пойдет. Нужны хорошие стрелки – готовь сам. И винтовки закупай из полковой казны. А моих ребят возвращай.

– Ага. У тебя закажешь. Ведь скажешь, что не сможешь выполнить заказ.

– Сейчас нет. Хоть втрое большую цену предложи. Мы едва управляемся, чтобы поспеть с государевым заказом. Люди круглые сутки трудятся.

– Вот и я о том же. Забирай своих. И спасибо за услугу.

– Так не за что. Одно ведь дело делаем, – задорно подмигнул Иван.

Покинув полковника, задержался в Преображенском ровно настолько, чтобы повидаться с Егором. Передал, чтобы десяток возвращался в Измайлово, а потом на пару недель по домам, отдыхать от трудов праведных. Что ни говори, а им за прошедшее время досталось изрядно. Одно дело – ежедневные занятия и повторная отработка уже изученного. И совсем иное – когда приходится учить самому. Разница, йолки!

До Измайлова с денщиком добрались быстро, пусть особо и не погоняли. Лошадки и без того замориться не успели, а тут еще и передохнули. Если сравнить с теми переходами, что у них случались меньше недели назад, так и вовсе расстояние плевое.

– Господин сотенный, за время твоего отсутствия в сотне происшествий не случилось. Сотня занимается по распорядку. Десятник второго взвода Каплунов.

– Вольно, десятник.

Недолго думая Иван ввел у себя в сотне армейские порядки из своей прошлой жизни. А что, оно и привычно, и порядок. К чему отмахиваться от школы, которая доказала свою жизнестойкость, и хвататься за седину старинную.

– А теперь по полочкам, кто и где.

– Десяток Попова в Преображенском.

– Пометь у себя. Сегодня к обеду должны будут подтянуться. Да в столовую сообщи, чтобы парни без обеда не остались.

– Слушаюсь.

– Дальше давай.

– Второй взвод в наряде. Мой десяток на хозяйстве. Остальные в патруле, второй на тракте, третий по проселкам.

Было такое дело. Сотня не просто квартировала в Измайловском, а еще поддерживала порядок на участке проходящего неподалеку тракта и прилегающей территории.

– Третий взвод в увольнении до послезавтра.

Угу, на денек отпускать нет смысла. Тут до Москвы, почитай, десять верст будет, особо не набегаешься. Потому и отпускают минимум на двое суток. Чтобы и отдохнуть, и погостить в родительском доме. Ну и на гулянье душу отвести. Молодые же все.

– Первый занимается боевой подготовкой. Проводит полусотник Гуляев. Четвертый на медицинской подготовке. Проводит полусотник Кузнецов.

– Не понял. А где лекарь Рудаков? Это же его епархия.

– Его еще с ночи из Москвы вызвала великая княгиня. Там какая-то беда приключилась. Подробности мне неведомы.

– Ладно, десятник, иди, – невольно встревожившись, отпустил Иван дежурного по сотне.

Что такого могло случиться, чтобы Павла вот так, среди ночи, выдернула княгиня? Паника и эта женщина были совершенно несовместимы. И если уж она погоняет... Отчего-то сжалось сердце. Испугался? Признаться, есть такое. Мысль скользнула в сторону Софьи, уже отданной в дворянскую семью и проживавшей в подмосковном имении.

– Дозволь, господин сотенный? – заглянув в приоткрытую дверь, спросил дворовый княгини.

– Заходи, – тут же бросил Иван.

– Ирина Васильевна просила, чтобы ты немедля пришел к ней.

Мужичок еще не успел договорить, а Иван уже выметнулся из-за стола. Побоку все дела! Тревога на сердце стала настолько нестерпимой, что в груди поселился холодный комок, скачущий то к животу, то под горло. Вот так и не заметил, как добежал до усадьбы.

Плевать на все условности. Он буквально ввалился в гостиную, да его никто и не пытался остановить. Впрочем, он и сам замер как вкопанный, едва только увидел Ирину с полуторогодовалой дочкой на руках. Девочка сейчас вроде как спала. Но что это был за сон?

– Тихо, Ваня. Софьюшка просто спит, – передавая ребенка служанке, успокоила Хованская.

– Г-господи... – У Карпова едва не подогнулись ноги, а взгляд прямо-таки прикипел к дочери.

Именно поэтому он не сразу сообразил, что делает великая княгиня. Или, если быть более точным, то женщина и мать. А Ирина меж тем отвесила ему земной поклон.

– Спаси тя Христос, Ваня, за твердый и непокорный нрав, за то, что ты есть таков, каков есть, и не желаешь гнуться больше меры. И за Софью особо благодарствую.

– Н-не понял. И что это значит? – опешил Иван.

– Ночью сегодня весть принесли, что в усадьбе Репниных оспа. Я едва рассудка не лишилась. Тут же послала за Рудаковым. Вот он-то меня и

успокоил, мол, девочке ничего не угрожает, потому как она привитая.

— Кхм. Ты это... Ирина Васильевна, я просто... — не зная, что ответить, замялся Иван.

— Как узнал-то, что девочка у Репниных? — вздохнув, спросила Ирина.

— Случайно, — упрямо буркнул Иван. — Потом взял с собой Павла. Пока он прививку делал, поставил супругов под стволы и, пригрозив смертью, велел помалкивать.

— Насчет того, что случайно, врешь. Ну да пытать тебя не стану. Отдай девочку этому охламону, — велела она служанке, а потом обратилась к Ивану: — Гляди не разбуди. Да помни.

— Да помню, я. Помню. Я ей никто, и звать меня никак, — принимая дочь, ответил Иван. — Кстати, а тебе разве в Москву не надо?

— У де Вержи был? — с пониманием спросила она.

— Был.

— Ясно. Ничего страшного. Николай посольские грамоты и без меня примет. А о помолвке и после объявить можно, — глядя на парня внимательным взглядом, произнесла она, а потом не выдержала: — И что, вот ничуть сердечко не екает?

— Служить и голову при том сложить я готов. А вот оказаться меж жерновов ни за понюх табаку желания нет никакого, — отрываясь от созерцания личика спящей дочери, твердо ответил он.

— Я не о том спрашивала, — покачала головой Хованская.

— Ирина Васильевна, — со вздохом осуждающе проговорил он.

— Ладно, о том, — вдруг дрогнувшим голосом призналась женщина.

Втроем они пробыли до самого вечера. Иван наплевал на все планы. В конце концов, ничего такого, что нельзя отложить на завтра, не намечено. А вот дочку в руки взять доводится далеко не каждый день.

Павел с докладом появился, только когда уже стемнело. Дела у Репниных были плохи. Муж с женой, как и половина слуг, слегли с болезнью, и вполне могло статься, что им не выжить. Вообще известие о болячке дошло слишком поздно. Глава семейства, справедливо полагая, что девочке благодаря прививке ничего не грозит, решил лишний раз не тревожить княгиню. И только когда заболел сам, послал весть.

— А ведь мы предлагали и им привиться, — вздохнул Иван.

— Это был их выбор, — пожал плечами Павел.

— Ты сможешь их поднять?

— Ну что ты от меня хочешь, Ваня? Я ведь тебе говорил, что не знаю, как лечить оспу. Нужны средства, лаборатория, изыскания. Я, конечно, сделаю все возможное, но... Словом, вилами по воде писано.

– Понятно.

Иван взглянул на стоящие у стены часы. Нет, не новинка брата и Рябова. А самые обычные, с одной часовой стрелкой. Итак, примерно половина седьмого. Впринципе время детское, он вполне еще может поспеть навестить постоянный двор да поговорить с Гаврилой.

– Ирина Васильевна, а не выпишешь ли мне на сегодня пропуск через заставы? – попросил Карпов.

– В Москву решил прокатиться? – поинтересовалась Ирина.

– Есть еще дела. Думал, засветло управлюсь, да вот не вышло.

– Выписывать-то на одного?

– На двоих. Денщик со мной будет.

– Денщик, – искоса бросив на него взгляд, уточнила она.

– Ну не самому же управляться с лошадьми. Так-то я, чай, еще не забыл, где в стенах прорехи.

Это да, сапоги дорогу помнят. Но тащиться в подпитии до дома не было никакого желания. Как не хочется и самому заниматься лошадкой. Расслабился, йолки.

Впрочем, едва только въехали в Земляной город, как денщика все же пришлось отправить домой. Пока тот седлал лошадей в расположении сотни, Ивана нашел осатаневший от службы Фрол. Старый казак тут же подхватился, едва узнав о том, что Иван собрался в трактир.

Правда, Гаврила в его планы ну никак не входил. Подумаешь, посидели как-то, пображничали. Так и что с того? Но вот Карпову этот паренек понадобился. С одной стороны, он хочет вызнать все о Вильно. С другой – ему, вишь ли, нужно обрасти связями среди купцов, и лучше бы сближаться с молодыми да ранними, а не с матерыми и закостенелыми.

Заставы миновали без проблем. Стоило предъявить бумагу с восковой печатью, как и ворота отворились, и рогатки разнеслись в стороны. Но беда пришла оттуда, откуда не ждали. Они уже спешились возле постоянного двора, когда перед ними будто из-под земли вырос Кузьма.

– Иван Архипович, дело есть, – покосившись на нахмутившегося Фрола, сказал бывший нищий.

– И что, вот так невтерпеж? – переглянувшись с казаком, спросил Иван.

Вообще-то он, на секундочку, уже настроился на добрую попойку. К тому же еще стресс от волнения за дочь наслоился сверху. Ну и намерзлись в дороге. С темнотой морозец крепко придавил, будь борода – так вся сосульками покрылась бы.

– Знаешь, Иван Архипович, я уж начал привыкать к сытой жизни

подле тебя. А потому мне желательно поберечь твою шкуру.

– Эвон как. А поподробнее? – насторожился Иван.

– Можно. Но не здесь же, – недоверчиво огляделся вокруг, произнес Кузьма.

Его смущало именно место, а не Фрол, всем своим видом выражавший недовольство. В конце концов, Карпов ему полностью доверяет. Ведь Копытов был в тот день, когда они прихватили Овечкина.

– Ты не перегибай, Кузьма, – покачав головой, возразил Иван, но потом все же пошел на попятную. – Ладно, давай отойдем вон туда, – наконец указал он в сторону совершенно глухой стены шагах в двадцати от входа на постоянный двор.

– Я насчет того ухаря германского обсказать хотел, – когда они отошли, начал пояснять Кузьма. – Передал я ему все слово в слово, как ты сказал. И про книгу мудреную, и про то, что бережешь ты ее пуще глаза.

– Но тебе что-то не понравилось. Так?

– Не понравилось, – подтвердил Кузьма. – Перво-наперво он не сам по себе. Встречался с одним господином, французом, что раньше при Голицыне пробавлялся. Атталь, этот.

– Уверен?

– Ты своих стрельцов учи из пищали палить, а я свое дело знаю тugo, – даже обиделся Кузьма, но продолжил: – Говорили они долго, и по всему видать – добрые знакомцы.

Вот, значит, как. Де Атталь отправляет сотню Ивана на опасное направление, что едва не стоило ему головы. Потом появляется некий немец, в смысле германец, который интересуется Карповым-младшим. А на поверку они оказываются чуть ли не приятелями. Совпадение? Да к ляду такие совпадения!

Нет, конечно, очень может быть, что это и не орден вовсе. Ну мало ли. Что ни говори, а Иван за последние три года прямо-таки фонтанирует идеями. Вроде не планировал выделяться и высвечиваться, да оно само как-то получилось. Вот и приметил кто-то. Тот же новгородский купец сразу ведьглядел и хотел умыкнуть батю. А как разъяснили ему, что от таких замашек беда может приключиться, тут же изменил тактику. Решил просто секрет выкрасть.

Вот и здесь та же песня. Разве что умыкнуть решили не отца, а сына. Потому как задались справедливым вопросом, какого ляда взрослый мужик разродился идеями под старость лет. Может быть такое? Да легко. Вот только верилось слабо. Вообще не верилось, если честно.

– Так вот, встречались они вчера вечером. Ну что ты так на меня

смотришь, Иван Архипович? Мне что, после каждого его чиха бегать к тебе с докладами?

– Извини. Продолжай.

– А поспешил я оттого, что этот германец сегодня мне отдал двадцать рублей. Теперь, выходит, он мне уплатил уже половину оговоренной суммы. Сказал, что вторую половину получу, как только сообщу ему, где и когда тебя можно будет подкараулить одного. А еще у него на квартире появились два бирюка. Слово через губу не выплюнут, но по всему видно, что калачи терты. Я эту породу знаю. Таким палец в рот не клади.

– А вот это уже интересно. То есть не просил тебя подобрать каких ухарей, а призывал своих бойцов. Ох, как мне это нравится. Кузьма, ты парней-то уже прибрал к рукам?

– Ты про тех двух быков стоялых?

– Про них. Они как, быки быками иль в драке чего стоят?

– Стоят, не сомневайся. Доведется – и против клинка с голыми руками выйдут, и медведя заломают.

– Экий у нас лихой народец.

– Говорил же, в лихих они по случаю. А раньше княжими боевыми холопами были.

– Ладно, раз так. Я что думаю-то. Негоже заставлять этих красавчиков ждать. Вот сегодня и подставишь нас. Только скажешь, что я не один, а вдвоем со своим сослуживцем. Мол, бражничаем здесь, на постоялом дворе. Захотят – проверят. А домой пойдем известной тебе дорогой, потому как я всегда из Москвы ею возвращаюсь.

– Кхм.

– Чего?

– Ты это, Иван Архипович, и впрямь ведь всегда по одной тропинке хаживаешь. Не дело, – теребя свою бороденку, выдал Кузьма.

– А ты откуда... Ладно, поправлю. Итак, самое удобное место, чтобы меня прихватить, – это во рву. Вот там пускай нас и караулят. Как нам главного отличить?

– Те двое – здоровые бугаи, этот вроде как тщедушен. Только, скажу я тебе, пусть он и рядится под эдакую немочь телячью, и силы в нем достанет, и ловок, шельма, и рука тверда.

– Учтем. Обломы твои пускай где-нибудь с противоположного краю хоронятся и, как только завертится, сразу вступают в дело.

– Иван, – подал голос Фрол.

– Да.

– Ты тех обломов знаешь?

– Кузьма...

– Кузьма Кузьмой, – покачал головой казак, глядя на бывшего нищего, – но я так разумею, что без душегубства тут не обойдется. Да еще ты поспрошать их главного захочешь. Я бы и Кузьму в сторону. Но без него тут уже никак. А вот этих двоих – не надо. Как оно дальше у вас сложится, бог весть, но пока пусть впотьмах побудут. Ты им сказывал, на кого работать будут? – это уже к Овечкину.

– Нет пока, – ответил тот.

– Вот и не говори. Всему свое время, – подытожил Фрол. Потом взглянул на Ивана и осуждающе сказал: – Я ить хотел пображничать, а не изображать из себя пьяного.

– Ну извини.

– Да ладно. Чего уж теперь-то, – безнадежно махнул рукой казак.

– Кузьма, а ты все же прихвати с собой твоих обломов, когда с вестью к немцу пойдешь, – задумчиво посоветовал Иван.

– Думаешь, порешат меня?

– Это дешевле, чем платить. А увидят мужичков, побоятся раньше времени шум поднимать.

Гаврила нашелся без труда. Стоило только спросить о купце хозяина, как тот сразу же offered посильную помощь и в трактире при постоялом дворе организовал стол. Посидели. Правда, Иван с Фролом все больше отлынивали. Ну и Гаврила не больно-то налегал на вино. Повзрослел парень, что тут скажешь. Чувствует ответственность. Это не бесшабашное время в коллегиуме, где отвечать приходится только иссеченной розгами спиной.

Говорили в основном о делах и о планах на будущее. У Ивана их было целое громадье. Пока речь шла только о карбиде, железе и стали. Но ведь не вечно же мастерские будут выполнять казенный заказ. И когда они с ним покончат, нужно будет думать о чем-то дальнее.

Иван, конечно, пообещал Ирине отгружать продукцию казне по заниженным ценам, не без того. Но он вовсе не собирался выдавать продукцию в долг. У казенной же кормушки народу хватало, так что наверняка наметятся дыры в финансах. Вон даже за сегодняшний заказ платят с задержкой. Поэтому никто его не попрекнет за то, что он продает железо на сторону. Ну не может же он работать себе в убыток.

Пока вели беседу, Иван приметил, как в трактире наведался эдакий детина, косая сажень в плечах, одетый в немецкое платье. Причем ни на камзоле, ни на плаще ни одного светлого галуна, только черные или темно-серые. В ожидании кружки вина неизвестный осмотрел присутствующих,

слегка задержав взгляд на столике, за которым расположились стрельцы и купец. Точно по их душу. Кузьма наверняка указал на то, что они в форме. В лицо этот ухорез знать Ивана никак не мог.

Неизвестный неторопливо пил подогретое вино, искоса поглядывая на их компанию. Иван с Фролом, поддерживая легенду, опрокинули по паре кружек вина. Правда, наливали не больше трети, но откуда тому разобрать в полутемном помещении. Наконец расправившись со своей порцией, тот ушел восвояси.

– Ну что, Фрол, нас срисовали, – наклонившись к товарищу, сообщил Иван.

– К гадалке не ходи. Будем заканчивать?

– Торопишься?

– Ну, во-первых, руки уже зудят спасу нет. Во-вторых, сил нет глядеть на это застолье, зная, что пить нельзя.

– Согласен. Гаврила, ну что, будем прощаться. Для начала мы с тобой все обговорили. Как оно сложится дальше, покажет время, – закругляя беседу, обратился к парню Карпов.

– Ты, Иван Архипович, не сомневайся. Род Ерохиных в прохиндеях никогда не был. Слово наше – что булат каленый, – совершенно трезво и твердо заверил молодой купец.

Хм. Вообще-то пока только приказчик при отцовском деле. У правильных купцов сыновья всегда снизу начинают. Но взгляды и суждения верные. Так что если на ком и закончится этот купеческий род, то точно не на нем.

О лошадях с хозяином постоянного двора договорились заранее, и тот отнесся с полным пониманием. Ну куда на лошадях через рогатки и заставы. Лошадок уж обиходили, а поутру подойдут и заберут. Поэтому они сразу же направились на выход.

Правда, выходить на улицу не спешили. Для начала задержались во дворе. Иван быстренько извлек новый револьвер и насадил на ствол глушитель. Он еще не сошел с ума, чтобы состязаться с местными ветеранами в умении владеть холодным оружием, и предпочитал иметь в своем распоряжении более весомый аргумент.

Ему все же удалось создать вполне удобоваримый револьвер с курком двойного действия. Конечно, в угоду компактности пришлось пожертвовать емкостью барабана, ограничив его пятью каморами, и отказаться от развитой спицы на курке, скруглив ее и оснастив рифлением. Но тем не менее Иван заполучил возможность скрыто носить пару револьверов и сделать десяток быстрых выстрелов.

Кроме того, памятуя о своем желании иметь действенное, но компактное бесшумное оружие, он пошел несколько дальше. В том смысле, что изготовил патрон, конструктивно схожий с нагановским. Коническая оконечность гильзы частично входила в казенник ствола при подаче барабана вперед. Раздаваясь под действием пули, гильза обеспечивала полную обтюрацию, и как следствие выстрел превращался в тихий хлопок.

Жаль только, глушитель успел изготовить лишь один. У его револьвера имелся тот же недостаток, что и у нагана. А именно долгая перезарядка, подчас сопряженная с выколачиванием каждой гильзы. Ничего не поделаешь, это плата за бесшумность. Зато бездымный порох, калибр девять миллиметров и мягкая пуля способны остановить любого противника. Даже защищенного кирасой. До реальных бронежилетов местным еще очень и очень далеко.

— Интересный пистоль, — обратив внимание на новинку, заметил Фрол.

Он уже привык относиться к своему товарищу со всей серьезностью. Карабины и боевые револьверы они предпочли оставить на хранение у трактирщика. До утра всяко-разно не пропадут. А вот расхаживать вооруженными до зубов — возбуждать лишнее любопытство патрулей. Ну не бегать же от них, в самом-то деле. Однако кроме тех револьверов имел Фрол и парочку «карповок».

— Еще бы. Под одеждой не видно, пять выстрелов. А с этой дурой, — Иван похлопал по трубе глушителя, — считай, и не слышно ничего.

— А отчего не шесть, как на боевых револьверах?

— Так для скрытного же ношения. Тут и калибр поменьше, и вишь, барабан не такой здоровый.

— Один?

— Пара. Второй под одеждой. Их даже взводить не надо. Знай себе дави на крючок, курок сам взведется, как и провернется барабан.

— Эка! И откуда ты только все это знаешь?

— Достанет того, что знаю.

— Согласен. Мне такие сделаешь?

— Сделаю. Только учти, один пистоль и полсотни патронов еще поднесу, а далее покупать будешь.

— Дорогие?

— Да уж не дешевые. Один порох чего стоит, а там еще и гремучая ртуть. Разориться можно.

— Ясно. Хм. Но с другой стороны, патроны-то эти не портятся, а пистоль только на самый крайний случай.

— Договорились. Но сейчас обходись клинком и руками. Шуметь нам

никак нельзя. Больно стрельцы в Москве шустрые. Чуть шумнул, так сразу же набегают, как кабаны на случку.

– Ну так с них три шкуры дерут, вот и бегают. Пошли, что ли?

– Пошли.

Если во дворе было просто морозно и лишь леноночко мело, то за воротами уже вовсю куражилась метель. Вот ведь! Всего-то пару часов назад было вполне терпимо, а теперь впору пожалеть, что на тебе кафтан стрелецкий, пусть и подбитый мехом, а не глухой тулуп с высоким воротником. Впрочем, по сегодняшним делам лучше уж померзнуть, чем быть в тепле и неповоротливым, как черепаха.

Хотя у стен домов ветер былтише, шли, придерживаясь середины улицы. Так оно куда сподручнее. Не то решат субчики приголубить клиентов, не дожидаясь, пока те доберутся до рва. Мало ли. Вокруг-то все белым-бело, но темных мест в подворотнях хватает. Да и на улицах в такую погоду ни души. Бrr! И неудивительно. Холод собачий.

Немцы обнаружились именно там, где им и следовало быть. Во рву. Вот только напасть на стрельцов они были не в состоянии. Двое здоровяков – по причине безвременной кончины ввиду образовавшихся у них на теле пары-тройки лишних дырок. Рядом с третьим, связанным по рукам и ногам, притоптывал замерший Кузьма.

– Ну слава тебе господи! – едва стрельцы спустились со стены, обрадовался мужичок. – Совесть-то поимел бы, Иван Архипович. Я ить, чай, не в полушибке, а в кафтане латаном.

– Чего жалишься? Захотел бы, так давно уж обрядился бы в пристойное.

– Пристойное мне для работы помеха, – вразрез логике возразил Овечкин.

– Кузьма, ты зубы-то не заговаривай, – осматривая побитых и пленного, возмущенно произнес Фрол. – Это что ты тут такое учудил?

– Так то Бориска и Емеля, – пожав плечами, начал отнекиваться бывший нищий. – Проводили меня чин чином, помелькали, значит, чтобы немчура их приметила и меня живота не лишила. Опосля мы втроем и ушли. Да только парни репы свои почесали и решили, значит, пользу свою тебе, Иван Архипович, выказать. Взяли меня в оборот и уволокли прямиком сюда. Тех двоих порешили, этого повязали, а меня поставили его стеречь да тебя дожидаться.

– А сами?

– Сами с глаз долой подались. Раз уж их в дело брать не хотели. Мол, нужны будут, нору их я знаю.

– Интересные ребятки эти твои обломы, – надвинув шапку на глаза и почесав затылке, выдал Фрол.

Впрочем, практически сразу же вернул головной убор на место. Холодно же, йолки!

– Я гляжу, они трофеи с них не взяли? – это Иван опять к Кузьме, обратив внимание на собранное в кучку имущество немцев.

– Сказали, что теперь они на службе, и ты сам определишь, что им положено, а что нет, – пояснил Овечкин.

– Ясно. Тогда так. Деньги при них были?

– Всего десять рублей, – кивнул Кузьма.

– Передашь Борису и Емеле. Все остальное… Ну, не знаю, утопи, что ли. Чтобы за ограбление приняли.

– Да чего мудрить-то, Иван Архипович. Оставить их как есть, к утру они тут уже нагишом валяться будут. А то еще и бродячие псы покуряжатся.

– Хм. И то правда. Ладно. Тогда свободен. Фрол, берем этого и потащили. Нам бы с ним поговорить по душам.

– Догадался уж, – взваливая связанного себе на плечо, ответил казак. – Устану, подменишь. Куда пойдем-то?

– Давай окраиной, за окопицу и в лес. Чувствую, тихо не получится.

– Это точно. Нутром чую, тот еще упрямец. Ну да и не таким языки развязывали.

Глава 8

Падение башен-близнецов

Ну наконец-то! Иван легко соскочил на берег Дона, сделал несколько приседаний и с наслаждением потянулся. Долгий переход остался позади, что не могло не радовать. И что с того, что они весь путь от самого Воронежа проделали по Дону? Легко все одно не было. Пусть по реке и получилось куда как споро.

Впрочем, река – это вовсе не панацея. Оно, конечно, проще и быстрее, но основные части еще долго будут топтать дорогу сапогами да копытами, неизменно взбивая пыль. Несмотря на скорый марш, армия сейчас едва преодолела половину пути. Тогда как измайловцы уже прибыли на место.

Николай не стал горячиться и ломать все под себя, отринув детские бредни, сквозившие в его голове. Тому в немалой степени способствовали первый русский граф и великая княгиня де Вержи. Вот так. Вроде и супруги, а титулы у них разные. Правда, дети Ирины, случись у них общее потомство, пойдут уже по графской линии.

В Воронеже с особым тщанием из доброго и сухого леса был построен только один корабль – с гордым именем «Орел». Двадцатипушечный красавец конструкции молодого корабельного мастера Афанасия Дробота. По своим размерениям и задачам он являлся галеоном, эдаким гибридом военного и грузового судов. Вот только по обводам и оснастке его можно легко узнать как русский. Он серьезно отличался от испанской, английской, французской или голландской постройки.

Это был пока единственный настоящий корабль. Остальные суда представляли собой многочисленные дощаники^[5], речные и морские струги. Их в большом количестве строили в Воронеже. С весьма прозаичной целью – доставить припасы и войска к Азову. Дощаники и вовсе являлись еще материалом для осадных работ, потому как по прибытии на место их должны были банально разобрать.

Что же до морской блокады Азова, то тут Николай решил использовать опыт казаков, полностью предоставив им свободу действий. Был бы результат. Не сказать, что он проникся уважением к невзрачным суденышкам. Они не шли ни в какое сравнение с настоящими кораблями. Но при взятии морской крепости без судов не обойтись. Опять же, это не должно стоить казне ни копейки, ну разве только боевой припас.

Конечно, молодой царь горячился и хотел непременно да в самое скорое время бегом, вперед, скачками. Вот тут-то его пыл и поумерили супруги де Вержи. Было решено, что коль скоро надумали строить флот, то делать это нужно обстоятельно, из сухого строевого леса, так, чтобы не платить дважды. А пока суд да дело, первый русский галеон походит по морю да пройдет всесторонние испытания...

Измайловской сотне полагалось мести пыль вместе со всеми. Но Иван решил иначе. В конце концов, в одном Лизавета была точно права: война – это хороший шанс, чтобы выдвинуться и упрочить свои позиции. Именно свои, а не даруемые сомнительным положением любовника великой княгини. Вот и решил Карпов начать действовать.

Убедить де Вержи в том, что неплохо бы Измайловскую сотню отправить к месту по способности, не составило труда. Гастон вообще теперь к Ивану со всем уважением. На шею, конечно, не взгромоздит, ну да тот туда и не лезет. Ничего особенного в его просьбе не было.

Если уж француз взял на себя труд поспособствовать с переводом сотни из одной армии в другую, то эта просьба ему вообще ничего не стоила. Как, впрочем, и сам перевод. Гастону достаточно было лишь намекнуть Николаю, что измайловцы не просто стрельцы, а особая сотня, вполне сопоставимая с преображенцами. Хотя бы потому, что ничего подобного ранее ни на Руси, ни в Европе не было. Ну и под чьим началом они должны отправляться в поход? Выбор был очевиден.

А все оттого, что Ивану совсем не понравилось то, что им с Фролом удалось вытянуть из того их пленника. На этот раз его опасения относительно иезуитов подтвердились. Но до чего же прозорливые эти змеи! Хм. Вообще-то считается, что змею отличает мудрость. Вот и эти оказались не дураками.

Во-первых, и де Атталь, и личный лекарь Голицына оказались иезуитами. Оставаться после этого под его командованием? Ага! Как бы не так! Вот и поспешил Иван с переводом. Правда, это была всего лишь полумера. Потому что последовало еще и «во-вторых».

Ни в какую книгу, полную загадочных знаний, иезуиты не поверили. Зато уверились в том, что все удивительное, происходящее вокруг мастерской Карповых, – заслуга Ивана. Не от мира сего паренек. Поэтому де Атталь приказал прибывшим в Москву головорезам упаковать стрелецкого сотенного со всей возможной аккуратностью и вывезти на территорию Польши, чтобы явить его взору провинциала.

Оно, конечно, нет человека – нет проблем. Да только не в этом случае. Информация уже давно ушла наверх, и устранение низового звена ничего

не решало. Ну разве что можно было доподлинно выяснить, что именно стало известно иезуитам. Как оказалось, при наличии времени Фрол умел качественно развязывать языки даже закоренелым упрямцам.

Но, опять же, смысла в этом чуть, а вот неприятностей огrestи можно в избытке. Не простые наемники, чай, с положением особы. И наконец, убери этих – появятся другие. Только об этих он уже знает и может хоть как-то за ними присматривать. А появится кто другой, так поди еще его вычисли.

Эти же двое под наблюдением у Кузьмы. Точнее, один. Де Атталь отправился в поход. Доктор же остался при Голицыне. Еще и этот ярый западник. Сейчас в Москве за голову. Номинальную такую. Не мог Николай вместо себя поставить тетку. Не пристало женщинам официально занимать такое положение. Ну да боярину строго-настрого наказано, с кем советоваться. Правда, от этого он вовсе не становится фигурой, лишенной всяческого веса...

Закончив потягиваться, Иван посмотрел, как обстоят дела у сотни. Все нормально. Уж за три-то недели в пути успели поднатореть. Пара серьезных плотов с обозными повозками и лошадьми уже причаливала к покатому берегу. Чему усиленно помогали стрельцы на больших каноэ.

Ну вот нравилось Ивану это легкое и маневренное суденышко, обшитое берестой. Одно только непонятно. Отчего русские, столь любящие это дерево и ассоциирующие его с родиной, до такого так и не додумались? Подумать только, лодка, которую с легкостью переносят четверо мужчин, способна выдержать два десятка стрельцов со всей воинской правой и запасом продовольствия.

Оно, конечно, можно было заказать и обычные струги, но Иван прекрасно знал, что устье Дона изобилует различным протоками. Мало ли как все обернется. А так у них под рукой всегда найдется водный транспорт, который можно без труда передислоцировать по суще хоть за несколько километров. Кстати, ничто не мешает использовать их в тихую погоду и на море. Как вариант.

Ну и наконец, эти каноэ не стоили Ивану ни копейки. Все силами стрельцов. Лодки же пришлось бы оплачивать из своего кармана. Не сказать, что он прижимист или не готов вкладываться для получения результата. Совсем даже наоборот, он-то как раз вложился. А у них еще и Карповка с ее рудником и заводами. Словом, в настоящий момент денег у семьи практически не оставалось.

– Ты только глянь, Захар, какие молодцы. А лодочки-то у них какие забавные. Вот так опрокинутся – и искупаются в водице.

Обернувшись на голос, Иван заметил двух верховых казаков. Одному, тому самому, что заговорил, было лет шестьдесят, но крепок, что твой дуб. А еще, пожалуй, гибок, словно ива. Из-под лиxo заломленной шапки выбивается черный чуб, на лице черная же окладистая борода с проседью. Одет богато. Даже где-то вычурно.

— Ну, то ничего страшного, Фрол Минаевич. Нынче потеплело рано. Май на дворе. Глядишь, не поморозят себе хозяйство-то, — с хохотком ответил ему второй.

Этому лет под сорок. Но в остальном сильно походит на своего старшего товарища. Разве что еще в левом ухе серьга с блестящим на солнце самоцветом. И у обоих рожи ну чисто бандитские.

— Ты за наше хозяйство не переживай, казак, — покончив с осмотром, спокойно ответил Иван.

— О! Ты глянь, а этот молодой не тушуется, — заелозив в седле, азартно произнес Захар.

— Так ить, видать, папка сотником его сделал, он и думает, что враз великим воином стал, — с явной издевкой отозвался Фрол Минаевич.

— Сотенный, — с ухмылкой поправил Карпов.

— Ась? — притворяясь глухим и прикладывая открытую ладонь к уху, переспросил Фрол Минаевич.

— Я говорю, не сотник я, а сотенный. Разница-то тебе ведома, папаша?

— Ты за словесами-то следи, — нахмурился казак.

— Так и ты приглядывай, — раздался недовольный голос подходящего к ним Фрола.

Ага. Казак казака видит издалека. Пусть Копытов и обряжен в стрелецкий каftан, но породу заметно сразу. Какую породу? Да разбойничью. Она во всем сквозит, и во взгляде, и в походке, и в осанке, и в манере говорить.

— Ты что это в чужое платье обрядился? — тут же спросил Фрол Минаевич.

— А мне с тем сотенным, коего ты за мальца почитаешь, сподручно в рубку идти.

— Знатный рубака?

— Хреновый, — тут же был вынужден признать казак. — Но котелок у него варит, и стрельцов выучил так, что сотня против тысячи стоит не шелохнется.

— О как. Уж не измайловцы ли, часом? — искренне удивился Фрол Минаевич.

— Они самые и есть, — подтвердил Копытов.

Ну да, все так. Поди разбери, кто они, коли обряжены не в парадные кафтаны, а в обычные серые, что для похода куда удобнее. Нет, дело не в маскировке. Тут до этого не додумались. Наоборот, стараются выделиться. Просто серый – он не такой маркий, вот и все.

– Ну-у, Захар, грош нам цена, коль скоро не смекнули, что за чудобогатырьей к нам прибило, – продолжал потешаться Фрол Минаевич.

– Злой ты человек, атаман, – вздохнул Карпов. – Иль на Дону уж не русские проживают и гостеприимство тут неведомо?

– Ишь каков. Откуда узнал, что я атаман?

– Так ведь ехать в гости и не знать хозяина – это ж кем надо быть-то?

– А я тебя в гости не звал.

– Так и турок нас не звал, а мы вот они.

– Поди, еще и про турок все знаешь?

– Ну, всего я и про тебя не вedaю. А вот о турках, надеюсь, ты мне расскажешь. Потому как у меня до них дельце есть.

– А не секрет, какое?

– Не. Не секрет. Хочу сотником прозвываться.

– А сотенный, стало быть, тебе не по нутру? В дворяне хочется?

– Ну так ить всегда хочется большего, чем есть.

– И к тому готов шагать по стрелецким косточкам.

– Стрельцы меня не любят. То так. Дай волю, так, может, еще и прибили бы. Да только там, где заботливый отец-командир половину своих людей в землю спровадил, я, аспид несусветный, потерял только четверых.

– Не закипай, как котел, сотенный, – примирительно произнес атаман. – Был я в походе с Голицыным, сам все видел со стороны. А вот познакомиться не довелось. Н-да. Вот оно как выходит. Так ты что же, вот так сразу к турку пойдешь? Даже кваску не попьешь? – перевел он разговор в другое русло.

– Отчего не попить, коли предложишь.

– Хм. Предложу, чего не предложить-то. Экие у вас лодочки интересные, – наблюдая за тем, с какой легкостью стрельцы вытаскивают каноэ на берег, удивился казак. Огладил бороду, как видно, что-то прикинул. Крякнул своим мыслям. И вновь заговорил: – А по морю, скажем, они как?

– По реке не угнаться. По морю же я на них не хаживал бы. Береста да жердины. Не выстоять им против морской волны.

– Зато на реке очень даже сподручно. Ну да поглядим, подумаем, глядишь, и попросим научить их ладить. Ну что, служилые, милости просим до Черкасска. Будьте, что говорится, как дома, да не забывайте, что

в гостях. Звать-то тебя как, сотенный?

– Иван.

– А по батюшке?

– Архипов сын. Но ты меня можешь Иваном кликать.

– Невместно, Иван Архипович, лицо начальственное так-то запросто поминать. А уж как в дворяне выбьешься, так и вовсе не приведи господь забыться, – шутливо закончил Минаев.

В Черкасск сотня перебираться не стала. Незачем. Оно ведь и имущество придется выгружать да переносить. Иван же и впрямь не планировал надолго задерживаться в столицы донцов. Поэтому устроили лагерь прямо на берегу реки. Ну разве только сам он с офицерами направился в гости к атаману.

Кстати, еще в своем мире Иван читал об Азовском сидении. Когда турки несколько месяцев осаждали город, занятый казаками, и ушли ни с чем, понеся серьезные потери. Несмотря на отличия в исторических событиях, этот факт имел место и здесь. Правда, Карпов не понимал, отчего русский царь не воспользовался этим обстоятельством.

Как оказалось, ларчик просто открывался. Донцы, так же как и Гетманщина, не входили в состав Русского царства, являясь его вассалами. Рюриковичи снабжали их хлебным и военным припасом, донцы же выступали эдаким буфером и сдерживающим фактором для татар. Не будь здесь казаков, и горя в русских землях было бы куда как больше.

Именно их независимостью и объяснялось то обстоятельство, что, находясь в гостях, Иван столкнулся с недоброжелательностью казаков. Да что там, едва ли не враждебностью. Не нравилось им, что государь русский решил воевать Азов и укрепиться на землях, кои донцы почитали своими.

Нет, они могли бы отнестись и куда более лояльно, посоветуйся Николай с ними. Но царя мнение казацкой старшины не интересовало. Он поступал так, как считал нужным для царства. Остальным предстояло либо смириться с его решением, либо... Лучше бы все же смириться. Только тридцать лет минуло после восстания Степана Разина, подавленного со всей жестокостью.

Угу. И тут имелся такой Стенька. Кстати, как оказалось, Минаев был его ближайшим сподвижником. Да только вовремя рассмотрел, что тот зарвался и вздумал ощипать, как курицу, двуглавого орла. Глупое решение. И весьма самонадеянное. Поэтому прозорливый Фрол Минаевич откололся от атамана.

Вот и сейчас он один из немногих, кто настроен на сближение с Русским царством. Ну не тягаться донцам с царем. Рано или поздно их

вольнице все одно придет конец. Но упрямые головы, умеющие сражаться как никто другой, не хотели взять этого в толк. Пусть и понимали, что в одиночку не выстоять. Потому и ожидали русское войско без особого желания, но как неизбежность.

– Фрол Минаевич, я поговорить с тобой хотел.

Они как раз вышли за рогатки Черкасска, когда Иван наконец обратился к атаману. Офицеры в сопровождении пары приближенных к атаману казаков подались вперед, начальство же поотстало.

– Говори, коли хотел.

– Не след мне тут поджидать царя с войском. Хочу наперед ударить по турку.

– Это как? Азов одной сотней взять? Э-э, брат Иван Архипович, на что казаки баxвалы, но и они до такого не додумаются.

– Нет. Азов – это будет слишком. А вот каланчи я вполне мог бы прибрать к рукам.

– Попробовать-то можешь. Но вот насчет прибрать... Х-хе. Это ты, брат, шалишь. Там сейчас не полные гарнизоны, конечно, но по полторы сотни человек в каждой каланче наберется. Да пушек общим числом более трех десятков.

– Сейчас-то Николай с армией далеко, а потому турки не стерегутся. Как раз можно и ударить.

– Вот чудак-человек. Да чтобы те каланчи взять, полный полк нужен.

– Ничего. Я и со своей сотней управлюсь, – покачав головой, возразил Иван. – Только пока я на тех каланчах не закреплюсь, знать о том никому не след.

– Ты это на что намек делаешь? – насупился атаман.

– То, что государь собрался воевать Азов, многим казачкам не по нутру. А оттого как бы глупость какую не решили учудить. Ты ведь уже не первый год к дружбе и соседству с Москвой склоняешь. А потому и доверия у меня к тебе побольше будет.

– Не дело ты, парень, удумал. Пришел в чужой дом и клеймишь хозяев.

– Не клеймлю я никого. Просто хочу поостеречься. Потому как в семье не без урода. Слышал о том? А о казачках, что под турка ушли, осели на татарских землях да тиранят землю русскую, доводилось слышать?

– Ладно. Понял я тебя, – отмахнулся атаман. – Что от меня-то хочешь?

– Облизать все вокруг. Поглядеть на месте, как оно там.

– То доброе, – огладив бороду, согласился атаман. – Сегодня уже не пойдем. Оно и время упустили, и после вина на такое дело идти негоже. А

вот завтра, на закате, можно будет и выдвигаться. Тут по Дону чуть больше полусотни верст. Коли не приврал, на твоих лодочках до рассвета дойдем.

- Опробовать хочешь?
- И опробовать тоже.
- Добро. Тогда до завтра?
- До завтра.

Ночь и день прошли в праздном ничегонеделании. Относительно, конечно. Но обустройство лагеря, наряды, караул – ежедневные бытовые заботы. Все это давно привычно и обыденно, даже несмотря на походные условия. А то как же, почти три недели в пути. Уж сам бог велел пообыкнуть да обтесаться.

С вечера встретили гостей, коими оказались атаман Минаев, уже знакомый Ивану казак Захар и еще четверо донцов. Карпов взял с собой Фрола, десятника штурмовиков, ну и десяток стрельцов. Места оказалось с избытком, а уж если учесть то простое обстоятельство, что пирога была полностью разгружена, так и подавно.

Что за штурмовики такие? Иван решил-таки обзавестись отдельным десятком особых бойцов. Их снаряжение он полностью взвалил на свои плечи. Ну, коль скоро вздумал отличиться и заслужить-таки дворянство, то стоит слегка и вложиться. Он знал, что именно намерен предпринять, а потому и готовился, исходя из намеченной цели. Правда, остальное довольствие, как и жалованье, княгиня все же взяла на себя.

В десятках по-прежнему оставались штатные штуцерники. Вот только вооружены они были самыми обычными пехотными винтовками. Разве что у каждой из них помимо кольцевого прицела появился более сложный, диоптрический.

Особый же десяток штурмовиков был вооружен карабинами. Кроме того, у них были и воздушки, находившиеся в отдельной повозке. Был там и серьезный такой насос, пусть и ручной, но с маховым колесом. Это в значительной степени облегчало и ускоряло закачку баллонов.

Иван извернулся-таки и изыскал возможность изготовить это необычное, но столь необходимое оружие. Штурмовики представляли собой не просто великолепных стрелков – этот десяток имел иную подготовку. К примеру, бойцы тренировались в захвате тех же башен и зданий. Оно, конечно, таких умельцев – и на штурм. Но другого выхода Карпов не видел. Не спец он. А потому попросту формировал десяток из самых способных. Эдакий спецназ.

Командовал ими его старинный друг и лучший стрелок сотни, пусть и балабол, Гришка Рыбин. Ну и, соответственно, Егор уже не командовал

лучшим десятком сотни. Хотя это как сказать. Среди линейных десятков он продолжал удерживать пальму первенства...

До места добрались довольно споро, чему казаки сильно удивились. Уж больно легкими на ход оказались эти с виду несерьезные лодочки. Они буквально летели по воде, погоняемые широкими веслами. Правда, работать ими без уключин было несколько необычно, и, несмотря на привычность к тяготам, спины и руки ломило нещадно. Но к этому можно и привыкнуть. А так занятные суденышки, вполне достойные внимания.

Дельта Дона довольно разветвлена, включает в себя множество проток, образующих большое количество островков. На одном из них, отделенном очередной протокой могучей реки, и расположилась правобережная каланча. Иван еще в своем мире слышал легенду о том, что этот ерик прорыли казаки, чтобы обходить участок, перегороженный цепями каланчей. Он и тогда в этом сомневался, а теперь был уверен, что действительность не имеет ничего общего с этим утверждением.

Во-первых, протока была слишком широка. Нет, все нормально. Если долго мучиться, то можно прорыть и Суэцкий канал. Вот только строительство должно было проходить всего лишь в паре верст от турецкого укрепления. Как при этом казаки должны были остаться незамеченными – загадка. И вообще, куда они девали грунт? Да тут должен был подняться вал солидных размеров. Но да, легенда звучит красиво.

А вот сама местность красотой не отличалась даже в предрассветный час. Сомнительно, что картина изменится с наступлением утра. Под ногами чавкает земля плавней, напитавшаяся влагой, как губка. Вокруг заросли камыша, на смену которым вскоре пришли кусты ивняка, в свою очередь уступившие место крупным деревьям. Назвать лесом эти заросли не поворачивается язык. Деревья по большей части кривые, чахлые, ни на что особо не годные.

Единственное, что остается неизменным, – это крылатые агрессоры. Стрельцы, конечно, успели притерпеться к комарам, успешно от них обороныясь благодаря мази, которую научил их готовить старый охотник. Но эти места были просто комариным раем. Все же отпугиваемые запахом, источником репеллентом, они кружили над людьми гулко гудящей тучей. Ну точь-в-точь пчелиный рой, изображаемый в мультфильмах.

– А это что у вас? – удивился атаман, глядя, как Иван, Фрол и Григорий извлекают из мешков лохматки.

– Это чтобы маскироваться, – протягивая комплекты Минаеву и Захару, пояснил Иван. – Нешто вы ничего подобного не ведаете?

– Отчего же. Ведаем. Только мы берем сеть и на нее вяжем пучки

травы да ветки, – рассматривая обнову и приглядываясь, как именно облачаются стрельцы, ответил Минаев.

Ничего сложного. Просто надеваешь поверх своей одежды еще одну, и вся недолга. И носить очень даже удобно. Вон стрелец отошел в сторонку на десяток шагов, присел, и не рассмотреть его. Хоть сейчас предрассветные сумерки, но не в том суть. Благодаря этой одежке даже днем можно укрыться на небольшом расстоянии. Это Фрол Минаевич осознал сразу. Ох и чудной нынче пошел стрелец.

Рассвет встречали, уже устроившись в кустах шагах в трехстах от каланчи. В смысле боевой башни, из амбразур которой во все стороны торчали жерла пушек. Ну как пушек. Так себе артиллерия. Трехфунтовки, не больше.

Хотя для казацких стругов этого более чем достаточно. Ядро диаметром около восьмидесяти миллиметров без труда разнесет борта, понаделав пробоин. Оттого казаки и предпочитали обходить эти укрепления стороной. Тем более что основная артиллерия была обращена как раз в сторону реки.

Сама башня имела круглое сечение радиусом около девяти и высотой примерно шестнадцать метров. Четыре яруса, что легко определятся по амбразурам. На вершине крытая галерея с зубцами, где также установлены пушки. Каменная кладка. Серьезная такая постройка, из пушек задолбаешься кромсать. Прорву пороха и ядер изведешь.

Стоит это сооружение на высоком основании в виде искусственно насыпанного холма. Крутые срезанные склоны, чтобы их не подмыла вода, укреплены камнем. Все пространство от зарослей до холма сейчас покрыто водой. Глубина несерьезная, но факт остается фактом. А еще сам холм огибает ров, заполненный все той же донской водицей.

По верхнему периметру холма вокруг башни имеются какие-никакие стены. Смешно так называть две нитки плетня с забитым между ними грунтом, однако пренебрежительно относиться лучше не стоит. Такую стенку и пушечное ядро не вдруг пробьет, что уж тут говорить о пулях.

За этими своеобразными стенами видны мазанки, крытые камышом. Оно и понятно. Башня – военное укрепление, и жить в ней несколько неудобно. Опять же, в холода такое жилище нормально не протопить, сырость обеспечена. Совсем иное дело вот такие домики.

Отчего все так прекрасно видно, коль скоро тут плавни и по всему должно быть в избытке высокого камыша? Да оттого, что он тут только должен быть, но на деле отсутствует. Вернее, от него осталась одна лишь стерня, да и та под водой. Выкашивают турки вокруг укрепления и камыш,

и высокую траву. Сейчас из воды в лучшем случае торчат молодые побеги.

– Вот как только сойдет водица, камыш поднимется выше пояса, и турок устраивает косьбу, – пояснил Минаев.

– Сами косят? – уточнил Иван.

– Зачем сами, в Азове, чай, рабов хватает. Янычары только приглядывают за ними. Но на совесть следят, чтобы все было сделано как надо. Очень уж стерегутся нашего брата.

– А вы что же не порушите башни, Фрол Минаевич?

– А нам, Иван Архипович, смысла нет. Оно, конечно, неудобно, но мы уж наловчились в обход хаживать. Опять же, войны промеж нас нет, а в тех башнях ничего ценного, кроме пушек. Да только они, заразы, чугунные. Дорогие, не без того. Но не настолько, чтобы на них зариться супротив гарнизона янычар.

– Ясно. Стало быть, умный в гору не пойдет, умный гору обойдет.

– Ага. В самую точку, – хохотнув, подтвердил Минаев.

– Что скажешь, Гриша?

– А что тут говорить, господин сотенный, сам все видишь. Толку от штуцерного огня тут лишь до первого выстрела. Потом турки сразу же попрячутся за плетнями. Даже если влезть на деревья, не больно-то поможет. Вот если мы окажемся уже у самой башни, а ворог укроется в ней, тогда дело другое.

– Фрол?

– Согласен с Григорием. Нужно загонять турок в башню, а там уж и прибирать их к рукам.

– Ага. Так турок вам и поспешил в башне прятаться, – хмыкнул атаман.

– Да их-то мы загоним. Никуда не денутся, – отмахнулся Иван. – Как думаете, две разом осилим? – это опять к Фролу и Григорию.

– Осилить-то осилим. Но тогда уж народ положим, – дернув себя за нос, задумчиво ответил Фрол. – Штурмовиков-то у нас только один десяток. Они на такое дело специально натасканы. Остальные для открытого поля иль обороны готовились.

– Десяток при штурме дробить не стоит, – тут же поспешил подать голос Григорий. – Вместе мы сила, а порознь – так, ничего особенного.

– Ну что же, тогда с главным определились. Берем башни по очереди. Теперь детали, – подводя итог первым наблюдениям, произнес Иван.

В районе правобережной башни провели весь день, облавив вокруг все вдоль и поперек. С темнотой переправились на левый берег и, переночевав в относительном комфорте, принялись изучать окрестности второй.

Эта была похожа на прежнюю, как близнец. Ну и вокруг все было устроено вполне соответствующе. Разве что складки местности отличались, а с деревьями тут было совсем кисло. Ближе чем на пять сотен шагов от укрепления только отдельные, весьма чахлые деревца. Что вкупе с близостью Азова, до которого не далее четырех верст, представляло определенные проблемы. А значит, и начинать нужно с этой башни.

Перед рассветом третьего дня они наконец вернулись в расположение сотни. Отдохнув после изнурительного выхода, — а вымотались они изрядно, — приступили к детальной проработке плана штурма. Иван не мог себе позволить терять людей. Нет, понятно, что война, но ведь и воевать можно по-разному.

На следующую ночь лагерь стрельцов привычно погрузился в темноту. Не горели даже костры караульных. А незачем. Караульные службу должны нести, а не у костров греться. В общем-то ничего странного. Обычное дело для этих вновь прибывших.

Вот только поутру удивленные караульные казаки обнаружили, что стрелецкая стоянка опустела. Никого. Только истоптанная трава да следы от кострищ. Ни стрельцов, ни их лодок и двух больших плотов. Тихо ушли. По-воровски. Хм. Ну или по-казачьи. И где только наловчились...

Иван в очередной раз осмотрел подступы к укреплению. Ну-да. Крепкий орешек, нечего сказать. Мудрить с атакой со стороны суши он не стал. Там нужно преодолеть не меньше пяти сотен шагов по открытому полю. Ну, практически открытому. В принципе подойти на расстояние одного броска — никаких сложностей.

Подкрасться ночью да засесть, благо в двухстах шагах от рва начинались густые и высокие заросли камыша да бурьяна. Вот только все это пространство сейчас представляет собой эдакое болото. А перед самим укреплением имеется еще и ров. Так что штурмовать в лоб — глупее не придумаешь.

Вот и решил Иван идти со стороны реки. Берега густо поросли камышом, и если подойти в ночь, то вполне можно укрыться поблизости от левобережной башни. И на лодках домчать удастся куда быстрее, чем бегом по болоту, и вопрос со рвом не стоит.

Карпов поднял вверх голову и взглянул в безоблачную синь. Э-эх! Какое здесь все же небо! Вот так взглянешь и залюбуешься. По реке разносится птичья разноголосица. Нет, это не они потревожили. Стрельцы тут еще с ночи и стараются вести себятише воды ниже травы. Причем это не фигура речи. Казалось бы, почти полторы сотни человек, а слышно, как

вода легонько плещется о борта каноэ.

Отдаленный хлопок. Другой. Потом еще один. И еще. Пока мина долетает до своей цели, миномет успевает выпустить четыре снаряда. И расчеты продолжают забрасывать в стволы все новые каплевидные мины. На дворик у башни обрушился самый настоящий ураганный обстрел. Все пространство покрывают облачка порохового дыма, смешанного с пылью. Местность оглашается гулкими разрывами, паническими криками и стенаниями раненых.

Окопы для минометов выкопали и замаскировали еще с ночи. Впрочем, сейчас от маскировки никакого толку. Она была рассчитана только до первого удара. Его подгадали так, чтобы во дворе укрепления было как можно больше народу. Сейчас же определить, откуда именно ведется обстрел, не проблема. Поднимающееся от земли облако порохового дыма прекрасно видно. Правда, толку от этого никакого, даже начни турки обстреливать их из пушек.

– Ну что, православные! За веру, царя и отчество! Вперед! – выкрикнул Иван, как только первый снаряд разорвался во дворе башни.

Весла разом ударили по воде, буквально вспенивая ее. Пара стуков сердца, и стремительные каноэ буквально вылетают из зарослей камыша, несясь вниз по течению. Плыть им недолго. Не должны турки во второй башне успеть сообразить и открыть огонь из пушек. А и успеют – пирога, пусть и грузовая, достаточно маленькая и юркая цель, чтобы вот так, за здоровово живешь, попасть в нее.

Что же до первой башни, то там сейчас творится форменный бедlam. Если не сказать паника. По современным реалиям нападающие предприняли самую настоящую массированную бомбардировку, в которой участвует более трех десятков орудий. Ну нет в этом мире столь скорострельной артиллерии, и все тут. А если судить по разрывам бомб, то обстрел ведут крупнокалиберные мортиры. Никак не меньше.

Вот не мог Иван отказать себе в изготовлении парочки минометов. Легкое, маневренное орудие, которое в местных условиях стало просто натуральной вундервафлей. А почему нет? Тут ведь самое главное – иметь капсюли, и он их изготовил. Дальше – литая чугунная мина, стальной ствол с опорной плитой. Чуть старания, точности в работе, и пожалуйста.

Мина калибром восемьдесят миллиметров, которую по крутой траектории получается забросить на расстояние четыре сотни шагов. Серьезный заряд пороха плюс чугунные картечины внутри. Вкупе со скорострельностью мало точно не покажется. И турки оценили.

Судя по всему, паника сейчас не только в атакованной башне, где уже

поднимается столб пожарища. Все шесть мазанок, объятые пламенем, источают жирный, бурый и смрадный дым. Такой бывает, только когда горит человеческое жилье. Ничего удивительного, при камышовых-то крышах.

Выпустив по дюжине мин, артиллеристы прекратили обстрел. Не хватало еще накрыть своих же. Каноэ успели скользнуть в ров и вскоре оказались прикрыты со стороны второй башни холмом. Даже если тамошние канониры наконец разродятся, достать атакующих они уже не смогут. Ну, по крайней мере, пока те не окажутся наверху.

Едва только причалили к крутыму скату искусственного холма, как тут же полетели крючья, закрепившиеся за плетни стен. Несколько секунд, и стрельцы побежали вверх, подтягиваясь за веревки. Одновременно с этим во двор полетело с дюжину гранат, отзывающихся гулкими хлопками разрывов. Атакующих их осколки не достанут, зато смогут загнать в башню турок, если таковые еще остались во дворе.

Штурмовики взирают на атаку с толикой сожаления. Им сейчас вперед ходу нет. Хорошо как противник поспешит укрыться в башне. А если займет оборону снаружи? Выучка же и экипировка этих парней предоставляют им несомненное преимущество только при взятии зданий. В открытом бою они немногим лучше обычных стрельцов. А то еще и уступят из-за своей неповоротливости.

Атаман Минаев вместе со своим подручным Захаром все время держался рядом с Иваном. Он не пожелал оставлять измайловцев и сейчас примечал все происходящее вокруг. А тут столько всего странного. Начиная вот с этого обстрела и заканчивая снаряжением самого сотенного, офицеров и десятка стрельцов.

Он сильно удивился, когда заметил, как Иван облачается в нечто, сильно походящее на бригантину. Доспехи уже давно не в чести. Вот с тех пор как появился огненный бой, так постепенно броня и сошла на нет. Конечно, тех, кто еще напяливает на себя кирасу, хватает. И она порой даже спасает жизнь. Но это только если от клинка, стрелы или пули на излете.

Правда, особо рассчитывать на последнее не приходится. Палят-то зачастую не далее семидесяти шагов. А на таком расстоянии кираса остановит разве что выстрел из пистоля. Хм. Из него, впрочем, бьют не далее двадцати шагов. И снова кираса бесполезна. Словом, тяжесть это лишняя и неудобство.

Когда оказались во дворе, сразу же стало трудно дышать от заполнившего все вокруг дыма. Ну и к домам лучше не приближаться. Потому как те жаром так и пышут. А еще всюду летают искры, того и

гляди, одежда на тебе займется пламенем.

– Ну, Архипыч, вы даете! – изумленно озираясь по сторонам, уважительно восхитился атаман.

Мало того что все мазанки полыхали жарким пламенем, так еще и бомбами народу посекло десятка три, никак не меньше. Отовсюду слышатся стенания и проклятия. Стрельцы без лишних слов, деловито, словно выполняя рутинную работу, тычат штыками всех попавшихся на пути. Нечего оставлять за собой недобитого противника. Вот так пожалеешь, а там и прилетит в спину гостинец. А ведь еще и с пожарищ тянет смрадом паленного мяса. И о причине гадать не приходится. Там сейчас поджариваются тела павших.

Если бы у турок были отрыты траншеи, то наверняка жертв было бы меньше. А так мины, залетавшие за стены, выкашивали народ, что твоя коса. Кому не повезло, те легли во дворе, кто оказался пошустрее, успел забежать в башню.

Вообще, конечно, удачно получилось накрыть цель, чего уж там. Признаться, Иван сомневался, что выйдет без пристрелки. Но рассчитывая в самом начале нанести серьезные потери, он решил рискнуть и приказал сразу же приступать к массированному обстрелу. Получится у них взять вторую каланчу или нет, неизвестно, но уж однушко захватить надо непременно.

– Погоди, Фрол Минаевич, то ли еще будет, – бросил Иван и тут же начал раздавать команды: – Полусотенные, взять под прицел бойницы и варницы.^[16] И чтобы ни одна зараза мне носу не высунула.

Тут же послышались дублирующие команды. Стрельцы начали распределяться по периметру, и практически сразу раздались разрозненные выстрелы. Нередко они сопровождались криками боли и проклятиями из-за стен. В бойницы первого этажа полетели гранаты, а следом раздались глухие разрывы и громкие стенания.

Вскоре пальба прекратилась. Число смельчаков, готовых рискнуть и показаться для выстрела в проемах бойниц, резко уменьшилось. Пару раз турки пробовали подбросить русским подарочек в виде гранат, но безуспешно. Нет, если бы нашелся храбрец, который бы поджег короткий фитиль или дал тому по большей части прогореть, то бед они еще наделать могли бы.

Вот только янычары брали в руки гранаты, как ядовитую змею. И едва загорался фитиль, как они стремились поскорее избавиться от опасного снаряда. Стрельцов же вид гранаты с горящим фитилем ничуть не пугал. Велика сила тренировки. Подхватить чугунный шар да забросить за ограду,

вот и вся недолга.

– Ну что, атаман, не забыл еще турецкий? – спросил Иван.

– Я-то не забыл. Да только без надобности то. На этой каланче буюк-бashi^[7] Али, этот на русском лопочет споро, – пояснил Минаев.

– Ага. Вот, значит, как. Ну спасибо. – А потом закричал: – Буюк-бashi, с тобой говорит сотенный Измайловской стрелецкой сотни Карпов! Предлагаю тебе сдать башню и покинуть ее пределы вместе со своими солдатами и оружием.

– Я не сдам башню, гяур, – послышался голос с верхнего яруса.

– Понимаю, ты рассчитываешь на то, что вскоре тут будет помочь из Азова, – между тем продолжил Иван. – Не хотелось бы тебя расстраивать, но они не успеют. Сейчас там наверняка решили, что сюда подошел Николай со всей своей армией. К тому времени, когда они поймут, что это не так, вы все будете мертвые.

– Я не сдам башню! А ты лучше сам готовься к смерти!

– Ладно. Было бы предложено, – уже тихо произнес Иван и позвал: – Гриша.

– Я, господин сотенный, – тут же отозвался десятник штурмовиков.

– Нас послали далеко и надолго. Действуй.

– Слушаюсь! – задорно ответил парень и побежал к двери.

– Давай в сторонку, атаман. Сейчас рванет, – кивая в сторону железной двери и суетящихся у нее стрельцов, пояснил Иван.

– Пустое. Мал бочонок пороха. Не возьмет дверку. Она-то, чай, железная, – покачав головой, авторитетно заявил Минаев.

– Много ты понимаешь, – со значением произнес Иван, уходя за угол горящего дома.

Нет, атаман, разумеется, был бы прав, окажись в том бочонке порох. Вот только там наличествовал пироксилин. Дорого обошелся Ивану этот поход. Очень дорого.

Но дворянство – это такая штука, которая за деньги не покупается. Во всяком случае, сейчас. Только беззаботная служба и ратные подвиги. Первый путь может растянуться на долгие годы. Второй куда быстрее, правда, тут до вожделенного звания можно и не дожить. Ну да где наша не пропадала! Вот и вкладывался он щедрой рукой.

Рвануло так, что заложило уши. О начинке бочонков знали только Иван и Григорий. Гришу, конечно, держали за балаболку. Опять же, из-за его длинного языка молодая царевна прекратила ходить в Стрелецкую слободу. Но на деле парень был по-настоящему надежен. А что до того случая... Ну так все ошибаются, что уж тут поделать.

Едва отгремел взрыв, как штурмовики тут же устремились в освободившийся дверной проем. Послышались крики, стенания и резкие хлопки воздушек. Стрельцы скоренько зачищали первый этаж башни.

На этот раз Ивану не нужно было путать следы, как в Вильно, поэтому с новыми воздушками он не мудрил. Исполнил сменные – короткий и длинный – стволы под калибр девять миллиметров и одинаковую пулю. И сейчас парни Григория орудовали как раз короткоствольными, штурмовыми образцами.

Надо сказать, турки не растерялись и, несмотря на то что не успели убрать лестницу, ведущую вниз, захлопнули люк из толстых дубовых плах и задвинули засов. А вскоре в бойницы, вырезанные прямо в полу второго этажа, высунулись стволы мушкетов. Однако толку от этого было чуть.

Расстояние до потолка всего-то четыре метра, и не попасть в отверстие с ладонь взрослого мужчины парням было сложно. Вновь раздались отрывистые хлопки. И снова свинец нашел свою жертву, а крики на этот раз раздались сверху.

Тем временем Григорий подхватил сверток поменьше и, прикрываемый товарищами, припустил вверх по лестнице. Со всего маху вогнал в доску скобу. Привязал к ней сверток с взрывчаткой. Поджег фитиль.

– Уходим, братцы!

Снова рвануло. На этот раз не так громко, как с дверью. Но люку этого вполне хватило. Вновь штурмовики вбежали в башню. Порядок. Преграду в потолке буквально вынесло, а может, и разнесло в щепки. Виден только квадратный проем. Правда, и лестница пострадала. Но в принципе восстановить ее – дело плевое. Тут ведь не до красоты, а лишь бы держало.

Бойницы в потолке снова под прицелом. Правда, стрелять пока не в кого. Нет, крики и стоны сверху очень даже доносились. Да драться сейчас там некому. Взрыв пироксилина в замкнутом пространстве – это понимать надо.

Парочку ручных гранат в довесок, чтобы получше соображали. Эти снаряжены бездымным порохом, а потому все не так страшно. Разве что горло першиит да глаза режет. Ну да здесь и от пироксилина то еще амбре.

В хор голосов добавились панические вопли. Ага. Понравился, значит, привет. Очень хорошо. Может, теперь-то будут посговорчивее. А то кобенятся, как красны девицы. В отверстиях бойниц появились какие-то тени. Несколько хлопков, вторящие им крики боли.

– Порядок, господин сотенный. Путь свободен, – доложил Григорий.

– Отличная работа, десятник. Эй, буюк-бashi! Слышишь меня? Это

опять я, сотенный Карпов.

– Чего тебе, неверная собака?

– Надеюсь, ты убедился, что при желании я очень быстро захвачу всю башню?

– Хорошо. Я согласен на твои условия.

– Вот это ты молодец, бashi. Только те условия были раньше. Теперь все изменилось. Я отпущу тебя и твоих людей с миром, но без оружия. Гляди не спеши отказываться. В следующий раз я предложу только плен вместо смерти. Слышите, янычары? Или сейчас уходите без оружия, или потом отправитесь прямиком в рабство! Ну, на худой конец к Аллаху в райские кущи, если безгрешные.

Х-ха! Кто бы сомневался в их выборе. Уже через пару минут турки приняли условия и начали покидать башню, вынося своих раненых товарищев. Многим из них выжить не суждено. Не в те времена им посчастливилось заполучить кусок свинца или чугуна. Ох, не в те.

– Ты глянь. Солнышко толком еще не поднялось, а вы уж управились, – искренне удивился атаман Минаев.

И впрямь. С момента начала штурма прошло меньше десяти минут, как все было кончено. Стрельцы деловито занимали все этажи башни. Чтобы, не приведи господь, турки ничего не удумали напоследок. А вон и минометчики поспешают, неся на себе свои орудия и оставшиеся две дюжины мин.

Орудовать с этим ноу-хау Иван обучил гранатометчиков. А что такого? Мечут же свои гранаты. Так пускай теперь попользуют и минометы. Правда, пришлось помучиться, пока научил их обращаться с новым оружием. А еще израсходовать под пять сотен мин, пока составили таблицы стрельбы. Ну да ничего, оно того стоило. Эвон как с ходу накрыли цель.

Оно бы по уму завести отдельных минометчиков. Однако тут есть несколько «но». Во-первых, придется и их оснащать за свой счет. Во-вторых, мины слишком дороги, и расход у них будет изрядный. С точностью у этого оружия полный швах. Только по площадям и бить. Хм. С другой стороны, вон как тут отработали. Любо-дорого. Ну и в-третьих, для разовой операции вполне достаточно отрядить и слегка подучить штатных гранатометчиков.

– Послушай, Иван Архипович, а чем это ты дверку железную вынес? Только не говори, что порохом. В жизни не поверю, – наблюдала за суетящимися турками, поинтересовался Минаев.

Янычар оставилось около семи десятков. И основная их масса уже

переправилась через ров. Пара десятков заняты сбором и переправой павших товарищей. Ивану их трупы без надобности. Не пускать же их вниз по Дону. К чему так-то злить противника. Ну и есть шанс, что, пока янычары суетятся на здешнем дворе, из башни напротив не прилетит ни одно ядро.

– Фрол Минаевич, тот заряд обошелся мне в сто рублей. Другой, что вышиб люк в потолке, в пятьдесят. Ты готов столько платить? – глядя ему прямо в глаза, спросил Иван. – Вот и я о том же. А потому не забивай себе голову разными глупостями.

– Ладно, убедил. Что дальше?

– Как – что? – вздернул бровь Иван. – Вторую каланчу брать будем, ясное дело.

Гарнизон второй башни никак не мог взять в толк, что вообще происходит. А потому открывать огонь турки не спешили. Наверняка не могли поверить, что укрепление уже захвачено. В общем-то и немудрено. Лет сорок назад сюда уже подступались русские войска. Да только ушли несолоно хлебавши, к тому же понеся серьезные потери. Конечно, тогда гарнизоны башен были куда как серьезнее, но ведь и неверных было огромное множество. А тут всего лишь кучка на нескольких лодках.

Впрочем, Иван все же полагал, что причина как раз в находящихся во дворе янычарах. Им ведь вместе со стрельцами еще пришлось и тушить горящие мазанки, чтобы достать обгорелые тела. Все это Карпову было на руку, так как он нуждался хоть в какой-то форе.

Уже через полчаса пожар был потушен. Во дворе отрыли два окопа для позиций минометов. Ну или полевых мортир, как, не мудрствуя лукаво, назвал их Иван. Турки удалились восвояси. Три взвода стрельцов и штурмовой десяток разместились в каноэ, приготовившись к выдвижению на противоположный берег. Карпов во главе первого взвода и гранатометчиков занимал оборону в захваченном укреплении. Мало ли что удумают турки. Дело оставалось за малым.

– Ну что, Фрол, готов? – обратился Иван к старшему другу.

– Уверен, что тут должен остаться именно ты? – с сомнением поглядел казак.

– Эта башня наиболее важна. Она стоит со стороны Азова. И сюда в любой момент могут подойти войска из города. Где, по-твоему, я должен быть?

– Ну тогда ты это... Держись тут.

– Иди уж. И смотри там поаккуратнее. Парней береги.

– Сделаю, сотенный. – Решительно кивнув, казак направился к спуску

в ров, где его дожидались каноэ со стрельцами на борту.

Все уже было готово. Оставалось лишь дождаться начала артиллерийской подготовки, которая должна была прикрыть второй штурм. И именно этим сейчас и собирался заняться Иван.

— Архипыч, если ты не против, я с Захаром пройдусь ко второй каланче. Уж больно интересно глядеть, как твои ребятки управляются. Глядишь, чему умному подучусь. Опять же, оттуда и до моих парней поближе будет.

— А кто я такой, чтобы тебе запретить, Фрол Минаевич? Поступай как знаешь.

— Вот и ладушки. Пошли, Захар. — Атаман уже было отошел, но потом остановился: — А ладно ты стрельцов обучил. Вот так глянешь — телки малолетние, а как до дела доходит — всяк знает, что, где и как ему надлежит делать. И штуцера эти. Тут скоро от турок не протолкнуться будет. Так что ты, паря, помирать-то не спеши. Чует мое сердце, разговоров с тобой говорить не переговорить.

— Не переживай, атаман. Я тут тебя обожду.

— Договорились. — Минаев белозубо улыбнулся сквозь черную бороду и, подмигнув, поспешил к берегу.

На этот раз начали с пристрелки. И правильно сделали. Вот ведь. Вроде снова все выверили, подсчитали и тщательно прицелились. А вышел недолет. Подправили угол. Ударили второй миной. Вот теперь порядок. И на противоположную башню обрушился град снарядов.

Причем свою лепту вносили и захваченные турецкие пушки. Правда, били из них также по двору и мазанкам с намерением загнать гарнизон под защиту каменных стен. Стрелять из трехфунтовых пушек, по сути фальконетов, по башням — напрасный труд. Вот и турки не стреляют по захваченной башне.

Но стоило появиться каноэ, как турецкие пушки сразу же заговорили. Правда, безрезультатно, ни одно ядро в цель так и не угодило. Да и успели-то их пушки сделать лишь по одному выстрелу. После этого лодки ушли в мертвое пространство.

Но, будучи готовыми, турки предприняли массированный обстрел из фитильных ружей. Впрочем, с результативностью оказалось ничуть не лучше. Камышовые маты, увязанные на скорую руку, оказались вполне действенной защитой от пуль. Да что там, по утверждению Минаева, они и легкую картечь остановят. Разве что не с близкого расстояния. Кстати, вот ею-то и следовало палить туркам.

Наконец стрельцы причалили к искусственному холму и дружненько

так двинулись на штурм. А чего затягивать? Картина с первой башней повторилась практически один в один. Во дворе не осталось никого. На этот раз артналет вообще не причинил никакого вреда, если не считать подожженных мазанок. Во всяком случае, сколько Иван ни пялился в подзорную трубу, так и не рассмотрел ни одного тела.

Ничего. Штурмовики неплохо добрали при захвате первых двух ярусов башни. Причем судя по тому, сколько убитых и раненых выносили из башен после капитуляции, потери там вышли сродни приключившимся на этом берегу.

Хм. А вот от города войска так и не появились. Ну точно, решили, что сюда приложалась армия Николая. Впрочем, расслабляться рано. Доберутся побитые гарнизоны, поведают о том, что русских всего лишь горстка, и начнется веселье. Так что нужно готовиться к тяжким временам. Без штурмов тут никак не обойдется.

Ну а пока суд да дело, нужно бы отправить гонцов за плотами со всеми припасами и имуществом сотни. Они сейчас дожидаются вестей у той самой протоки, что зовется Казачьим ериком.

Глава 9

Ежа голыми руками не возьмешь!

— Ага. Похоже, разродились, господин сотенный? — с плохо скрываемым нервным напряжением произнес командир первой полусотни.

При этом Гуляев взирал на разворачивающееся перед ними действие из-под ладони, пристроившейся над бровями, подобно козырьку. Ну ни дать ни взять Илья Муромец со знаменитой картины. Ее, конечно, тут еще не написали и неизвестно, напишут ли.

Но какое это имеет значение, если Карпов представлял ее себе очень даже живо. Опять же, крепыш Гуляев чем-то походил на былинного богатыря. Разве что росточка вовсе не богатырского. Хотя Иван где-то читал, что в те времена народец был куда ниже. Хм. А кстати, если присмотреться, то средний рост жителей и впрямь уступит таковому из его прежнего мира.

— Разродились, Петр Сильвестрович, — безуспешно пытаясь скрыть волнение, подтвердил Иван.

Трудно, знаете ли, сохранять спокойствие, когда перед тобой разворачивается пара тысяч обозленных янычар. Причем не просто так, а при поддержке пушек. Их сейчас как раз выставляют на позициях шагах в четырехстах. Дальше нет смысла, потому как с отдалением от цели разрушительная сила ядер серьезно падает.

Оно бы, наоборот, поближе. Но не судьба. Первое половодье, так называемая холодная вода, начало уже спадать. Но земля все одно еще напитана влагой, как губка. Впрочем, артиллеристам вовсе не нужно рушить башни — они хотели бы вернуть их целыми и невредимыми. Стены вполне успешно смогут выдержать удары ядер со столь значительного расстояния. А вот предбашенные древо-земляные укрепления уже не выстоят.

Решаясь на столь дерзкую выходку, Иван даже предположить не мог, что у него будет форы в целых два дня. Но так уж случилось, что турки не поверили в сумасшествие русских. Поэтому начали разведку местности для уточнения сил царя Николая, двигавшегося в направлении Азова. Стрельцам удалось захватить «языка» и выпытать о происходящем в Азове.

Хотел бы Иван видеть лицо турецкого паша, когда до него все же дошло, что он опасался несуществующего врага. Армия русских была

настолько далеко, что ее передовые части еще не приблизились даже к казачьему Черкаску.

– Будем выжидать или начнем? – поведя плечами, спросил полусотенный.

– Рано, Петр Сильвестрович. Пускай их топчи^[8] закончат со своими позициями. И ведь не боятся, паразиты, наших пушек, – возмутился Иван.

– Это да. Но с другой-то стороны, чего им бояться. Чай, со второй башни порассказали, как мы мазали.

– Когда это мы мазали? – хмыкнул Иван. – А кто же тогда их загнал в башню?

– Мортирки наши полевые их загнали. А вспомни, как мы били из пушек. Да мы едва своих же не потопили, с нашими-то недолетами, – возразил полусотенный.

– Можно подумать, они это видели.

– Не сомневайся, сотенный, приметили. Иначе вот так нагло, средь бела дня, у нас на виду не выстраивались бы.

– Ну а что же мортир не боятся?

– Они не сомневаются, что у нас к ним мало бомб. Это же жуть сколько пороха на них нужно извести. Опять же, на чем-то такой запас нужно было доставить. А мы пришли только на двух плотах да нескольких лодках.

– Намекаешь на соглядатаев в Черкасске?

– А ты в них и не сомневаешься, сотенный. Иначе не отказался бы от помощи Минаева.

– Атаману я верю, – не согласился Карпов. – Ему выгодно выделиться перед царем. Потому как не дурак и понимает, что вольнице их приходит конец.

– То атаману. А вот другие казаки свою выгоду видят.

– Умный ты, как я погляжу, – передразнил офицера Иван.

– Да уж не дурак.

– Угу. Только мысли свои при себе держи. Не хотелось бы, чтобы эти разговоры до станичников дошли. Уж больно они обидчивы, – вновь поднося трубу к глазу, посоветовал Иван.

– Понял, – легко согласился Гуляев.

Все так. Под самым благовидным предлогом Иван отоспал из укреплений всех казаков. Есть среди минаевских предатели или нет, выяснить не хотелось. Кто их, донцов, знает, что у них в головах бродит. И память у них ох как крепка. А ведь всего-то три десятка лет назад на Дону кровь казацкая лилась рекой. И пускали ее бердыши московских

стрельцов. Словом, ну его к ляду, так-то рисковать. Тем более что в этом нет необходимости.

Измайловцы сейчас разделились, и в каждом из укреплений находилось по полусотне. А всех штуцерников, штурмовиков и гранатометчиков Иван свел в отдельный взвод усиления. Он намеревался перебрасывать его по мере надобности в то или иное укрепление, так как не сомневался, что турки не станут штурмовать оба укрепления сразу. Глупо бы было.

Гранатометчики с двумя мортирками образовали батарею. Конечно, со снарядами у них было откровенно плохо. Всего-то шестьдесят штук. Но ведь еще оставались и ручные гранаты. Иван предпочел сделать упор все же на них, а не на мины. А всему виной несовершенство в снабжении.

Ну какой груз они могли сюда доставить? Вот то-то и оно. Трястись приходилось если уж не над каждым граммом, то над килограммом точно. Вместо одной мины можно было взять шесть гранат. Опять же, используются они и в обороне, и в наступлении, и при штурме.

Но гранаты с бездымным порохом были в буквальном смысле наперечет. Впрочем, как невелик был запас и самого пороха, предназначавшегося для штурмовиков. Да и то на случай, если с использованием воздушки будет вообще никак. Дороговатое удовольствие этот порох, да и производственный цикл трудоемкий и долгий. Нет, при наличии азотной кислоты ничего особенного. Но как раз с ее-то получением и были проблемы.

Иван еще какое-то время рассматривал выставляющиеся на открытом поле батареи. Ничего так турки постарались. Притащили не меньше трех десятков пушек. И кстати, ни одной калибром больше трех фунтов. Разве что вон те четыре мортиры, способные метать полуторапудовые бомбы. Сущие монстры в сравнении с их минометами. В смысле с полевыми мортирками, конечно.

– Рыбин.

– Я, господин сотенный, – тут же отозвался десятник штурмовиков и друг детства Ивана.

– Гриша, видишь во-он те подводы?

– Вижу, – взглядаваясь в указанном направлении, ответил десятник.

– Как думаешь, что это?

– Ясное дело. Огненный припас подвезли. Больше нечему.

– Вот и я так думаю. Давайте с парнями по тем бочонкам зажигательными.

– Понял, – весело осклабившись, ответил парень и тут же побежал

раздавать указания.

Зажигательные – это громко сказано. Скорее уж эрзац трассирующей пули. В высверленное отверстие забили пороховую мякоть, которая горела секунду-полторы, не больше. Но этого было вполне достаточно, чтобы достигнуть цели на расстоянии до пятисот метров. Да и то если это будет что-то достаточно большое, чтобы рассмотреть без оптики.

Вскоре раздалось несколько разрозненных выстрелов. А вот вторили им уже громовой каскад и дрожь земли. По тонкой водной глади разлива прошла рябь. Позиции турок накрыло непроницаемое молочно-белое облако. А едва отгремел взрыв, как до стрельцов донеслись стенания и проклятия турок. И это на таком-то расстоянии!

– Все, Петр Сильвестрович, сегодня уже ничего не случится, – складывая свою трубу, заявил Иван.

– Уверен, Иван Архипович? – усомнился полусотенный, рассматривая картину разгрома.

Дым очень быстро начал подниматься ввысь, открывая взору безрадостное зрелище. Около половины пушек были опрокинуты. Множество тел убитых, раненые и просто разбегающиеся в панике янычары. Судя по всему, там вообще нет ни одного подразделения, хотя бы отдаленно сохранившего порядок.

– Уверен, – подтвердил Иван. – Они очень быстро наведут порядок, но без поддержки пушек штурмовать все же не станут. Как теперь не будут и наглеть средь бела дня. Думаю, в ночь они устроят позиции для пушкарей, а с рассветом приступят.

– Мешать им будем? Мы можембросить до них бомбы мортирками.

– Нет. Не вижу смысла в напрасном расходе снарядов. Лучше уж приберечь их на черный день. Если совсем уж тяжко придется, ударим по наступающим. Там плотность будет куда выше, а значит, и урон больший. А с пушкарями наши штуцерники и так разберутся.

– А может, имело смысл отстреливать именно пушкарей, а не жечь их порох? Ну, пока они были на открытой местности.

– В этом случае мы не получили бы нужного эффекта. Турки быстро попрятались бы и их потери свелись бы к минимуму. А так пострадавших куда больше. Опять же, порох был близ батарей, а значит, и пострадали в основном пушкари. И вообще, в городе этих топчи еще хватает. А вот завтра, начав нас обстреливать, в горячке боя они не сумеют так быстро сообразить, что их планомерно выбивают. Словом, ждем.

Как и предполагал Иван, турки ничего не предпринимали до самой темноты. К этому их вынудили штурмовики и штуцерники. Они время от

времени постреливали в турок, имитируя сравнительно небольшое число нарезного оружия. Со стороны могло показаться, что в укреплении имеется от силы четыре или пять штуцеров.

Однако редкие, но меткие выстрелы все же вынудили противника держаться подальше. Турки даже оставили без присмотра свои пушки, не помышляя не то что о подготовке позиций, но и об эвакуации поврежденных орудий.

Зато с наступлением темноты со стороны противника начал явственно доноситься перестук шанцевого инструмента. Никаких сомнений, там усиленно готовили позиции для своей артиллерии. Еще бы им не сделать выводы из прошлой неудачи.

Правда, не приходилось сомневаться, что позиции готовят те, кому наутро не придется принимать участие в штурме. А вот стрельцам высаться не удалось. Иван опасался ночного штурма, а потому бойцы отдыхали посменно, вглядываясь и вслушиваясь в темноту.

С рассветом картина перед укреплением разительно изменилась. За ночь турки успели выстроить древо-земляные укрепления на манер тех, что были у башен. Теперь обслуга пушек имела какое-никакое прикрытие. Порох был надежно укрыт подальше от глаз, и на позициях его наличествовало не больше потребного количества.

– Ну что, братцы, помолясь, начнем, – осеняя себя крестом, произнес Иван.

И тут же, словно в ответ, громыхнули орудия турок.

– В укрытие!

Подав команду, Иван и сам спрыгнул в окоп. Дворик при башне был испещрен зигзагами траншей, отстоявшими от плетня на одну сажень. Места для занятия позиций у стен более чем достаточно. А зарывшись в землю, стрельцы получали практически полную гарантию безопасности.

Едва только ступни коснулись дна окопа, как сверху тут же грохнуло, а во все стороны полетела земля и деревянная щепа. Одно из ядер прошло слишком высоко и с глухим металлическим стуком ударило в стену башни. Брызнуло каменной крошкой, накрывшей часть двора что твоя шрапнель.

Все вокруг тут же заволокло забивающей нос и рот пылью. Несколько ядер смогли пробить немудреную стену насквозь и, потеряв силу, покатились по земле. Ну как покатились. Okajisь на пути такого чугунного шарика какая часть тела, так и оторвет напрочь.

Один из таких горячих гостинцев скатился сверху прямо к ногам Ивана. Чуть правее – и пришелся бы аккурат по темечку. Н-да. Ему этого хватило бы за глаза. Шлема-то на голове нет, одна шапка. В смысле у него

имеется каска, выполненная в непривычной для местных форме. Таковыми снабжены также офицеры и штурмовики. Просто надевать ее он не стал. Ни к чему. Этот девайс поможет в рукопашной схватке да убережет от небольших осколков, падения всяких обломков и предметов. А вот от пули, к примеру, уже так себе защита. Если только на излете. Потому как если кусок свинца хорошо приложится, то, даже не пробив сталь каски, сломает позвоночник к нехорошой маме.

И носить его все же неудобно. Как и тяжелый бронежилет. Кстати, при штурме второй башни этот доспех спас одного из штурмовиков. Парня, конечно, отбросило в сторону, словно к нему приложились тараном. Несколько ребер треснули, и пару месяцев он точно не боец. Но зато остался жив.

Хм, неудобно ему с котелком на голове. А вот глядишь ты – мог ведь не успеть даже пожалеть о такой глупости. Ничего, впредь наукой будет. А то развел бурную деятельность по спасению собственной тушки и тут же начал пренебрегать средствами защиты.

– А-апчхи-и!!! Птфу! Птфу! Вот зар-раза! – Отплевываясь, Иван вытер губы рукой.

Идиот. Хоть бы сначала саму руку обтер. Только еще больше земли в рот нанес. Нет, ну его к ляду. Валить нужно отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

Сейчас снаружи находилась только дежурная смена. Не больше десятка бойцов. Все остальные укрывались в башне. Траншея траншней, но за каменной стеной оно как-то надежней. Мало ли какую радость принесет. Это вовсе не обязательно должно быть чугунное ядро. Вполне может прилететь и какая щепа. Опять же, не стоило забывать и о мортирах, которые будут кидать свои бомбы по навесной траектории.

– Парни, отходим в башню! Живее, живее!

Вообще-то несколько запоздавший приказ. В наблюдателях надобности больше нет. Предрассветная дымка уже поднялась, и подходы к укреплению теперь как на ладони. А значит, и внезапной атаки не случится. Поэтому стрельцы уже бегут в сторону куда более надежного укрытия.

Едва только успели уйти за каменные стены, как во дворе грохнули один за другим четыре громких разрыва. Помещение тут же заволокла вздыбившаяся пыль, а пол легонько так толкнулся в ноги. Это привет от мортир. А ничего так у турок пушкари. Точно положили свои снаряды. Будь народ во дворе, даже в траншеях, и наверняка не избежать потерь. А так обошлось.

– Птфу ты, нехристи! – отплевываясь, в сердцах выругался Иван.

Потом осмотрел свое воинство, снял шапку и, выбив пыль о штанину, повысил голос:

– Ну что, братцы, покажем им кузькину мать! Штуцерникам открыть огонь по пушкарям!

В наступившей тишине раздались разрозненные выстрелы. Только на этот раз стрельцы и не думали скромничать. Тут уж не до игр. В укрытиях просветы для турецких пушек невелики, но это вовсе не значит, что в них не получится рассмотреть человеческие фигурки, суетящиеся вокруг орудий. А что до патронов, то экономить их никто не собирался. Как ни крути, а по сотне готовых выстрелов на каждого. Тут впору думать не о том, что боеприпасов не хватит, а о том, как умудриться столько расстрелять без вдумчивой чистки винтовок.

Поскольку его бойцы оказались довольно плохими артиллеристами, Иван и не думал делать ставку на пушки. Орудия вывели из башен и установили на стенах, устроив для них амбразуры. Единственное, где от них еще мог быть толк, – это при обстреле штурмующих картечью. Да и то на прямой наводке с расстояния не больше сотни шагов.

Освободившиеся же бойницы заняли стрельцы. Оно, конечно, тут этих бойниц – где бы взять столько стрелков. Все же гарнизон башен должен быть куда внушительнее восьми десятков бойцов. Иван задействовал народ по максимуму, приставив к бойницам всех нестроевых, включая своего денщика и повара. Ну и себя с полусотенным посчитал как боевые единицы. А то как же.

Просто стрелковые бойницы обычно узки и позволяют вести стрельбу в небольшом секторе. Пушечные же дают куда больший обзор. Вот штуцерники со штурмовиками и поспешили их занять, приладив свои карабины на сошки. С этим устройством точность огня куда как выше.

– Гришка, засекли эти клятые мортиры? – взбегая на верхнюю площадку, укрытую черепичным навесом, спросил Иван.

– Нашли, господин сотенный. Сейчас как раз над ними стараемся, – обернувшись, тут же доложил Григорий, одновременно перезаряжая свой карабин.

А откуда еще высматривать позицию мортир, как не из самой верхней точки башни. Обзор отсюда открывается – просто закачаешься. Местность же равнинная. Тут от стрелков не сильно-то и укроешься. Если только прятаться в зарослях или маскировку какую из веток учудить, чтобы не особо можно было рассмотреть. Но тут это не принято.

Выстрел!

– Ага! Есть! Уложил, Григорий Семеныч, – радостно доложил

обернувшись к командиру молоденький штурмовик. – Прошу простить, господин сотенный. Попал я, значит, – заметив начальство, тут же стушевался стрелец.

– Вот и молодец, братец. Не отвлекайся.

И тут со стороны турок вновь заговорили пушки. Разрозненно, с большими интервалами. Все же огонь штуцерников в значительной мере поумерил пыл орудийной obsługi. Иван вновь разложил и вскинул подзорную трубу. На позициях артиллеристов хватает как раненых, так и бездвижных тел. Если эдак пойдет и дальше, вскоре турецкие пушки и вовсе умолкнут.

Точной стрельбой из штуцеров этот мир не удивить. Вот только оружие это насколько редкое, настолько же и мешковатое в перезарядке. Подготовленный и грамотный стрелок способен сделать хорошо как один выстрел в минуту. Основная же масса работает куда медленнее. А тут более двух десятков стрелков, да еще и при скорострельности шесть прицельных выстрелов в минуту.

Непривычны здесь к подобному. А потому и не знают пока, как противодействовать такой напасти. Опыт же, знания и соответствующие выводы появляются только с кровью. И подчас немалой. Вот как сейчас. Сомнительно, что во время вчерашнего взрыва запас пороха случилось столько же потерь, сколько теперь, от работы штуцерников.

Постепенно огонь пушек становился все более разрозненным. Но зато из-за большого числа самих орудий их выстрелы звучали практически беспрерывно. Ядра неустанно терзали стену, а по сути, ограду. Вот очередное ядро ударило в станок пушки, отбросив в сторону ее ствол. Это уже третье орудие обороняющихся, выведенное из строя. Если так дело пойдет и дальше, их вообще оставят без традиционной артиллерии.

Ага. А вот и очередной привет от мортиры. Знатно так рвануло. Хотя... В помещении все выглядит куда как весомей. Здесь же... По большей части много дыма и пыли при не столь уж значительных повреждениях. Порох, что тут скажешь. А уж при его нынешнем качестве так и вовсе говорить не о чем.

К примеру, Иван все же завел свою мельницу и наладил выпуск собственного черного пороха. Он у него получается куда как качественнее и значительно мощнее иных. Опять же, ладить это зелье самому гораздо дешевле, чем покупать на стороне. Да еще и сомнительного качества. Ну и немаловажно то, что у Ивана этот порох закупает казна. Правда, цены у царя-батюшки – не разгуляешься. Ну да все одно, даже с учетом трат на учения сотни и этот поход Иван остался в прибытке. Пусть и не особом.

– Ну вот, давно бы так-то, – удовлетворенно произнес Иван.

– Ага. Пошли, родимые! – с веселым задором подхватил Григорий.

Хотя орудийная канонада вроде как не стихает, турецкий паша осознаёт, что интенсивность обстрела падает. А значит, вскоре артиллерия не сможет прикрывать штурмующих. Вот и решил выдвигаться на штурм.

Тем более что никакой командир не станет держать своих людей под обстрелом, если имеется такое надежное укрытие, как каменная башня. Ну что этим стенам может сделать полевая пушка? Да ничего. А в подзорную трубу прекрасно видно, что русские вывели захваченные пушки из башни и часть из них уже разрушена. То есть орудийного огня особо опасаться не стоит. Пусть они и сосредоточили все орудия на сухопутном направлении.

– Умно идут, Иван Архипович, – подойдя к Карпову, произнес полусотенный Гуляев.

– Странно бы было, коли они оказались бы глупее нас. Если мы использовали камышовые маты в лодках, то отчего им не применить их на суше. Да и казачки на своих стругах пользуют вязанки камыша. Он им и защита, и на дно пойти не дает.

Пусть турки и собирались взять укрепление с ходу, наступали они не сплошной массой и не цепями. Подразделения числом до полусотни толкали перед собой колесную пару, на которой были закреплены толстые камышевые маты. Если все сделать со знанием, то такую преграду со ста шагов не вдруг пробьет и пущечная картечь. В смысле легкая конечно же, тяжелая такую преграду попросту снесет. Так что о ружейных пулях и говорить нечего. Гарантированная защита.

– Ну это они сильно так обсчитались, – с хищной улыбкой заявил перезаряжающийся Рыбин.

– Ты своим делом займись, десятник, – одернул его Иван.

Не хватало еще панибратство разводить посреди боя. В прошлой жизни Иван частенько почитывал в книжках о попаданцах, как эти великие знатоки душ сближались со своими подчиненными. Вот только писали те книжки либо вообще не служившие в армии, либо недалекие люди.

Иван был рядовым, но он прекрасно осознавал, где место рядового, сержанта и офицера. Война этому быстро учит. Как, впрочем, и выявляет несостоятельных командиров, которые обычно в боевых частях надолго не задерживаются. И хорошо как не отправляются из-за своей глупости на тот свет.

Поднявшись на офицерскую ступень, Иван поневоле был вынужден несколько отдалиться от своих прежних друзей. Они, конечно, позволяли себе порой общение в неформальной обстановке и чарку-другую

пропускали. Но случалось это очень и очень редко. Потому как служба отнимала львиную долю времени. Оставшуюся же часть приходилось использовать для решения внеслужебных проблем, и у Карпова забот было более чем достаточно.

– Прошу прощения, господин сотенный, – повинился десятник, понимая, что погорячился, когда влез в разговор офицеров.

Борясь с неловкостью, Григорий с сосредоточенным видом занялся карабином. Извлек ершик и быстро обработал спиртом слегка подкатившееся кресало, чтобы избежать осечек. Прошелся по полке, затравочному отверстию. Просушил. Зарядил патрон, вновь установил оружие на сошки. Прицелился. В сердцах прошелся и по себе любимому, и по другу закадычному, и по службе стрелецкой, что легла между ними.

Потом улыбнулся, потому как и служить, и воевать ему все одно нравилось. Выщелил спину очередного топчи, усиленно шурующего прибоем в стволе пушки. Выровнял дыхание. Совместил круги прицела. Нажал на спуск. Приклад привычно лягнул в плечо. Обзор на мгновение заволокло дымом. А затем он увидел, как турок медленно полуобернулся и повалился вбок. Убит или нет, но в любом случае не боец. И скорее всего, все же покойник.

– Ну что, накроем их мортирками? – предложил Гуляев.

– Нет. Григорий прав. Эти маты им не помогут. Причем даже на таком расстоянии – наши пули пробьют их, как бумагу. Бомбы же я хочу приберечь до того момента, когда нам станет действительно погано. Маловато их у нас. Так что подпустим поближе, чтобы не успели укрыться за деревьями и кустами. А там и врежем от всей широкой нашей души.

Выжидали минуты две, не меньше. Оно-то понятно, что расстояние плевое. Но в разлив даже простому пешему тут передвигаться не сахар. А уж если толкать перед собой защиту, так и подавно.

Вообще-то Иван на месте паши наплевал бы на эту защиту и наступал бы цепями. Благо прошлогодняя высокая трава и камыш дают довольно неплохую маскировку, что мешает точной стрельбе. С выходом же на выкошенный участок – одним броском до рва и дальше на склоны искусственного холма.

Но то он. Местным же военачальникам такое понятие, как наступление цепью, неизвестно. Они либо гурьбой, либо в шеренгах, стройными рядами. Опять же, исходя из существующей практики, паша действует совершенно верно. А вот из имеющихся здесь и сейчас реалий облегчает задачу стрельцам, сбив своих людей в кучу и выставив их самой настоящей мишенью.

Пора!

– Слушай мою команду! Штурмовики и штуцерники – продолжать обстрел пушкарей! Остальным – огонь по наступающим! Не журись, братцы! Турок дурак, думает, укрылся за матами, а наши пули легко пробьют ту защиту! Бей прямо в камыш, не прогадаешь! Да они устанут павших собирать! За веру, царя и отчество!

– Ура-а-а!!! – тут же издали рев молодые луженые глотки стрельцов на верхней площадке.

Хм. Вообще-то тут этого девиза пока еще не существовало. А потому Иван решил исправить это упущение. А что такого? Еще одна возможность подмаслить дорожку к дворянству. Николаю эти слова точно придется по нраву. И не только ему. Вон как глазки полусотенного загорелись. Вроде и порох нюхал, но того и гляди в одиночку сорвется в атаку.

Приосанившись, Гуляев поспешил на лестницу, чтобы продублировать команду по этажам, ну и воодушевить стрельцов собственным примером. При этом он повторял так пришедшийся по сердцу девиз. Стрельцы же, то ли накачивая себя, то ли переполненные верноподданническими чувствами, отвечали ему неизменным «ура!». А потом, усиливая эффект, вплетали в общую какофонию боя голоса своих винтовок.

Осознавая, что схватиться за карабин еще успеет, Иван вскинул подзорную трубу. Н-да. Все же будь калибр поменьше, а скорость пуль побольше, картина наверняка не была бы столь красочной. А так получалось очень даже впечатляюще. Вздрагивающие от попаданий тяжелого свинца маты. Летящая в стороны труха камыша. И... вываливающиеся из-за укрытия убитые и раненые янычары.

А тут еще и эдакая небывальщина. Орудия вдруг замолчали. Конечно, можно подумать, что пушки боятся попасть в своих. Но это вряд ли. Скорее уж наконец сработал инстинкт самосохранения. Ну сколько можно-то?!

Нет, понятно, что «были люди в наше время, не то, что нынешнее племя». Ясно, что современники Ивана вряд ли стали бы подставляться под снайперский огонь. У местных воинов не душок, а настоящий воинский дух. Да только всему есть предел. И мужеству на пару со стойкостью тоже. Так что попрятались пушки и не отсвечивают.

Наконец противник приблизился к границе выкошенного участка. Еще немного, и турки подойдут вплотную.

– Господин сотенный, может, подпалим камыш? – обернувшись к Ивану, предложил Рыбин.

– Спокойно, Гриша. И так отобьемся. Не боись. Ты стреляй, не

отлынивай.

Сказав это, Иван вскинул карабин и привычно нажал на спуск. Перезарядился и снова выстрелил. А потом опять. Все. Больше развлекаться никак нельзя. Сорвавшись с места, он быстро сбежал вниз. Этажи пролетели с такой скоростью, словно он и не по ступеням бежал.

– Гранатометчики, к пушкам! Живее, братцы! Подсыплем турку перца под хвост!

– Это мы завсегда, – радостно гоготнул дюжий парень, командир первого расчета мортирок.

Пушки уже выставлены и нацелены. И пусть три из них уже опрокинуты... Ага. Поправочка. Четыре. Только эта пушка, в отличие от остальных, скатилась в ров. Не иначе как ядро ударило в самое основание плетня и взрыло край холма, а там сказала свое слово масса орудия. Но это не имеет значения. Пушек все одно больше, чем пушкарей. Так что мало турку не покажется.

Иван более чем уверен – янычары только того и ждут, чтобы им дали хорошего пинка. Вот так отвернуть от одного лишь ружейного огня они не могли. Хотя потери у них уже огромные, а по меркам Ивана, так и вовсе ужасающие: путь, пройденный наступающими, был буквально усеян убитыми и тяжелоранеными. Те, кто мог хоть как-то двигаться, самостоятельно уходили в тыл, а значит, и выведенных из строя куда больше.

Орудия обороняющихся рявкнули, когда противник уже практически достиг рогаток перед рвом. Два уже изрядно измочаленных мата попросту снесло роем картечи. Ворвавшись в ряды укрывающихся за ними янычар, свинец буквально выкосил тех, кто там находился. Крики, стенания, мольбы. Досталось наступающим и за другими матами.

Стрельцы же перебежали к оставшимся орудиям и дали повторный залп. И именно в этот момент мужество оставило турецких воинов. Отступление и бегство в нынешних реалиях – это зачастую одно и то же. И янычары побежали.

– Не прекращать огонь! Стреляйте, братцы! Бей басурман!

Иван в который уже раз за сегодняшний день вскинул карабин и, поймав в прицел спину в красном кафтане, нажал на спуск. Есть! Перезарядиться. Снова прицелиться. Выстрел! И снова в цель. Вновь перезарядиться. И еще. И... Все. Больше только зря переводить припасы. Отступающие уже скрылись в высоких зарослях камыша. Пусть тот изрядно потоптали, это ни о чем не говорит. Даже в таком состоянии обзор заросли ограничивают исправно.

- Прекратить огонь! – наконец выкрикнул приказ Иван.
- Прекратить огонь! – вторя ему, кричат взводные и десятники.
- Гранатометчики, зарядить пушки.
- Слушаюсь, господин сотенный, – тут же отозвался тот самый дюжий молодец.

Остаток дня прошел тихо. Совсем тихо. Разве только приняли турецкого парламентера с просьбой разрешить собрать убитых и раненых. Иван не видел причин, отчего не пойти навстречу паше. Тем более что по их вере тело надлежало предать земле еще до наступления темноты.

Опять же, большое число убитых и раненых должноказалось на боевом духе не лучшим образом. А потери и впрямь были катастрофическими. Все же почти сотня обученных стрелков с винтовками, да еще при грамотном применении, – это серьезно. Очень серьезно. И туркам, решившим действовать нахрапом, их затея обошлась дорого.

– Как думаешь, они еще будут штурмовать? – подойдя к Ивану, спросил Гуляев.

Тот стоял у стены и наблюдал за тем, как турки собирают своих павших и раненых. Работали практически молча и весьма споро. А еще раненых не просто бездумно укладывали на носилки, а тут же оказывали первую помощь. Иван полагал, что у турок с медициной дела обстоят куда как лучше, чем у европейцев. Все же сколько научных трактатов пришло именно с Востока. Иное дело, что Европа впоследствии их обогнала.

– Конечно, будут. И думаю, что в очередной раз они навалятся как раз ночью. Наше преимущество от винтовок сведется практически к нулю. И они получат неплохой шанс, если навалятся всей массой. Так что придется нам тут слегка поупираться, – ответил Иван, а потом позвал: – Григорий!

– Я, господин сотенный, – тут же отозвался Рыбин.
– Отправь одного из своих на тот берег. Пусть передаст, чтобы с наступлением темноты третий взвод перебирался к нам на усиление. Да сам чтобы там не задерживался – передал и обратно. Нам тут еще предстоит поработать.

– Слушаюсь, – с белозубой улыбкой ответил десятник, как видно, прекрасно поняв сотенного.

С учетом уже отобранных штуцерников и гранатометчиков в гарнизоне башенки на правом берегу останется только двадцать четыре человека. Потому как и все нестроевые также находятся на левом. Но судя по всему, у турецкого паши нет иного варианта, кроме как атаковать именно это укрепление. Передислокация на правый берег отнимет слишком много

времени. Оснований полагать, что там будет легче, у него тоже нет. И наконец, наблюдая за работающими турками, Иван приметил одного, который не столько помогал янычарам, сколько осматривал подступы к укреплению. Это хорошо. Пусть получше все рассмотрит и убедится, что в обороне русских ничего необычного. Пока что.

С наступлением темноты десяток штурмовиков скользнул за ограду, унося с собой то, что должно стать сюрпризом для турок. Впрочем, они были не одиноки. Кроме них, за ров отправился и второй взвод в полном составе. Нужно же было озаботиться освещением предстоящего ночного шоу.

С прожекторами тут как-то не заладилось. Вот и приходится устраивать небольшие платформы, слегка возвышающиеся над водой. На них укладывали кучи хвороста, облитого горючей смесью. Ее не так чтобы и много. Но выделение под эту задачу предусматривалось изначально. Так себе освещение. Но все лучше, чем ничего...

Время пусть и медленно, но неумолимо двигалось вперед. Миновала полночь. Прошло еще три часа. Еще час, и начнутся предрассветные сумерки. Неужели Иван ошибся и турки не решатся на ночной штурм? Нет. Это вряд ли. Ну не могут они вот так, за здоровьем живешь сдать укрепления в предместьях города. А может...

Сначала раздался один взрыв, сопровождаемый криками боли и отчаяния. Потом второй. Третий. Нет, правильно все же Иван просчитал турецкого пашу. Просто тот решил начать атаку непосредственно перед рассветом. Так чтобы сцепиться с русскими еще в темноте, а продолжить бой уже при утреннем свете. Грамотно. И время подобрано удачно. Вот только коварству русских нет предела!

Иван не мог себе позволить слишком уж много. Но кое-что все же припас. В частности, противопехотные мины на растяжках. Нет, он вовсе не предполагал, что подступы к укреплениям окажутся залиты водой. Вовсе нет. Просто понимал, что зарывать мины в землю, имея в качестве взрывчатки порох, неэффективно.

А вот если взять две емкости из жести, вложить друг в друга, поместить в меньшую из них порох, а в просвет между ними уложить чугунную картечь, то получится неплохо. И ведь сработает как ночью, так и днем. Ну не знают тут о такой бяке, как противопехотная мина. Да еще и с поражающими элементами. Так что заденут растяжку с гарантией.

А уж ночью так и вовсе получилось куда как знатно. Хорошо хоть штурмовики Григория ничего не напутали и сами не подорвались. А то, признаюсь, Иван было опасался.

– Григорий, поджигайте костры!

– Слушаюсь! Живее, парни!

Тут же появилось несколько огоньков. Потом звонко тренькнули тетивы луков, и короткие огненные росчерки устремились к едва-едва различимым кучам хвороста. Не прошло и минуты, как вокруг укрепления полыхало полуоколо из горящих костров. Турки еще не приблизились к полосе неровного света. В отдалении время от времени все еще продолжают раздаваться взрывы и слышатся крики, нередко панические.

– Братцы, приготовиться к стрельбе!

На этот раз Иван вывел стрельцов к наружным стенам. Отсиживаться в башне все же идея не из лучших. Не стоит передавать инициативу в руки противнику. Конечно, при таком подходе потери неизбежны. Но ведь они на войне. Опять же, отсидеться в башне не больно-то и получится. Обложи ее камышом и хворостом, и выкуришь защитников с гарантией. Нет, башня – это на самый крайний случай.

Плеск воды. Бряцанье железа. Еще один отдаленный взрыв. И вот в полосе света появился первый янычар. За ним второй. Третий. А вот уже и счет потерян.

– Огонь!

Винтовки бьют практически залпом. Иван наблюдает, как валятся в воду янычары, вырвавшиеся вперед. Но на смену павшим приходят новые. Злые, решительные, с перекошенными в ярости лицами. Он даже видит блеск их глаз. Или ему это только почудилось?

Кто-то уже подбежал к рогаткам и начинает их растаскивать, перерубая проволоку, которой те увязаны между собой. Сабля без труда справляется с мягким железом. Наверняка на стали и зазубрин не останется. Но главную свою задачу и проволока, и рогатка выполнили. Они заставили янычара замедлиться и даже остановиться. Ненадолго. Но этого более чем достаточно, чтобы в неровном свете костра поймать врага в прицел и послать меткую пулю. И... на смену павшему приходит другой.

Часть штурмующих остановилась у костров. Янычары сорвали с себя головные уборы и, черпая ими воду, начали заливать пламя. Угу. Удачи, парни. Помня приказ сотенного, в них никто не стреляет. Главное – выбивать тех, кто устремляется на штурм. А что до этих горепожарников... Вообще-то заливать водой напалм, даже тот простенький, который сумел изготовить Иван, глупость несусветная. Ну да откуда туркам-то об этом знать. Память о греческом огне, когда-то уничтожившем их флот, успела стереться. Как, впрочем, утратился и сам секрет этого оружия.

А вот двое из несущих длинную и массивную лестницу отваливаются в сторону, поймав свинец. Передний конец лестницы упирается в землю, заставляя остановиться остальных. Но на смену павшим тут же появляются другие и, подхватив штурмовой инвентарь, устремляются вперед.

– Гришка, поджигай камыш!

– Слушаюсь! Братцы, все слышали! Жжем камыш!

На этот раз огненные росчерки горящих стрел уходят ввысь по большой дуге и улетают гораздо дальше. Штурмовики пускают стрелы одну за другой в попытке поджечь прошлогодние камыш и траву. И вскоре это у них получается. Нет, Иван вовсе не рассчитывал таким образом остановить наступление, отрезать отступление или нанести потери. Тут такого пламени не добиться. Ну получат турки какие-то ожоги, так и что с того? Зато полыхающее за их спинами пламя придает дополнительное освещение, что вовсе не лишнее для обороняющихся стрелков.

Наконец туркам удалось проделать проход в рогатках. Приблизиться к краю рва. Только бы не ошибиться, иначе уйдешь под воду с головой. Ага! Порядок! Один конец лестницы упирается в землю, второй взмывает свечкой и падает поперек рва, к самому основанию древо-земляной стенки. Скинуть ее у стрельцов никак не получится. Мало того что она сама по себе тяжелая, так еще и по ней, как по мосткам, устремляются вверх атакующие.

– Ор-рудия-а! Огонь!

В ответ на приказ Ивана с небольшим интервалом рявкают пушки, отправляя во врага целый рой картечи. И вновь в какофонию битвы вплетаются крики ярости, стенания и проклятия. Жаль, не получится использовать гранаты. Вода, чтоб ей... Несовершенные запалы в ней попросту погаснут.

Все. Теперь от него, считай, ничего не зависит. Иван вскинул воздушку и, взяв под прицел одну из лестниц, по которой бежали сразу несколько янычар, начал их отстреливать одного за другим. Благо скорострельность позволяла это делать без труда, а незначительное расстояние способствовало точной стрельбе.

Двадцать поспешных выстрелов. Около десятка саженных с лестницы янычар. Перезаряжать воздушку некогда, поэтому Иван выхватил револьвер и начал стрелять из него. Один. Второй. Третий.

Взгляд окрест. Наметилось еще несколько прорывов в рогатках.

Возле самого уха вжикнула крупная мушкетная пуля. Это турки прикрывают атакующих. Иван инстинктивно пригнулся за стену. Нервно сглотнул. Взвел курок револьвера.

Рядом вскочил один из стрельцов, закончивший перезаряжаться. Выстрел. Сдавленный вскрик с той стороны:

– Н-на, нехристь!

Стрелец ловко отбил штыком удар сабли и возвратным движением полоснул турка прямо по горлу. Зато идущий следом вскинул пистоль и послал пулю в стрельца, попав точно в грудь. Иван уже поднялся, а потому наблюдал эту картину воочию.

Вскинул револьвер. Выстрел! Турок переломился в поясе и скользнул вниз, с плеском упав в ров. Убит, ранен – без разницы. Конец один. Если не умрет от свинца, захлебнется в воде. Да и думать об этом некогда. Вновь взвести курок, все так же направляя оружие в сторону атакующих. Кресало на место. И, практически не целясь, нажать на спуск. Есть!

И снова перезарядиться, наблюдая за тем, как на него несется турок с перекошенным от ярости лицом, замахивающийся саблей. Но Иван все же успевает взвести курок и нажать на спуск. Осечка! Револьвер летит в сторону. Рука тянется ко второму. Но он отчетливо понимает, что ему не успеть. Ничего не успеть. Ни извлечь револьвер, ни уйти с линии атаки. А саблю он никогда и не носил, потому что бесполезно. Не сросся он с клинком. Неужели конец?!

Б-бах!

Турка буквально опрокинуло на спину. Он еще и высоко взмыкнул ногами. Данила, денщик Ивана, деловито и спокойно откинул табакерочный затвор карабина и потянул из патронника стрелянную гильзу.

– Иван Архипович, я воздушку перезарядил, – доложил Ольховский.

А вот это просто отлично. Карпов подхватил пневматический карабин и повел частый огонь. Ну или, если быть точным, все же стрельбу. Выстрелы воздушки – несерьезные, на первый взгляд, в сравнении с огнестрельным оружием – весьма исправно сеяли смерть. Иван и сам не заметил, как очистил лестницу от вереницы штурмующих. А потом подоспела и помощь.

Получив возможность выйти из гущи боя, сотенный наконец вновь вернулся к руководству сотней. Ну, в той мере, в какой это вообще было возможно. Никаких резервов у него не оставалось, штурм же был равномерно распределен по всему сухопутному участку, если его так вообще можно назвать.

Вдруг внимание привлекли двое стрельцов. Несмотря на творящийся бедлам, Иван легко узнал того самого громилу-гранатометчика. И что удумали эти ухари! Наскоро привязали к веревке метательную гранату, активировали запал и подвесили снаружи стены. Вреда ограде граната

причинить не может, зато посыпает осколки в сторону противника, вверх и вниз.

Так себе мера, если честно. Но зато их товарищи чуть в стороне подвесили такой же гостинец к лестнице, и тот рванул под ногами атакующих. Троих янычар как ветром сдуло. Хм. Ну или взрывом.

Двое стрельцов, охая и кряхтя, подхватили ствол разбитой пушки и с молодецким «э-эх!!!» забросили ее на штурмовую лестницу. Та и без того несла на себе вес четверых турок, а тут еще и такой привет. Словом, сломалась и увлекла с собой в воду всех бедолаг.

Еще немного, и боевой запал штурмующих сошел на нет. А там они и отходить начали. Ну или, как обычно здесь бывает, побежали прочь от укрепления, и вся недолга. Поди разбери, бегство то или отход по команде. Карпов все же предполагал, что организацией тут и не пахнет. Очень может быть, что нашелся один ухарь, которого быстренько поддержали остальные.

Только теперь, когда появилось время перевести дух, Иван заметил, что на его участке многие стрельцы убиты или ранены. А еще именно здесь туркам удалось подвести сразу две лестницы. Вот так и вышло, что ему пришлось отбиваться едва ли не в одиночку.

– Жив, Петр Сильвестрович? – окликнул Карпов покрытого копотью офицера.

А как это он?.. А просто. Светает. Вот и видится теперь все хорошо. Не в деталях, конечно. Все же только предрассветные сумерки. Но порох – вообще штука въедливая. А чумазость у стрельцов сейчас повышенная.

– Как видишь, Иван Архипович, – зажимая раненое плечо, ответил полусотенный.

– Ничего. Лекарь у нас знатный, вылечит на раз. Давай в башню, займись раной.

– Да я...

– Не спорь. Командирам взводов проверить личный состав и доложить мне о потерях! – выкрикнул Карпов приказ и опять к Гуляеву: – Иди, Петр Сильвестрович. Иди. Трудов нам еще предстоит немало.

Потери удручили. Если при захвате башен и дневном штурме турок потери измайловцев составили всего лишь один раненый штурмовик, то теперь дела обстояли куда как хуже. Двенадцать убитых, двадцать шесть раненых, причем одиннадцать настолько тяжело, что Рудаков не давал никаких прогнозов относительно их выздоровления. А точнее, предлагал подыскивать место для могилок.

Больше половины из оставшихся щеголяли легкими ранениями,

позволившими им остаться в строю. В основном это были царапины или незначительные порезы. На одном из участков успели схлестнуться в серьезной рукопашной. Отсюда и резаные раны. Надо же, а Иван как-то и не заметил, что такое случилось. Все же командирского опыта ему еще набираться и набираться...

— Господин сотенный, там это... — эдак своеобразно доложил подбежавший стрелец.

Дело уже близилось к полудню. И Иван как раз беседовал на завалинке с Рудаковым. Медик сетовал на то, что не в состоянии помочь страдальцам с проникающими ранениями. Поминал попов, запрещающих производить вскрытие тел православных, а как результат медицина не может продвинуться в лечении подобных ран.

Вообще-то тут Иван мог бы поспорить. Попы попами, но палки в колеса развития медицины в не меньшей степени вставляет именно признанная профессура. Запреты священников еще хоть как-то можно обойти. А вот поди поборись с маститыми мастерами лекарского дела, коли тебя бойкотируют.

Скажете — ничего страшного, талант везде себе путь пробьет? Ага. Как бы не так. Во-первых, одна голова хорошо, а две лучше. Во-вторых, неплохо бы иметь доступ к исследованиям и открытиям соратников по цеху, что весьма затруднительно при отсутствии возможности посещения академии. Опять же, библиотека с трудами видных ученых. Словом, аукается бойкот, еще как аукается.

— Что там у тебя, Митрофан? — поинтересовался Иван у стрельца.

— Так корабли, господин сотенный.

— Проблемы? — вздернул бровь лекарь.

— Надеюсь, что нет, — ответил Иван.

— Вот и я надеюсь, — выбивая трубку, к которой в недавнее время пристрастился, произнес Рудаков. — Мне и с прежними ранеными забот хватает.

— Ну, я сделал все ради того, чтобы больше тебя не беспокоить. Остальное в руках Господа.

— Боженьку всуе не поминай.

— Да уж какая суeta, коли навалятся с реки.

— Но у тебя же еще кое-что припасено?

— Припасено. Да только хотелось бы обойтись без этого. Ладно, я наверх.

— Удачи.

Гуляев уже был на обзорной площадке с подзорной трубой в руках.

А потому встретил Ивана с куда более четким докладом:

– Шесть больших галер. На боевых площадках по четыре орудия. Я так думаю, фунтов по восемь, никак не меньше.

– Ну вот и флот пошел в дело. Не иначе как паша здраво рассудил, что нам никак не поспеть установить пушки обратно в башни, а значит, и противопоставить кораблям нечего. Прикажи всем укрыться в башне. Двор оборонять не будем.

– Слушаюсь! – Полусотенный тут же направился к лестнице, торопясь выполнить приказ начальника.

Иван же рассматривал приближающиеся корабли в трубу. Итак, где-то около полусотни весел. Экипаж примерно сотни две солдат. На носовой площадке и впрямь видны жерла весьма солидных пушек. И что примечательно, медных.

Нужно будет потом озаботиться, чтобы достать их. Ага! Вот он какой, ничуть не сомневается в успехе! Впрочем, чего скромничать, есть у него все основания для самоуверенности. Даже если враг подойдет вплотную к башне и высадится во дворике, они все одно разберутся с турками. Не могут не разобраться. Потому как у него еще и страховка в виде греческого огня есть.

Довольно скоро стало понятно, что до напалма дело не дойдет. Примерно в сотне сажен от каланчей под одной из галер вдруг всухла вода, а затем вверх взметнулся высокий столб воды и дыма. Шедшая полным ходом галера вдруг начала быстро погружаться.

До Ивана донеслись отдаленные крики, полные ужаса. Кричали в основном прикованные к веслам рабы-гребцы. Н-да. Картина маслом. В груди все сжалось в холодный ком. На его глазах сейчас готовились утонуть не меньше полутора сотен рабов-христиан. И в основном это были русские. Тут и к гадалке не ходи. Но... Если бы он мог избежнуть этого, то сделал бы все возможное. А вообще хорошо, что так. Потому как гореть заживо... Бrr. Лучше об этом не думать.

В это время шедшая рядом галера также напоролась на мину. Только на этот раз рвануло дважды. В первый раз – когда одно из весел угодило в мину, и во второй – когда другой заряд коснулся борта примерно по центру галеры.

На этом победы русских закончились. Капудан-паша^[9], если тут находился именно он, решил, что испытывать судьбу и дальше нет смысла. Поэтому турки поспешили остановиться и ограничились лишь тем, что спасли своих несчастных товарищей. Хм. Как и часть рабов. Кого успели. А вот об атаке каланчей они больше не помышляли.

Ну да. Все так. Как уже неоднократно говорилось, Карпов прекрасно отдавал себе отчет, что именно собирается осуществить. Как предполагал и то, что укрепления могут попытаться вернуть с воды. Вот и озабочился противокорабельными минами. Сложного-то особо ничего нет. Обычный бочонок пороха да ввернутые в него детонаторы ударного действия. Обильно обмазывается дегтем, а чтобы его не смыло водицей, сверху парусина. Получились вполне рабочие образцы.

Правда, пороха потребовалось просто немерено. Но эту проблему он решил за счет турок. Иван справедливо предположил, что коль скоро в башнях есть пушки, то должен быть и запас пороха. А мины им могут понадобиться только в случае, если они захватят каланчи. Вот и вез с собой только детонаторы. Мины собрали на месте, ну и выставили на якорях, поперек Дона в две нитки.

– Петр Сильвестрович! – позвал Иван, складывая свою трубу.
– Да, Иван Архипович.
– Прикажите стрельцам продолжить восстанавливать укрепления. Думаю, со стороны реки нас больше не потревожат.

– Слушаюсь.
– И еще.
– Да?
– Велите по-тихому прибрать с пяток тел турок, желательно из утопленников.
– Зачем? – удивился полусотник.

– Это для Павла Валентиновича. Ну не на наших же павших ему познавать строение тела человеческого, дабы потом спасать наши жизни.

– Ясно. Сделаем.
Вот и ладно. Ну что же. Пока все идет согласно задуманному плану. Конечно, есть невосполнимые потери. Но... Война. Что тут еще поделаешь. Его успокаивала та мысль, что без него потери в сотне были бы куда как более значительными.

Взор зацепился за участок перед укреплением, едва ли не устланый павшими. А он еще удивлялся, чего это турки не спешат договариваться насчет сбора тел. Кстати, тела видны и дальше, на выгоревшем пространстве, прежде покрытом зарослями камыша и бурьяна.

Н-да. Все в этом мире относительно. Если потери стрельцов благодаря их сотенному были сравнительно невелики, то со стороны турок просто ужасали. Это сколько же они тут намолотили! Господи, спаси и сохрани.

Глава 10

Господин сотник

Ишь, какой красавец! А как споро идет! Кораблем, рассекающим водную гладь, даже если поднята только малая часть парусов, можно залюбоваться. А тут еще стремительность и плавность хода. Понятно, что львиная доля скорости приходится на течение Дона, незначительные паруса только и того, что позволяют двигаться чуть быстрее, дабы можно было управлять кораблем. Все же просто сплавляться, отдаввшись на волну течения, решение не из лучших.

– Не иначе как лоцман на борту, – произнес находившийся рядом Гуляев.

– Если иначе, то капитан самоубийца, – ответил Иван.

Потом нагнулся над свесом стены и окликнул командира штурмовиков:

– Григорий, давайте в лодку и навстречу кораблю. Пускай сбавляют ход. И поторопись, а то уж больно резво идут.

– Понял.

Угу. Поспешить – вовсе даже не лишнее. Цепи-то еще натянуты. Да и мины по-прежнему стерегут реку. На турках сработало только три из четырех десятков. Да четыре подорвалось от столкновения с топляком, корягами, а то и крупными рыбинами. Не суть важно. Главное, что в фарватере реки все еще находятся тридцать три бочонка, начиненных порохом.

Русские войска начали подходить только вчера, а потому озабочиться тралением было некогда. Да и не ко времени. Вот сейчас Григорий известит царя и отправится прямиком на обезвреживание опасных гостинцев. В смысле будет их уничтожать. Ну его к нехорошой маме, это разминирование.

Тут и без того риску выше крыши. Во-первых, взрыватели получились далекими от совершенства. Во-вторых, из штурмовиков те еще саперы. Конечно, получше иных, но все же это ненужные риски. Хотя такое количество пороха... Нет. Жаба в этом деле плохой советчик.

Как ни готовился Иван к повторному штурму, его так и не последовало. А тут еще и штуцерники наконец получили разрешение порезвиться от души. А потому очень скоро на расстоянии пятисот шагов

уже никто не отсвечивал. Кому захочется получить гостище в виде куска свинца? Даже пушки турки вывозили под прикрытием темноты.

Правда, ночью были попытки нападений, но вместо того чтобы пустить кровь стрельцам, турки сами ею умылись. Непонятно, на что они рассчитывали, но измайловцы и не думали расхолаживаться и ловить мух в карауле. Да и сами посты Иван сделал парными.

Кстати, для разнообразия гостей встретили струей пламени из огнемета. Нет, не греческим огнем. Иван вообще не желал проявлять полученный им напалм. Все же полезно иметь в рукаве кое-какой козырь. Где и как он ему понадобится и понадобится ли вообще, неизвестно. Но пусть лучше будет. А смесь керосина и бензина работает в данных обстоятельствах ничуть не хуже.

Живые факелы смельчаков – они ведь как ушат холодной воды. Причем не только для противника. Впечатлились и стрельцы, осеняя себя крестами и поминая рабов божьих, пусть и басурман. Да и можно ли на подобное взирать со спокойствием. Иван так и порывался пристрелить бедолаг. Но все же воздержался. Жестоко? Возможно. Но зато эта демонстрация спасла жизни куда большему числу людей.

А быть может, все дело в том, что паша наконец сообразил, какие понес потери гарнизон Азова в борьбе за всего лишь одно незначительное укрепление. На подходе же была русская армия, а на нем – ответственность за весь город.

Словом, никаких попыток атаковать каланчи турки больше не предпринимали. Если только не считать редких одиночек, отправлявшихся пустить кровь гяурам. Но и тут только разочарования. Восемь храбрецов нашли свой бесславный конец, в то время как измайловцы больше не потеряли ни одного человека. Если только не считать умерших от тяжелых ран.

Легкое каноэ подлетело к галеону, и по вантам тут же побежали матросы. Вот и ладушки. А то не хватало еще угробить первый русский боевой корабль. Хм. А какой красавец-то. Ивану как-то еще не доводилось видеть парусники вживую, только на картинах да в фильмах. И этот чем-то неуловимо отличался. Может, обводами корпуса или парусным вооружением. Нет, не знаток он, а потому этого ему не понять. А возможно, все дело как раз в том, что этот корабль он видел воочию? Очень может быть.

Следом за «Орлом» из-за поворота реки появилась целая флотилия судов поменьше. Хм. Ну это как сказать. Пусть и не такие высокие, все же у галеона две палубы и двадцать пушек, но уж точно в водоизмещении ему

не уступят. Впрочем, дощаник сложно назвать судном. Так, корыто, предназначенное для сплава по реке, с максимальной полезной загрузкой. Большинство же судов как раз и были этими самыми дощниками.

Хватало и стругов. Все же без стоянок на берегу не обходилось. А там могли и татары с ногайцами отметиться. Вот и сплавлялась вместе с припасами пара полков, расположившихся на легких и юрких суденышках.

Пока вся эта флотилия становилась на якорь, Николай приблизился к ступеням, ведущим во двор укрепления, восседая у руля шестивесельной шлюпки. Кто бы сомневался, что царь предпочтет именно парусник. Ну и у штурвала обязательно сам. А то как же!

Справедливости ради нужно заметить, пусть уж хоть так душу отведет. Насколько Иван помнил историю своего мира, Петр Великий такими мелочами, как сдерживание своих хотелок, не заморачивался. Вместо того чтобы спокойно открыть дверку, рубил окно в Европу, только щепки летели. Нет, понятно, что Николай лишь в начале пути, и как оно все обернется впоследствии, пока решительно непонятно. Но то, как он поступает сейчас, Карпову откровенно нравится.

Следом за царевой шлюпкой пристал небольшой казацкий струг, с которого с легкостью спрыгнул атаман Минаев. Наверняка успел близко пообщаться с государем. Ну и был обласкан. Потому как ничем иным его приближение к самодержцу не объяснить.

В авангарде начавших прибывать еще вчера войск Иван отчетливо видел казачьи сотни. Мало того, и сам Минаев навещал измайловцев, поминая, что назавтра собирается встречать государя. Вот, видать, и встретил. Ох и пронырлив! Интересно, он намерен просто упрочить свои позиции или желает сохранить казачью автономию? Хотя без разницы.

Николай, конечно, государь, но Иван для начала все же задержал взгляд на бравом полковнике первого в Русском царстве гвардейского Преображенского полка. Вот такая метаморфоза с потешными. И отчего Карпов не удивлен? Де Вержи, сошедший с той же шлюпки и отстающий от царя на пару шагов, ободряюще улыбнулся. Едва заметно, только лишь уголками губ, но сотенный все же рассмотрел и мысленно выдохнул.

– Со-отня-а! Сми-ирна-а! На караул! Равнение на средину! – Иван четко обернулся к Николаю и, изобразив коротким кивком поклон, как ему было дозволено самим государем, начал доклад: – Государь-батюшка, Измайловская сотня кланяется тебе двумя турецкими каланчами, что стерегли выход в море. Отныне путь тот для русских открыт.

– Здравствуйте, братцы!

– Здравия желаем, государь!

– Спасибо за службу ратную!

– Рады стараться!

– Вольно.

– Во-ольно-о! – тут же продублировал команду Иван.

Впрочем, царь еще не закончил:

– Жалую каждому стрельцу Измайловской сотни по пять рублей. И два ведра водки, дабы сердцем оттаяли.

– Ура-а-а!!! – тут же разнеслось над Доном.

Николай же в сопровождении Карпова, его офицеров и своей свиты, что приложалась на другой шлюпке, направился осматривать захваченную башню. Что ни говори, а первый трофей армии Николая. Плевать, что его тут не было. Армия выступила под его командованием, а потому и лавры его.

– Экий ты проныра. А что сунулся-то без приказа? – с хитринкой поинтересовался царь, велев Ивану идти подле него.

– Так война с османами, и у твоего войска один только приказ, государь. Бить ворога там, где повстречаем, невзирая на число его.

– Гладко говоришь, сотник, – не без удовольствия произнес Николай.

– Прошу простить, государь, – сотенный, – вновь изобразив поклон, поправил Иван.

– То есть ты думаешь, что я могу ошибаться?

– Неподвластно нам, грешным, знать всего и все упомнить. Даже государю, помазаннику божьему. А иначе к чему при тебе дума и целый ворох приказов.

– О как извернул. Гастон, не твои ли уроки? Уж больно велеречивый стрелец нынче пошел, – кинул через плечо царь идущему следом другу.

– Нет, государь. Я тут совершенно ни при чем.

– Ой ли? Давно уж спелись. Один умен и умудрен жизнью, второй тоже неглуп, да еще и хитер, аки аспид. То он с одним десятком сотню татар гоняет, то с одной сотней против всего азовского гарнизона выходит. И все-то у него ладится да с рук сходит.

– Прости, государь, – повинился Иван.

– Спасибо тебе, сотник. – Николай остановился и, заключив Ивана в объятия, троекратно поцеловал. – Офицеров твоих жалую дворянством. Тебе к дворянству дарую надел земельный. Где там твой батюшка рудник заложил да завод устроил?

Ага. Можно подумать, и знать не знает. Поди уж все продумал до мелочей. Но вопрос царем задан, а потому Иван с готовностью ответил:

– Угодья близ Дедилово, государь.

– Вот там и быть твоей вотчине.

А ничего так Николай. Не транжира. Офицеров земелькой обошел. Само дворянское звание уже многое значит. Тут ведь как. Одно дело – выделить поместье на прокорм, так сказать, отдать в аренду. И совсем другое – передать в качестве вотчины. Разница, йолки. Опять же, той же самой землицей можно будет отдариться и в очередной раз, когда офицер себя проявит.

Кстати, именно так он и поступил в отношении Ивана. Ведь Карпов-старший уже успел прочно вгрызться в ту землю. И рудник устроил, и мельницы поставил, и даже металл начал выдавать. Вот и выходит, что Карповым трудиться на благо земли русской и ради своего благосостояния до веку. И при том по факту быть там хозяевами.

Так что казна ничегошеньки не теряла. Тем более что на участке при руднике и заводе ни одной деревеньки-то и нет. Ну разве что Карповка. Но там обустраивались только вольные, работающие по найму постоянно или пришедшие на отхожие промыслы. Иван даже предполагал, что землицу ему прирежут далеко не всю, а только часть. Батюшку-то тоже нужно будет как-нибудь поощрить, когда придет время. А в том, что оно придет, никто не сомневался. Уж больно быстро двинулся в гору бывший стрелец.

Задевало ли это Ивана? Вот ни капли. Где-то даже гордость взяла за молодого правителя. Потому как весьма рачительный молодой человек на престоле, что никак не может не радовать. Нет, понятно, что он привык думать в первую очередь о себе любимом и вот этот ратный подвиг совершил с определенным прицелом. Но, живя в государстве, полностью отделить себя от него не получится. Все равно хочется, чтобы в твоей стране все было по уму, а не через одно неприличное место.

– Благодарствую, государь, за щедрость твою. – Иван обозначил поклон.

– По службе и награда, Иван Архипович. Ну, веди, хозяин.

– Прошу, государь. Ты уж не обессудь, но лестница тут...

– Чего оправдываешься? Чай, не дворец, а фортеция.

Видом, открывавшимся с обзорной площадки башни, Николай остался доволен. А еще поспешил вооружиться подзорной трубой – и конечно же в сторону Азова. При этом на его губах появилась хищная улыбка. Вот не отступится, пока своего не добьется. Хм. И хорошо бы с первого раза. Не то дорого обойдется царству этот поход. Очень дорого. А ведь можно все обернуть в прибыток казне. Нужно только постараться малость.

Иван обвел взглядом площадку. Ага. Ну здравствуй, милый друг. И чего тебе неймется? Сотник перехватил нарочито безразличный взгляд

Меншикова и слегка подмигнул ему. Тот с эдакой ленцой и некоторым пренебрежением едва заметно фыркнул и отвернулся. Ничего, Александр Данилович. Не все коту масленица.

Григорий обернулся и из-под ладони, приставленной козырьком, посмотрел на каланчу. Ага. Судя по реву нескольких десятков глоток, царь уже там. Причем успел чем-то осчастливить служивых. А иначе отчего такто орать, что даже здесь слышно. Нет, понятно, что над водой звуки разносятся далеко, но все одно тут постараться нужно.

– Интересно, чем это нас царь-батюшка одарил? – проговорил один из штурмовиков.

– Вот чудно. Моложе нас – а батюшка, – не выдержав, хмыкнул второй.

– Ты, Кирия, язык-то прикуси, дурья башка, – тут же одернул парня Рыбин.

– Да я-то что. Это я так.

– Вот чтобы даже так и эдак я этого не слышал. Уяснил?

– Уяснил.

– Тогда глазоньки в воду повороти и высматривай мину.

– Мина! – тут же воскликнул Кирилл с искренним изумлением.

А и то, как-то уж кстати все получилось. Григорий тут же посмотрел, куда указывает палец парня. Ага. Вон он парусиновый сверток с торчащими из него стальными стержнями, настороженными на взрыватель. Она, родимая! Осадка-то у галер небольшая, едва полтора аршина^[10], вот и закладывали заряды так, чтобы не глубже аршина получалось. С галеры не больно-то рассмотришь. А вот с лодки – очень даже возможно. Правда, тут еще знать надо, где именно искать.

– Стоять, братцы. Обходи ее сверху по течению. Хорошо. Так и держите. Ну что, братцы. Помолясь, начнем, – осеняя себя крестом, произнес Григорий.

– С богом, – дружно отзывались подчиненные.

Рыбин быстро сдернул с себя всю одежду. Баб тут нет, стесняться некого. А водица в Доне все еще холодная, не смотри, что денечки стоят жаркие. Облачаться же после купания лучше в сухое, не то и захворать недолго.

Надел на себя пояс с привязанной к нему веревкой и перевалился за борт. Гребцы на веслах – удерживают лодку против течения. Сейчас это несложно, потому как они у берега, далеко от стремнины. Семен понемногу травит веревку, подводя Григория к мине. Ну и Кирилл высматривает ее,

направляя командира, чтобы не прошел мимо.

Наконец Рыбин приблизился вплотную и рассмотрел свою цель. Теперь можно обойтись без посторонней помощи. Вот только аккуратно. Коль скоро были случаи, когда мины сами по себе срабатывали, то что этой заразе мешает взорваться, чуть только ее тронь?

– Семен, стой!

Стрелец тут же прекратил травить веревку, удерживая командира на одном месте.

– Ага. Подай еще на пол-аршина. Вот так. Держите.

Григорий глубоко вдохнул и, задержав дыхание, ушел под воду с открытыми глазами. Прозрачность у речной водицы так себе. Никакая в общем-то. Но чтобы рассмотреть опасный гостинец, вполне хватает. Теперь потянуть нож, отточенный до бритвенной остроты. Прихватить левой рукой набухшую пеньковую веревку и полоснуть по ней одним плавным движением, чтобы, не приведи господь, не потревожить запал.

Есть! Мина начала отдаляться, увлекаемая течением, одновременно всплывая. Григорий вынырнул из воды и жадно вдохнул свежего воздуха. Надо же, вроде и под водой пробыл всего-то ничего, а такое впечатление, что просидел там уйму времени.

Едва командир показался из воды, как Семен тут же начал его подтягивать к лодке. Григорий еще только взбирался на борт, когда грянул выстрел из пищали. Обычной пищали, не винтовки. И заряд в ней не пуля, а картечь. Чтобы с гарантией повредить бочонок. Повезет – бочонок просто наполнится водой, и порох весь вымокнет. Не повезет...

Взрыв! Григория словно кто-то выдернул из воды. Мгновение – и он уже в бешено раскаивающейся на воде берестяной лодке. Это их лихо так мотнуло. Если с каждой будет так весело, то, не ровен час, одна из них с ними управится. И никаких янычар не надо.

– Григорий Семенович, может, ну ее к ляду, эту пищаль клятую? Давай из карабина бить, – предложил Кирилл.

– Не получится, – приходя в себя, возразил десятник. – Пробовали же. Без толку. Дегтем-то мы не жалеючи те бочонки обмазали. Так что дырки буравить бесполезно. Залепит. Только проламывать доски. А тут картечь нужна.

– А может, тогда пулей из пищали? Она тут что твое ядро. Стенку бочонка проломит, словно молотком, – предложил Семен.

– Ага. Ты поди еще попади из той пищали, – возразил Кирилл.

– Так мы пулю в пластырь обернем, и порядок. Стволы у этих вроде ровные, – указывая на трофейные фитильные ружья, сказал Семен.

На всякий непредвиденный случай в лодке имелось таковых целых четыре. Оно, конечно, с кремневым замком куда предпочтительнее. Но тут уж главное, чтобы ствол точно стрелял, а фитиль... Да нормально, чего уж там. Не в бой же идти, в самом-то деле.

– Эт-то еще что такое? – Николай даже вздрогнул от неожиданности.

Да и не он один. От внезапно раздавшегося взрыва всполошились все присутствующие. Только если на их лицах читалось искреннее недоумение, то Иван сразу вскинул к глазу подзорную трубу. Быстро отыскал лодку с штурмовиками и пересчитал всех находящихся на борту.

Ну слава богу. Все целы. Он понимал, что с тралением возникнут определенные трудности, но, признаться, полагал, что больше себя накручивает. А оно вон как выходит. Первая же мина, а это факт, едва не лишила его всего элитного десятка. Хм. Или это он себя накручивает?

– Государь, то мои стрельцы уничтожают мины, – наконец доложил Иван.

– А иначе как-нибудь нельзя?

– Нет, государь. Уж больно они чуткие. Того и гляди подорвешься.

– А что это за мины такие? А ну-ка, расскажи толком.

– Слушаюсь, государь. Только, если позволишь, без посторонних.

– Сотник, ты ничего не путаешь? Это мои приближенные.

– А то мой секрет, государь, коим я со всеми делиться не намерен, – упрямо гнул свое Иван.

– Вот, значит, как.

– Прости, государь.

– Ладно. Оставьте нас. Гастон, не уходи.

Хм. Ну ладно. Де Вержи можно. Этот вроде как служит Русскому царству не за страх, а за совесть. Опять же, он теперь в некотором роде член царской семьи. Тут вреда не будет точно.

Когда они остались втроем, Иван в подробностях рассказал о своем новом изобретении. Вот только дорожевизна изделия не вдохновила ни царя, ни его сподвижника. Безвозвратно теряется целая прорва пороха. Сам взрыватель – та еще песня. Рассказал сотник и о других новинках.

Просто не видел причин скрывать. Тем более что о деталях его никто и не спрашивал. Иное дело, что всякий раз указывал на длительный, трудоемкий и дорогостоящий процесс производства. Последнее тут же перевешивало все достоинства и миномета, и огнемета.

Ну не видел Карпов причин, отчего он должен что-то дарить русскому престолу. С какой такой радости? Хотите интересные игрушки – не вопрос.

Платите. Идти на серьезные траты желания не возникло. Нет, попробовать государь и его ближайший советник вовсе даже не против. Тем более что это-то казне не будет стоить ни копейки. А там, что называется, по результатам. Хотя Иван ничуть не сомневался, каким именно будет решение.

Жаль, конечно. Металл – это хорошо. Но это всего-навсего сырье. Настоящая же прибыль там, где готовое изделие. И лучше, если высокотехнологичное. Иван вовсе не думал забывать о том, что у него уже есть дочь и ей нужно обеспечить достойное будущее. И вообще, будут у него еще дети.

Ну и собственная безопасность тоже чего-то да стоит. А чем выше положение и больше состояние, тем проще обезопаситься. Он вовсе не собирался забывать о братьях-иезуитах. Так что, как говорится, много денег не бывает.

Особо задерживаться в каланче Николай не планировал. Его ждет осада Азова. А потому он поспешил покинуть укрепление на предоставленных лошадях. Иван только и того, что успел шепнуть де Вержи и Минаеву, чтобы они его навестили к вечеру. Те обещали. По возможности. Это да. Николая сейчас переполняет энергия, он готов лично облавить все предместья города. Ну и свита с ним, а то как же.

В течение дня мины взрывались еще дважды. В остальных случаях обошлось тихо и мирно. Бочонки принимали на борт водицу и, полу затопленные, уходили вниз по течению, уже не представляя опасности.

Григорий предлагал пустить эти подарки на волю течения и волн. Глядишь, еще какой турок подорвется. Все польза. Но Иван отверг подобное предложение. У него были свои планы, и сюрпризы в виде подорвавшихся собственных судов в них не входили. Да, риск присутствует. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Господин сотенный, все тридцать три, – бодро доложил посиневшими губами Григорий.

– Все сам срезал? – глядя на замерзшего друга, уточнил Иван.

– Сам, – едва справляясь с ознобом, ответил десятник.

– Иди к Рудакову, пусть отпаивает тебя. Твоя работа только началась.

– Это я завсегда.

Угу. Рыбин он такой. Иван, собственно, потому и определил его в штурмовики. Егор – тот, может, и не уступит Гришке. Да только с некоторых пор он человек семейный. Да еще и Анюта уж понесла. Так что вояка он добрый, но нет в нем куражка. А вот Григорий – совсем иное дело. Этому воевать нравилось. Сорви-голова, что тут еще скажешь. И в десятке

у него народ подобрался под стать.

– Да, Гриша, ты меня теперь сотником поминай, – окликнул Рыбина Карпов.

– Выгорело?! – то ли спрашивая, то ли радуясь, или и то и другое вместе, едва не вскрикнул десятник.

– Выгорело, Гриша. И мне, и полусотникам.

– Здорово, Вань! Ай да мы! – Парень даже дрожать забыл.

– Вы молодцы, братцы. Вы такие молодцы, что и словами не передать. И дело тут вовсе не в том, что я в дворяне выбился. Здесь и сейчас мы бьемся не за это, а за Русь-матушку. И бьетесь вы на зависть всем. Иди давай, водолаз.

– Кто?

– Тот, кто в воде лазит.

– А. Понял. Это да. Про меня. И фамилия к месту, – невольно усмехнувшись, согласился Рыбин.

Время до вечера пролетело довольно быстро. Никаких приказов из ставки царя не поступало, и сотня продолжала стеречь, по сути, уже никому не нужные укрепления. Цепи опустили, и суда спустились еще ниже по течению, поближе к лагерю. Вот, пожалуй, и все.

Впрочем, не сказать, что Ивана это не устраивало. Если в чем отличиться, чтобы закрепить успех, то тут он только «за». А вот рыть апроши^[11], постепенно приближаясь к городским стенам, в этом он пас. И без его стрельцов найдется кому кайлом да заступом махать. Хотя, признаться, у его парней это получилось бы куда как лучше. Все же практика у них изрядная.

Первым его навестил де Вержи. Причем пришел не просто так, а с парой бутылочек отменного французского вина. Чтобы отметить дарованное Ивану дворянство.

– Государь сегодня вечером устраивает пир в честь успешного начала осады Азова, – начал пояснять француз, восседая за походным столиком и борясь с сургучом на бутылке.

Едва только в окрестностях появилась армия, как Иван приказал закопать все траншеи внутри двора и до конца снести былые постройки. Вместо них появился небольшой палаточный городок. А уже завтра стрельцы приступят к строительству нового жилья. Добрая палатка – это, конечно, хорошо, но с нормальной мазанкой все же не сравнится. Глина в холод дарует тепло, в жару – прохладу. А вот парусина таковых качеств лишена напрочь. Разве что от дождя прикроет.

Гостя Иван сейчас принимал в своей палатке. К слову, самой

просторной в сотне. Впрочем, могло ли быть иначе. И тут дело вовсе даже не в отношении Карпова к порядку старшинства и субординации. Время такое. Стрельцы и сами не одобрят того, что их командир не выделяется на общем фоне. Если поприжало в походе, это одно. А вот так... Шалишь! Будь добр, соответствуй и не позорь своих подчиненных.

— Извини, дружище, но тебя на тот праздник он не зовет, — наконец справившись с пробкой, закончил француз.

— Не скажу, что я сильно расстроен. Ты ведь знаешь, господин полковник, я выделиться не стремлюсь. Меня вполне устраивает прочное положение и уверенность в завтрашнем дне. А вся эта суeta вокруг царя, дворцовые интриги и тому подобная дребедень — чур меня стоять вровень с сильными мира сего.

— А отчего не зван-то, догадываешься?

— Догадываюсь. Первый успех свершился, пока государь был где-то... Насколько я понимаю, две недели назад он едва добрался до Воронежа и только потом помчался вниз по Дону на «Орле»?

— Ты все правильно понимаешь.

— Ну вот. Опять же, простой сотник, едва получивший дворянство, и за царским столом. Непорядок.

— Все же удивительный ты человек, Ваня.

— Нормальный я человек. Если хочешь хотя бы относительно спокойной жизни, то придерживайся простого правила. Всяк сверчок знай свой шесток. Кстати, спасибо за подсказку. Ты был совершенно прав, захвата каланчей оказалось более чем достаточно, — припоминая их разговор еще в Москве, поблагодарил Иван.

Потом принял оловянный бокал с вином и отпил немного рубиновой жидкости. Мм. Красота-то какая. Все же пить вино, от которого просто веет благородством, из оловянной посуды — это кощунство. Хрусталь. И только хрусталь.

— Всегда готов удрожить. Но ты учи одно небольшое обстоятельство. Не отметить твоё рвение Николай не мог. Его попросту не поняли бы. Однако в целом он твоим поступком недоволен. Все как я тебя и предупреждал.

— Ничего. Тучи минуют, и небосвод вновь станет голубым. Тем более если его преображенцы преподнесут ему другую победу. А уж если это свершится в течение суток со дня его прибытия, так он и вовсе оттает.

— Интересно, что это ты подготовил для моих орлов, не спрашивая их полковника?

Вроде бы и изображает недовольство, но Иван прекрасно понимает,

что командир гвардейцев слушает его с надеждой. Эта война – экзамен не только для молодого царя, но и возможность для его окружения приблизиться к государю или упрочить свои позиции. Отмахиваться от слов того, кто в свои молодые годы успел сотворить достаточно много удивительного, глупость несусветная. Вот де Вержи и слушает.

– Бог с тобой, господин полковник. Кто я такой, чтобы замахиваться на гвардейский полк. Просто на правах старожила я хочу кое-что предложить их командиру. А уж захочет он этим воспользоваться или пошлет меня к черту, это решать только ему.

– Вот даже как? И что же может предложить мне старожил этих мест?

– Есть тут одна крепостца, которая стережет другую протоку Дона. Зовется она Лютик. Причем это не какая-то там башня с земляными укреплениями, а самый натуральный замок с сильным гарнизоном.

– Слышал о таком.

– Вот я и подумал, отчего бы славным гвардейцам, отправившимся в свой первый поход в таковом звании, не отличиться в первые же сутки. Правда, полковнику их придется пожертвовать возможностью оказаться на званом ужине в палатке царя.

– К черту ужин, – отбросив наигранное равнодушие, подался вперед де Вержи.

– Вот план местности, – отодвигая посуду и раскладывая карту, или, точнее, все же схему, начал пояснять Иван. – Выдвигаетесь одним батальоном вот отсюда. Средства для переправы на правый берег я предоставлю.

– Одного батальона хватит?

– Если труса праздновать не станут, то хватит с избытком. Там гарнизон не больше двух сотен янычар при трех десятках пушек. Итак. Лютик стоит в плавнях. Но холодная вода уже сошла, теплая еще не подоспела.

– Что это значит? – вздернул бровь де Вержи.

– То, что половодье на Дону имеет две фазы, которые изредка совпадают. И именно на этом я и строил расчет, когда совался сюда. Ни о каких апрошах в воде не может быть и речи, а значит, туркам оставалась лишь атака в лоб. Где мы их и раскатали.

– Ты предлагаешь нам вести планомерную осаду?

– Нет. Этого я не предлагаю. Просто обратил внимание на то, что твой полк будет лишен удовольствия месить грязь, будучи чуть ли не по колено в воде.

– Это радует. Что дальше?

– Дальше рассредоточиваешь своих людей здесь, здесь и здесь. Мои люди покажут, где именно. Я отправлю с тобой мой взвод усиления во главе с десятником. Офицера не дам и сам не пойду.

– Иначе слава не будет моей в полной мере.

– Правильно понимаешь. А стрельцы что? Кто вспоминает рядовых? Так вот, в этот взвод входят два десятка штуцерников. Всех, кто у меня есть, с тобой отправлю. И очень прошу, не надо отдавать им приказы. Десятник сам все сделает в лучшем виде. Во всяком случае, с верха стены они турок сгонят. Останутся лишь те, что в бойницах. Но тут уж сами. Кроме того, там будет две мои полевые мортирки. Снарядов у меня только шесть десятков, но я отправлю туда их все. Поверь, штуцерники и мортирки стоят любой бомбардировки. Кроме того, я передам тебе десяток готовых штурмовых лестниц. Достались нам от турок. Мы примерялись, получится на уровне. Словом, если поторопишься, то уже к завтрашнему обеду над Лютиком будет развеваться прапор Преображенского полка. Как тебе перспектива?

– Если все случится именно так, как говоришь ты, то просто великолепная.

– Царя-то уведомишь?

– Обязательно. Сомнительно, что государю понравится узнать о подобном после того, как все свершится. Эдак вместо успеха можно заполучить полной мерой неприятности. А так, пока все будут радоваться моему отсутствию, Николай будет в душе над ними потешаться, а потом огорчит известием об очередной виктории.

– Что ж, трудно возразить. Тогда выводи свой батальон вот сюда. Тут высокий камыш, и можно все проделать незаметно для остальной армии. Удивлять так удивлять. Успеешь к наступлению темноты?

– Даже не сомневайся.

– Григорий! – позвал Иван десятника штурмовиков.

– Да, господин сотник.

– Поступаешь в распоряжение господина полковника. Выдели человека, который укажет преображенцам место переправы. Забирай взвод, усиления и выдвигайся на место сбора.

– Слушаюсь, господин сотник.

– Я вижу, ты тут все продумал и предусмотрел, – не сдержавшись, с наигранной ехидцей произнес Гастон.

– Надеюсь, что мне это удалось и тебя завтра ждет успех, – с любезной улыбкой ответил Иван. – Как говорят на Руси, долг платежом красен. Ты своим советом помог мне заполучить дворянство, пусть и не предупредил,

что это может расстроить царя.

– И поэтому, оказывая ответную услугу, ты ожидаешь от меня поддержки в будущем, – с пониманием кивнул де Вержи.

– Браки по расчету зачастую крепче браков по любви, господин полковник.

– Вот уж где мне нечего возразить. И в чем твой ближайший расчет?

– В том, что сотню мою не станут отправлять на штурм стен города. Штыком махать много ума не надо. Я не трус, господин полковник, но не думаю, что забивать гвозди подзорной трубой – хорошая идея. Если государь позволит мне по своему разумению использовать моих людей, то польза от этого будет весьма и весьма ощутимой. Да ты и сам в том убедишься уже утром, при взятии Лютика.

– Как говорят у нас на Руси, будет время – будет пища. И коль скоро за меня уже все решили и обставили, мне остается только поспешить.

О каков! «У нас на Руси». Хотя-а... Сильно изменился этот француз, чего уж там. А еще не собирается раздавать обещания, не получив пользы для себя. Вот если ему удастся отличиться и с легкостью взять крепостцу, тогда иное дело. А так-то чего яйца считать, коли курица еще в гнезде.

Когда полковник ушел, в палатку тут же заглянул денщик с недоуменным выражением лица. Еще бы. Он тут бегает, суетится, чтобы из имеющегося минимума подготовить достойный ужин. Не сам, разумеется. Но вопросами снабжения пришлось заниматься именно ему. А это не особо просто.

– Как же так-то, Иван Архипович? А как же ужин? У нас ить все готово, а господин полковник ушел.

Угу. Незачем посвящать в свои планы всю сотню. О планах Ивана ничего не известно даже его офицерам. И на ужин этот он их не звал. И плевать, что они там себе подумают, обидятся или затаят злобу. А то как же. Получив дворянство, человек уже и думать начинает по-другому. Они ведь уже практически достигли своего потолка. Сотенных во всем стрелецком войске можно перечесть по пальцам, в солдатских же полках об офицерах неблагородного происхождения и вовсе не слыхивали.

С получением же ими дворянского звания горизонты карьерного роста значительно расширялись. И чтобы человека не обуяла жажда достичь куда большего? Да такого просто быть не может. Во всяком случае, поначалу. Так что обиды будут. Однозначно. Но с этим Иван разберется потом. В рабочем порядке. Хотя бы потому, что сейчас он готов доверить им свою спину в бою, но не стал бы рисковать вне поля брани.

– Не переживай, Данила. Не пропадут твои труды даром. Ты вот что,

как только появится атаман Минаев, оповести господ офицеров об ужине в моей палатке. Ну и собирай на стол.

– Понял, – тут же осветившись улыбкой, ответил денщик.

Иван, конечно, собирался заручиться дружбой атамана, но тут иное. Поддержкой и опорой тот послужить не мог. А вот на всякий случай засиметь доброжелателя очень даже не помешает. Как и шанс отличиться для своих офицеров. Разумеется, если те пожелают. Сам он лезть в эту заваруху не собирался. Не при сегодняшних раскладах.

Минаев появился в строго оговоренное время. И что-то подсказывало Ивану, что ноги его тут не было бы, коли прием у царя не был бы назначен парой часов позже. Наверняка атаман зван туда и непременно будет. Есть только две уважительные причины отсутствия на подобных мероприятиях. Дозволение самого царя и смерть. Все остальное в расчет не принимается.

Но и приглашением Ивана пренебречь казак не мог. Уж больно необычный этот стрелецкий сотник. Эвон сколько всего наворотить сумел. И ведь от помощи казаков отказался, хотя Минаев предлагал. К тому же Иван намекал, что, мол, придет час, подсоблю. И в том, что помочь его может быть действенной, Фрол Минаевич не сомневался.

Ну и наконец, всем ведомо, что Карпов был полюбовником тетки царя. Да, получил отставку, но тем не менее продолжает командовать ее личной сотней. А в случае опалы такого быть просто не могло. Казак – он, конечно, казак, но не дурак и кое-какое разумение в придворных играх имеет.

– Ты уж прости, Иван Архипович, но я ненадолго. Зван на пир к государю, – пристраиваясь за установленным яствами столом, повинился атаман.

Карпов невольно стрельнул взглядом в своих офицеров. Фрол легонько так, едва заметно ухмыльнулся. Вот уж в ком сомневаться не приходилось, так это в старом казаке. А вот на лицах Гуляева и Кузнецова промелькнуло выражение зависти. О как! А он что говорил! Не успели ребятки дворянами стать, как тут же возжелали чего побольше. Эдак, глядишь, и его, родимого, подсаживать начнут. Не сразу, конечно. Но наверняка, что заметно даже сейчас.

– Это ты меня прости. Как-то не подумал, что государь пир устроит. Вот и пригласил тебя, так как имею к тебе дело. А потому особая моя благодарность, что ты извернулся и нашел возможность заглянуть к нам на огонек.

– Пустое. Уж поверь, я много стрелецких сотен повидал на своем веку. И бывал ими, не без того. Жизнь у меня сложилась непросто. Но измайловцев я держу в особом ряду еще с прошлогоднего похода. Так что

присутствовать за твоим столом, Иван Архипович, почитаю за честь.

— Спасибо тебе на добром слове, Фрол Минаевич. Ну что, выпьем вина за здоровье царя нашего, Николая Дмитриевича.

— Пусть здрав будет государь-батюшка, — с готовностью поддержал атаман.

Выпив по первой, подступились к еде, благо голодны были все. Кое-кому еще предстояло отправиться на пир, ну да плох тот казак, который станет жаловаться на аппетит. И Минаев ничуть не стеснялся, отдавая должное стрелецкому столу.

— Так что у тебя ко мне за дело, Иван Архипович? — когда первый голод был утолен, обратился атаман.

— Да как сказать. Заготовочка одна есть. Для себя берег, потому как если бы не выгорело с каланчами, то использовал бы ее. А коли так вышло, то грех бога гневить и желать слишком много.

— И что за заготовка? — с явным интересом произнес атаман.

— Так ведь не выйдет нормальной осады, коль скоро не прогнать или не уничтожить турецкий флот.

— Эка удивил. То не одному тебе ведомо. Был уж разговор с государем по тому вопросу. Уже к завтрашнему дню сюда начнут подходить наши струги, а уж в ночь отправимся громить басурман. Эвон и «Орел» с нами пойдет. Подсобит.

— Что-то ты не больно-то рад?

— Честь от государя великая выпала, да только флот там больно крепкий стоит. Сорок галер да четыре парусника. Уж и не знаю, с чего Николай Дмитриевич решил, что казаки всесильны, да едва ли такое нам под силу. Кабы мы могли за здорово живешь гонять турок по морю, так не стереглись бы их всякий раз. «Орел» — славный корабль, да толку от него чуть да маленько, — под одобрительные вздохи двух своих близких закончил Минаев.

Посокрупался недолго и с эдакой хитринкой взглянул на Ивана. Шутя погрозил ему пальцем и вновь заговорил:

— А ну, выкладывай, что ты там удумал. Ведь неспроста разговор этот затеял. Опять же, заготовка твоя.

— Ну, если имеется возможность, так отчего бы не помочь. Есть у меня приспособа такая, что огонь мечет. Недалеко. Саженей на семь-десять.

— Это та, которую турки греческим огнем обзвали.

— Эка, Фрол Минаевич. Не иначе как у тебя в Азове шпионы имеются? — делано удивился Карпов.

— Имеются. Не сомневайся.

– Ясно. Нет, турецкий паша ошибся. Это не греческий огонь. Хотя мало не покажется. Так вот, у меня есть два огнемета и пара ведер огненного зелья. Хватит, чтобы подпалить не один корабль. Время нынче сухое, дождей уж две недели не было, и суда турецкие хорошо просохли. Попыхнут, что прошлогодний сухостой.

Вообще-то как раз теперь в баллоны огнеметов был заправлен простенький напалм. Но даже он являлся для этого времени прямо-таки чудо-оружием. По запаху – практически керосин, а с консистенцией никто разбираться не позволит. Стоит попасть на борт хотя бы одному литру, и судну конец.

– Не один корабль, говоришь, – хищно улыбнулся атаман. – Хватит и по одному с каждого края. Турки стоят тесно, так что пожар быстро перенесется на другие судна. А уж если подпалить несколько, так от басурман и вовсе останутся лишь головешки. Вот только как пользоваться-то теми вашими огнеметами?

– Не беда. Людей я тебе предоставлю. Только на абордаж они не пойдут.

– И не надо. Их дело – красного петуха турку подпустить. А с остальным мы и сами управимся. И если такое дело, то, пожалуй, и без царева «Орла». Кто пойдет с твоими стрельцами?

Иван глянул на офицеров. Фрол совершенно спокоен, разве что лукаво усмехнулся. А вот Гуляев и Кузнецов разом подобрались, устремив на Ивана внимательные взгляды.

– Что, оба хотите? Ну-да. Ну, с другой стороны, два огнемета, две лодки и две команды. Добровольцев сами наберете?

– Сами, не сомневайся, – переглянувшись с Кузнецовым, заверил Гуляев.

– А награду с чего платить станете?

– Чай, какая-никакая деньга водится. Не обидим служивых.

Правильно все понимают господа полусотники. Им выпадает шанс еще раз отличиться. И если предприятие выйдет успешным, то и Николай не обойдет их своими милостями. Глядишь, хоть небольшое именьице выделит. А это уже своя земля, которая прокормит семью куда лучше стрелецкого жалованья.

– Добро. Огнеметчиков припишу вам от штурмовиков. Только, Фрол Минаевич...

– Не сомневайся, Иван Архипович. До чужой славы я не охотник. Как сладят, так о том честь по чести и доложу государю. Все в их руках.

– Вот и договорились. Ну что, атаман, за успех в твоем опасном

предприятии, — воздев оловянный кубок, предложил Иван и был тут же поддержан всеми присутствующими.

Ирина остановилась и навалилась плечом на колонну. На этот раз приступ был настолько силен, что даже голова пошла кругом. Сопровождавшая ее Дарья бросилась было к великой княгине, но та безнадежно покачала головой. Сейчас верная фаворитка ей не помощница. Нужно только вот так тихонько постоять. Хорошо бы присесть, но до ближайшей скамейки с три десятка шагов. А ты поди еще их пройди.

— Ирина Васильевна, — все же попыталась помочь девушка.

— Ничего, Дашуния. Все хорошо. Бывает такое порой. Сейчас пройдет. Вот же иноземная немочь.

— Батюшкаказывает, что это тебе отравление аукается. Он ведь упреждал, — с явным сочувствием произнесла девушка.

— Упреждал, — со вздохом согласилась Хованская. — Да кроме заботы о себе, на мне еще и долг. Ничего. Русская баба еще и не такое сдюжит. Оно, конечно, в предках у меня кого только не было, но я все же русская. Так что врешь, не возьмешь.

Пока она это говорила, голос ее все крепчал, а на щеках появился румянец. Не горячечный, а самый что ни на есть здоровый. Они отличаются, знаете ли. И распознав его, Дарья с облегчением перевела дух. Княгиня же задорно подмигнула, словно и не ей сейчас было дурно, отвалилась от колонны и пошла как ни в чем не бывало.

Ага. А вот и скамейка. Да только не ко времени она теперь. Очередной приступ миновал, и вроде как без следа. Хм. До следующего раза. А это стало происходить все чаще и чаще. Как-то оно будет дальше?

— Дозволишь войти, племянница? — открыв дверь, но не решаясь переступить через порог, спросила княгиня у Лизы.

— К чему спрашивать, тетушка, коли и без того ведаешь, что никто тебе в этом дворце препятствия чинить не может, — с явной обидой ответила девушка.

— Кроме тебя, девочка моя, — вздохнув, возразила женщина.

Царевна внимательно посмотрела на тетку, потом вздохнула и, поднявшись в приветствии, со вздохом произнесла:

— Заходи, конечно, тетушка, и будь как у себя.

Переступая порог, Ирина бросила мимолетный взгляд на Рощину, и та с легким поклоном отошла назад, притворяя дверь. Лиза была одна в комнате, и, судя по всему, Ирина намеревалась поговорить с ней с глазу на глаз.

– Что невесела, девочка моя? Отчего уж который день сидишь затворницей?

– А ты не ведаешь?

– Не ведаю, – пожала плечами княгиня. – Ничего особенного не случилось.

– За исключением того, что братец объявил о моей помолвке с боярином Трубецким.

– Князем, – поправила Ирина и пояснила всем известное положение дел: – Боярин он в землях Русского царства. В Пскове же он князь. Пусть то звание и пониже, но он призван на княжение в независимое государство. Потому и боярство свое дома оставил. Х-хе, на хранение, – не удержалась от легкой усмешки Ирина. – А что до помолвки, так о ней ведь и речи нет. Ты наследница русского престола, а потому выдать тебя замуж сейчас нет никакой возможности.

– А как же тогда письмо братца?

– А что письмо? Это только намерения. И обретут ли они реальность, неизвестно.

– Тетушка...

– Ну хорошо, хорошо. Это вполне реально. Не смотри на меня так. Я ничего не знала. Это решение принято Николаем, и только им. Иное дело, что я с ним вполне согласна.

– Тетушка!

– Попридержи свои возмущения, Лизонька, – спокойно попросила Ирина. – Не вечно же тебе в девах куковать. Горше нет для бабы, чем доживать век одной. Уж поверь мне. А Иван Юрьевич – вполне достойный молодой человек из древнего княжеского рода и старше тебя всего-то на десять лет. Уже успел проявить себя с наилучшей стороны, в младые годы получил боярство. И уж четыре года как сидит на княжеском столе в Пскове. А это говорит о его недюжинном уме и способностях. Кстати, у него есть еще одно достоинство. Его имя. Чай, когда разум затуманится, не спутаешь ни с кем, – не сдержавшись, с притворной язвинкой закончила княгиня.

– Тетушка, – зардевшись, только и смогла выдавить девушка.

– А что такого? – наигранно вздернула брови Ирина, но потом все же оставила игривый тон. – Ну извини. Извини, девочка моя. Я и не думала тебя обижать. Но и ты хороша. Мы ведь с тобой о том беседовали уже. Наш удел – служить престолу московскому и народу русскому. Оттого мы и царского рода. А Псков для нас важен. С Новгородом все непросто. Там колючки во все стороны топорщат, как ежи. Псковичи же на Москву глядят

вполне дружественно. Вот и князей на стол сажают только московских. Пусть те у них и власти-то, считай, не имеют, но факт есть факт. А тут еще и царевна у них поселится. Нет, Николай, конечно, проявил своевольство. Но поступает мудро.

– А как мне-то быть? Одно дело – мы с тобой беседу имели. И совсем иное – знать доподлинно, что вскорости придется идти под венец с нелюбимым.

– А ты полюби его. И вся недолга, – посоветовала Ирина, говоря об этом как о само собой разумеющемся.

– Да как же можно! – вновь возмутилась девушка.

– Ну, если все время себя жалеть и глядеть на своего жениха волчицей, то о какой уж тут любви речь вести. А ты постараися не замечать плохое и отмечать для себя только хорошее. Глядишь, и сердечку полегче станет. А там и полюбишь. Не так, как своего ладушку, но... Любовь-то она разной бывает. Уж я-то знаю, – с сделано авторитетным видом произнесла она.

– И насколько это помогает? – с грустной улыбкой поинтересовалась царевна.

– Настолько, что я уже в тяжести, – потешно выпучив глаза, заявила Ирина.

– Что-о?! – Девушка не могла сдержать удивления.

– А что такого? Чай, мужняя жена, – пожав плечами, задорно ответила княгиня, а потом взяла ручку племянницы в свою и продолжила с виноватым видом: – Ты уж прости меня, девочка, но именно из-за этого я и не могла прийти к тебе с того дня, как получила письмо от Николая. Уж больно меня от этого иноземного семени мутит. Ну да ничего, я его все одно пересилю и рожу русского графа. А там окончательно привяжу моего муженька к московскому престолу. А он, паразит такой, этого стоит. Тебе же выпала куда большая честь – ни много ни мало привести под руку твоего брата псковские земли.

– Думаешь, Николай именно этого хочет?

– Этого. Даже не сомневайся. А еще желает, чтобы ты была счастлива. И все, что я знаю о Трубецком, говорит в его пользу. Достойный муж.

Глава 11

Княжья невеста

– Тебе чего, убогий? – Казак изумленно вытаращил пьяные глаза на стрелецкого десятника.

А и то. Какой-то там стрелец смеет что-то требовать от донского казака. И плевать на то, что он десятник и что за ним сейчас весь этот самый десяток и стоит. Не трогай вольную душу, холуйское ты отродье!

– Казачок, ты сабельку-то не лапай. Не то, не ровен час, на тот свет спровадим.

– Да я тебя!.. – Сабля с легким шелестом покинула ножны.

В сторону подгулявших донцов тут же уставились клинки штыков, насаженных на пехотные винтовки. Сухо щелкнул взводимый курок. Лица стрельцов серьезны как никогда. Решительно настроены, чего уж там. Вот только дебоширу сейчас Русское море по колено. Что ему эти служилые.

– Я сказал, саблю не тронь! – повысил голос десятник.

– И что ты мне сделаешь?! Ну давай! Кишка тонка?!

– Петр, уймись! – вдруг вмешался сторонний мужик.

Хм. Ошибочка. По виду казак. Да не из простых. Оно и по облику видно, и поластному голосу. Впрочем, подтверждение этих наблюдений не заставило себя долго ждать.

– Атаман, эти кафтанные душонки...

– Остынь, сказал.

– Да я...

– Петр!

– Молчу, – пьяно выдал казачок, с трудом попадая клинком в устье ножен.

Все же какая бы ни была у казаков вольница, тем не менее, пока атаман при должности, хоть та и выборная, власть его непререкаема. Как бы ни был пьян казак, а приказ атамана непременно выполнит. Или пошлет куда подальше, если так уж захочется лишиться головы. Воля старшины для казака закон, это уже в кровь въелось.

– Десятник, это мой казак, я заберу его.

– Не выйдет, атаман, – возразил десятник.

На него не произвели впечатления ни потуги пьяного ухаря, ни весь из себя видный атаман, ни шестеро казаков за его спиной. Плевать. Закон в

Керчи один для всех. И писан он не казаками. Они тут только гости. Желанные, то так. Но кому понравится, когда даже самый дорогой гость начинает хамить в твоем доме.

– Десятник, не перегни.

– Да ты не заводись, атаман. Посидит в холодной, прозреет. А там, глядишь, и в разум войдет. Ты же знаешь, с нами спорить пустое.

Это да. Измайловцы вроде и гулять не мешали, и в то же время спуску не давали, коль скоро кто-то преступал определенную черту. Зыбкую, надо сказать. Потому как Керчь с приходом сюда русских стала особым городом. Эдакая смесь московского порядка и казачьей вольницы. А еще его называли русским Порт-Ройалом. И кабаков здесь было в избытке, и иных домов, где вольные морские да степные охотники могли получить за свое серебро практически все, что пожелаю.

– Что он хотя бы натворил?

– Драку учинил, чуть до поножовщины не довел.

– Что же ты, Петр?

– Атаман, то они сами, – с пьяной искренностью заверил дебошир.

– Оружие Ереме отдавай. Нечего его сторонним лапать, – подзывая одного из своих казаков, приказал мужчина.

– Атаман.

– Я все сказал. Завтра поутру с тобой говорить буду. А сейчас иди со стрельцами. Понял ли?

– Понял, – понурившись, выдохнул казак, успевший растерять свой пьяный задор.

– Десятник, просьба у меня есть. Ты уж о его неповиновении страже не говори. Добрый казак и рубака славный. Многих басурман к их Аллаху на свидание спроводил.

– Ну, коли беспокойства более не доставит, так и бог с ним.

– Не доставит. Петр, слыхал ли? Я за тебя поручился.

– Да слыхал я, атаман, слыхал, – раздосадованно махнул рукой казак, передал оружие товарищу и, понурившись, встал под стрелецкий караул.

Иван проводил взглядом обе группы. Стражников, направившихся к городскому острогу, устроенному при съезжей избе воеводы, специально для изоляции дебоширов. И казаков, прошедших в тот самый кабак, откуда и выкатился дебошир.

Н-да. Керчь уже давно пришла в упадок. К тому же неоднократно подвергалась разграблению со стороны донцов. Когда же город захватили русские войска, большинство жителей предпочли его покинуть. По сути, тут осталось только христианское население. Причем лишь та его часть,

что не была замарана работорговлей.

Нет, русских не удивить этим промыслом. Но ведь в Крыму в большинстве своем торговали именно православными рабами, захваченными татарами и черкесами в бесконечных набегах. И вообще, несмотря ни на что, на Руси такое понятие, как работорговля, все же отсутствовало. А потому и торговцев невольниками не привечали.

А все началось год назад. Да, именно так. Весной прошлого года Иван во главе своей сотни захватил две каланчи, стерегшие проход по Дону. Потом последовала осада Азова, продержавшегося меньше двух месяцев. Так уж вышло, что русские совершили невозможное. Не имея собственного флота, уничтожили турецкую флотилию в Азовском море.

Славное вышло дело. Турки расположились слишком тесно, в результате чего большинство их судов попросту сгорело. В этом бою казакам помогали и стрельцы Измайловской сотни. Дюжина добровольцев под командованием двух полусотников, решивших отличиться. Н-да. Отличились.

Нет, что касается Кузнецова, то тут все в порядке. Ему царь даровал пять семей кабальных и довольно обширные угодья в окрестностях Азова. После капитуляции гарнизона города Ивану пришлось отпускать офицера, дабы тот мог заняться обретенной вотчиной. Тот только пару недель как вернулся на службу.

Гуляеву же не повезло. Шальная пуля угодила в баллон с огнесмесью как раз в тот момент, когда они поливали жидким пламенем уже вторую галеру. Страшной смертью погибли все, включая полусотника. Ну что тут скажешь, военное счастье переменчиво.

Как только город пал, Николай по совету де Вержи, а по сути, Ивана, отправил экспедиционные силы для захвата Керчи. Городок взяли с ходу. Тут и сопротивления-то, считай, никто не оказывал. Турецкий гарнизон поспешил ретироваться в степь, едва на горизонте появилась русская флотилия, состоявшая из флагмана «Орел» и полусотни стругов. Следом же за янычарами дало деру и остальное население, не готовое жить под рукой русского царя.

По велению Николая на мысе Ак-Бурун была возведена крепость. Пока только земляная, но в перспективе планировалось построить нечто более внушительное и монолитное. В ее задачу входили как защита городка, так и закупоривание пролива между Русским и Азовским морями.

Николай полагал вовсе не лишней необходимость обезопасить свои новые владения с моря. Однажды прия на побережье, он уже не собирался отсюда уходить. Отчего-то Иван был уверен, что эти действия

продиктованы советами де Вержи, сделавшего верные выводы из разговора с сотником. Ну да чего уж. Ивана амбиции не обуреваю. Пусть француз пользуется.

Для вооружения новой крепости были использованы как пушки с захваченных каланчей и крепости Лютик, так и артиллерия с «Орла». Признаться, царь очень не хотел разоружать свою первую игрушку. Но все же наступил себе на горло. Что ни говори, а галеон был только опытным образцом, и ему предстояло всего лишь пройти испытание морем.

Укрепляться же на этом клочке Крыма нужно было немедленно. Впрочем, «Орлу» недолго пришлось пробыть безоружным. Государь отправил повеление о доставке новых пушек для крепости. После их прибытия корабельные вновь заняли свое место на палубе.

Кстати, галеон проекта Афанасия Дробота прошел-таки всесторонние испытания и показал себя с наилучшей стороны. Причем это касалось не только мореходных качеств. Довелось ему и поучаствовать в бою.

Капитан корабля англичанин Джек Телбот посчитал ниже своего достоинства удирать от двух фрегатов и пары галер. Как результат – обе турецкие галеры пошли на дно. Спасти сумели только сотню рабов. Ну и в плен захватили более двух сотен моряков. Один из фрегатов ушел, едва ковыляя и только благодаря тому, что команда «Орла» была занята абордажем второго парусника.

Вот так и вышло, что русский флот увеличился на еще один двадцатипушечный фрегат. Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что это еще не все. Казаки притащили в Керчь четыре галеры, которые сейчас вовсю осваивались русскими командами.

Как уже говорилось, Керчь превратилась в эдакий Порт-Ройал. Как, впрочем, и Очаков. Только море тут не Черное, а Русское, и вместо всевозможных флибустьеров орудуют казаки. В Очакове – запорожские, здесь – донцы. Но сути это не меняет. Разбойники – они и есть разбойники.

Признаться, Иван даже не представлял, как Николай приструнит эту вольницу, когда все же настанет время мириться с турками. То, что вытворяли эти ребятки сейчас, просто уму непостижимо. Ни одно прибрежное поселение не чувствовало себя в безопасности. Количество купеческих судов в Керчи такое, словно тут морской торговый центр.

Ну и что с того, что их сюда волокли силой, а с купцами еще и выкуп требовали? Оживленно же. Вон в лунном свете видна гавань, в которой стоят шесть больших торговцев. И целая стайка казачьих стругов. Кстати, один из торговцев привела ватага атамана Игната Демина, того самого, что только что прошел в кабак.

Дьяки со съезжей тщательно описывали и оценивали всю добычу, включая корабли. После чего казакам, или каперам, если по-европейски, потому как у всех у них имеется царская грамотка на законный разбой, выплачивалась их треть добычи.

Грабеж? Вообще-то общепринятая практика. Да и казакам грех жаловаться. На воронежских верфях было построено шесть небольших и быстроходных парусников типа бригантина. Так что наиболее удачливые уже успели оседлать лошадок посерьезнее. Причем казна от этого ничего не потеряла, а только приобрела, потому как казаки выкупали корабли. Вот и здесь уже заложена верфь, где будут строиться такие же суденышки.

Заложили новый город и на мысу Таганий Рог. Этот вообще рос как на дрожжах, застраиваемый по четкому генеральному плану. Вот только казачкам туда ходу не было. В том плане, что все свои дела они должны были обделять в Керчи. Здесь же им предстояло спускать пар и все свои богатства. Есть желание посетить Таганрог, милости просим. Только чинно и пристойно. Если не хочется огrestи проблемы полной мерой.

Впрочем, Керчь казаков устраивала целиком и полностью. Здесь было все, что нужно. В предприимчивых личностях, готовых зарабатывать на предоставлении всевозможных услуг, недостатка никогда нет. Был бы спрос. Так что город очень скоро стал весьма оживленным местечком.

– И долго мы еще тут будем торчать? – недовольно поморщился Фрол, обращаясь к Ивану.

– Нужно же было убедиться, что не дойдет до драки.

– Чай, еще по прошлому лету все и всем объяснили. Да еще и головомойку казачкам устроили. И можешь не сомневаться, они тот урок не забыли.

Угу. Было дело. Не обошлось без кровопускания. Ничего. Утряслось. Если после истории с каланчами да при осаде Азова измайловцев очень даже зауважали, то после того столкновения стали опасаться. И было с чего.

По приговору суда под председательством воеводы пятерых казаков приговорили к смертной казни через повешение. Вот только донцам это пришлось не по нраву, и они решили вынуть приговоренных из-под замка. И стоило им это около полусотни горячих головушек, полегших в уличном бою. Ну и этих пятерых. Потому как никто и не подумал отменять приговор.

А вот измайловцы служат в Керчи без всякого приговора. Так, всего лишь по воле царя. Ну должен же кто-то стеречь южные рубежи государства. Только отчего именно стрельцы, зарекомендовавшие себя с

наилучшей стороны при взятии Азова, непонятно. А может, именно из-за этого? И де Вержи, паразит такой, не вступился.

Впрочем, понять его несложно. Иван ведь, получается, ему как бы соперник. Причем не только в придворной возне, но и на личном фронте. Оно вроде как и не хочет выделяться или дорогу переходить, да у него само как-то получается. А так... Француз раскинул над Иваном зонтик и готов его прикрывать, но только подальше от Кремля и Москвы вообще. Учитывая же, что Карпов – человек служилый, то и сотне его самое место в Керчи...

Иван с Фролом прошли мимо кабака и направились в трактир, где собиралась публика почище. Гарнизон-то в Керчи стоит серьезный. А как иначе-то эту вольницу урезонивать. Вот и имеется парочка заведений, где сиживают господа дворяне. Здесь это только офицеры. Иное дело Таганрог и Азов, где уже появилось даже свое светское общество.

Кстати, никому из освобожденных рабов Николай не разрешил возвращаться домой. Вместо этого он одаривал их землей, наделял сельхозинвентарем и скотиной. Вообще царь подошел к вопросу освоения этих земель серьезно. Так что Иван не сомневался: уступать эти территории при подписании мирного договора он не намерен. Русь пришла сюда всерьез и надолго. Это факт.

– Иван Архипович, прошу к нашему шалашу, – едва друзья вошли в трактир, как их тут же позвал дьяк со съезжей.

Стрельцы не стали чиниться и приняли приглашение. Пусть столик и в дальнем уголке, что, конечно, не так престижно, но ничего страшного, это только на пользу. Потому как беседа предстоит не для посторонних ушей. Оно ведь как? Оказаться у кормушки и не замараться не получается. Вот и Ивана не миновала чаша сия. А что такого? Не он – так кто другой.

– Здрав будь, Гордей Гордеевич, – едва не хором поздоровались Иван и Фрол с дьяком.

– И вам здравия, господа хорошие. Присаживайтесь. Я уж заказал запеченного в яме барашка.

– Любишь ты, Гордей Гордеевич, вкусно поесть, – хмыкнув, заметил Иван.

– Есть такое. Но ничего с собой поделать не могу, только и достает сил, что каяться в этом смертном грехе.

– А с остальными как?

– Да так же. Каюсь, – вновь тяжко вздохнул дьяк.

– Это хорошо. Значит, ржа твою душу не съела, а стало быть, и вера тебе есть. А тогда давай-ка к нашим делам скорбным.

– Отчего же скорбным? – с улыбкой возразил дьяк. – Дела очень даже неплохи. Кораблик «Кырмызи чичак»^[12] в гавани видели?

– Да нам названия как-то без надобности, – пожал плечами Иван. – Ты о том, что привели четыре дня назад?

– Именно, – подтвердил дьяк. – Итак, опись и оценку уже произвели. Кормчий Елизар судно и груз принял. С рассветом выходят. Как у тебя?

– У меня всегда и все в порядке. Груз примут в лучшем виде. Список давай. Ага, и что тут у нас?

Пока Карпов знакомился со списком товаров, загруженных на трофейное купеческое судно, принесли барашка. Дьяк и Фрол недолго думая налегли на мясо. Баранина она такая. Лучше есть, пока горячая, не то потом жир будет вязнуть на зубах. Впрочем, Иван особо по этому поводу не переживал. Тем более что и список оказался не так уж велик.

– Товар не возьму, – наконец откладывая бумаги в сторону и вооружаясь ножом, безапелляционно заявил сотник.

– Как это не возьмешь? – склонив голову набок, удивился дьяк.

Механизм получения прибыли был прост, как мычание. Корабли и товар принимались у казаков за треть стоимости. И они не могли сдать его нигде, кроме Керчи. Попытка провезти добычу мимо керченского воеводы грозила серьезной карой. Хорошо как на каторге окажешься.

Далее груз доставлялся в Таганрог, где продавался купцам с наценкой не менее чем в треть. А подчас и поболее. Все зависело от самого товара. Корабли за временной ненадобностью ставились на прикол до лучших времен, когда русские купцы наконец смогут начать бороздить воды Русского моря и суда станут востребованными.

Вот Иван и решил заработать на разнице, ввернувшись в середину цепочки. Нет, не сам. У него забот, слава богу, хватало и со службой. Ходу ему из Керчи не было. Даже об отпуске просить бесполезно. Воевода как-то в приватной беседе дал понять, что государь по этому поводу высказался однозначно. Зато нарисовался другой его вильненский знакомый, которого батюшка также начал приставлять к делам.

Гурьянов Андрей. Самый рассудительный и осторожный из этой троицы. Тот, получив отцовскую поддержку, решил вложиться в довольно рисковое предприятие на Азове. С одной стороны, территория вроде как контролируется московскими войсками и казаками. С другой – опасность никуда не делась. И татары шалили, и черкесы наведывались. Да и иного разбойного люда хватало. Но перспективы и ожидаемая прибыль все же перевешивали чащу в пользу этого предприятия. Ну и Ивану это на руку. Копейка лишней не бывает.

— Гордей Гордеевич, ты так-то не возмущайся. Сам несусветно задрал цену, а туда же. Сколько я тут подниму? Одни слезы. А оно мне надо? Или сбавляй, или тащи в казенный магазин.

— Так и ты цену подними.

— Нет. Мне резону нет. Я на обороте имею, не на высокой цене. Опять же, мой заработка в ином, тут же так, приработка, не более.

— А коли я другого найду? Чай, на тебе свет клином не сошелся.

— Сошелся. И ты это знаешь. Иначе бы я тебе с самого начала без надобности. А эдак оно безопаснее выходит, поскольку никто, кроме меня, о тебе не ведает. Был бы ты хапугой безмозглым, то дело иное. Но ты человек осторожный и под дознание попадать не желаешь. Или решил изменить себе же? Не вопрос. Хочешь, свяжу тебя напрямую с купцом? Как раз на мою долю твоя прибыль и вырастет. Нет? Тогда сбавляй цену.

— Ладно, перепишу, и завтра поутру глянешь, — все же сдался дьяк.

— Вот и хорошо. Да не дуйся ты, — отрезая очередной кусок мяса, подбодрил Иван. — Воевода-то не на один год здесь. Во-от. И я о том же, — в ответ на кивок назидательно произнес Карпов. — А ты при нем. Гони ты эту дурную привычку хапать разом и помногу. Бери по чуть. В результате возьмешь куда как больше. С умом надо, а не с жадностью. Тогда и будет тебе счастье.

— Мы уж как-нибудь без сопливых.

— Э-э-эх, дядя, да где же ты был-то, когда я сопли подтирал? — с ухмылкой ответил Иван.

А еще эдак пальчиком погрозил и повел плечами, намекая на свой офицерский чин и дворянство, обретенное чуть больше года назад. Подействовало. Дьяк тут же поспешил подобраться и бросил на Карпова слегка настороженный взгляд. Кто его знает, какая моча может ударить тому в голову. Те, кто только обретал дворянство, подчас мнили о себе куда больше, чем заслуженные бояре.

— Да ты чего, Гордей Гордеевич? Я же просто шучу, — отмахнулся Иван от подобной реакции.

— Да кто же тебя разберет, шутишь ты иль уже яриться начинаешь.

— Может, по кружечке?

— Не откажусь.

Правда, засиживаться дьяк не стал. Возможно, на этот вечер у него и иные планы были. Все же очередная удачная сделка намечалась. Да только пришлось сворачиваться и еще поработать, чтобы свести все концы. Иван же с Фролом предпочли продолжить застолье.

— Дозволишь, господин сотник?

Иван обернулся на знакомый голос и указал на свободное место. Подошедший, со знаками различия полусотенного на шапке, уже без лишних разговоров уселся на стул и подозвал подавальщицу, чтобы сделать заказ.

– Ну, что расскажешь, Артем? – спросил Иван, отправляя в рот очередной кусок мяса.

– Да уж есть что порассказать, – недовольным тоном ответил парень.

Освободившаяся должность полусотника долго оставаться вакантной не могла. Тем более что кандидаты у Ивана уже имелись. И что самое примечательное, сразу двое. Он даже растерялся, не зная, как бы все обставить таким образом, чтобы никого не обидеть. Друзья детства по-разному нашли себя на службе.

К примеру, Григорий готов был держаться за свой штурмовой десяток зубами. Нравилось ему быть всегда на острие. И вообще, у парня прорезался талант к разного рода диверсионным операциям. Когда вышедшие на охоту штуцерники и штурмовики согнали со стен всех турок, Рыбин со своими парнями исхитрился забрасывать в орудийные бойницы гранаты. Что страсть как не понравилось туркам.

Дальше – больше. Парни устроили ночную вылазку в город. Благодаря атаману Минаеву план города им был хорошо известен. Вот и сходили ребятки до одного из пороховых погребов, покрошив по ходу прорву народу из бесшумных воздушек. Ну и после добавили, когда одна из внутренних башен города взлетела на воздух. Уж больно запас пороха под ней оказался велик.

Кстати, это была одна из причин скорой капитуляции Азова. Правда, молодой царь все же попенял за своеволие и за то, что устроили такую-то разрушу. Некуда было деваться гарнизону, кроме как капитулировать.

Ну, может, он и прав. А может, и нет. Во всяком случае, единства среди командования как-то не наблюдалось. Царь-то молод, неопытен, да еще и едва взошел на престол. Вот и стремились придворные и генералы занять местечко подле государя. А оттого спорили и ярились изрядно. Дошло даже до того, что разгорячившийся Николай учинил штурм практически без подготовки, что повлекло серьезные потери.

Кто его знает, до чего могло дойти, не прояви Григорий своеволие. Нет, награду государь не зажал. Каждому из стрельцов перепало по двадцать рублей. Неслабо, чего уж там. Вот только в том, что сотня сейчас прозябает на побережье Крыма, была вина и Рыбина.

Но тот и в ус не дует. Время от времени устраивает с парнями набеги на татар. Ну и что с того, что пешие? Подумаешь. Зато обратно из степи

возвращаются обязательно верхами и с какой-никакой добычей. Ну не умеет Гришка воровать. Разве что взять в бою.

Словом, скучно Рыбину было бы командовать полусотней, и все тут. Ефим Степанов – тот прекрасно себя чувствовал в роли старшины. Хозяйственный оказался тип. Признаться, Ивана он также полностью устраивал. С одной стороны, человек на своем месте. С другой – кому еще доверять, если не другу детства. Понятно, что с годами все меняются, и нередко далеко не в лучшую сторону. Но к Ефиму это не относилось.

Итак, на роль полусотника оставались два кандидата, Егор и Артем. И пусть оба были только десятниками, а не взводными сержантами, тем не менее потенциал у парней был изрядный. А главное, оба оказались охочими до учебы. Иван уже планировал их на взводных, но...

Тут ведь дело какое. Для начала нужно, чтобы место освободилось. А при нынешних реалиях это возможно только со смертью илиувечьем. Но так уж случилось, что вакантной оказалась должность полусотника. Вот тут-то Иван и подвис. Никого из ребят обижать не хотелось, и оба службу несли так, что любо-дорого. Их десятки находились в постоянном соперничестве.

Но разрешилось все самым неожиданным образом. Иван вдруг получил письмо от Хованской... Хм. Н-да. От великой княгини де Вержи – об откомандировании Егора в ее распоряжение. Причем со всем десятком. Взамен же Карпову не возбранялось набрать новый, как, впрочем, и закупить все необходимое вооружение и амуницию.

Вот так и вышло, что Артем стал вполне довольным собой полусотенным. Ну, пока довольным. А там... Аппетит приходит во время еды. Да только Иван не стремился ни к каким авантюрам, дабы подарить дворянство еще одному своему офицеру.

Опять же, пока не стремился. Несмотря на то что Керчь была шумным городком, скука постепенно подбиралась к Карпову. А потому в одном известном месте у него уже начинало зудеть. Так что, глядишь, еще чего учудят. Кстати, предложения уже поступали...

– Артем, ты толком говори. Чего насупился, как сыр? Ну? – нетерпеливо потребовал Иван.

– Да что говорить-то. Казаки из разведки вернулись. Вести на хвостах коней принесли, – со вздохом ответил парень.

Ну да. Не все коту масленица. И не всем казачкам в морских разбойников играть. Часть из них была призвана на службу государеву. Две сотни состояли в керченском гарнизоне и попеременно выходили дозорами в степь. Бывало уходили и вовсе в глубь Крыма, откуда нередко

возвращались с живой добычей. Государь платил по пять рублей за каждого русского освобожденного из неволи, женщина, мужчина, ребенок, без разницы.

– И что же тебя так расстроило?

– Говорят, турецкий султан потребовал от крымского хана, чтобы он выжег осиное гнездо, в которое превратилась Керчь. А потом ее вновь зайдут турки и запрут Азовское море. Чтобы ни одна казачья шайка или царев корабль не смогли выскользнуть в море Русское.

– И чем ты недоволен? Хотел же отличиться. Вот тебе и представится возможность, – допив вино в кружке одним большим глотком, хмуро проговорил Иван.

Конечно, у него уж свербело в одном месте. Но пока еще не настолько серьезно, чтобы бросаться в бой. К тому же с воеводой местным имелись кое-какие расхождения в вопросах обороны и тактики применения стрельцов.

Вот не хотелось Ивану вести своих парней в штыковую или бездумно затыкать ими бреши в обороне. Нет, если придется, то тут уж никуда не денешься. Но местная тактика была, мягко говоря, прямолинейна. А де Вержи, столь успешно выводивший сотню из-под дурости гения местных военачальников, сейчас далеко.

Не в Москве. Николай сейчас рубится с турками на реке Буг. Уж два сражения выдержали с неопределенным результатом. Каждая из сторон причисляет победу себе. Правда же заключалась в том, что после сражений противники еще несколько дней стояли напротив друг друга, хоронили павших, обихаживали раненых. Несли новые потери в коротких и жарких стычках небольших отрядов. А потом расходились, подыскивая новое место схватки. Ну и гвардия со своим полковником при государе. А то как же!

– А недоволен я тем, что Селим Герай, лиса, не собирается воевать Керчь, – в сердцах ответил Артем.

– Интересно, – тут же оживился Иван.

– Да что интересного-то, – отмахнулся Жабин, принимая у подавальщицы большую миску с мясом. – Ему, вишь, выгоды от захвата Керчи никакой. Иное дело, если удастся захватить хотя бы одну из трех крепостей на Перекопе. Дела в Крыму вроде как совсем швах. Потому как у них все на разбое держалось. А тут проход закрыт. Пытались, мол, в зиму пройти через Сиваш, да тот не замерз. Вот и желает хан открыть ворота в Дикое поле.

– Так а что тебя-то расстроило, Артем?

– Да как же! – едва не воскликнул в сердцах парень. – Как тут отличиться, коли татары не приложают.

Ну а Иван о чём! Хочется другу блеснуть и непременно дворянство заполучить. А что такого? Коли Ванька добился того для других, то уж для дружка так и подавно сможет. А уж за Артемом не заржавеет. В лепешку расшибется, а такого достоин будет!

Все это аршинными буквами читалось на лице парня, и сотнику ничего не оставалось, кроме как малость поддержать его. Ну а для чего еще нужны друзья?

– Ты, Артем, так-то не расстраивайся. Думается мне, что не все так просто. Сам посуди. Хан еще из своего Бахчисарая не вышел, а мы уж знаем все, о чём он думает. Бывает ли такое?

– Ну-у... Не знаю. Но казаки ить...

– Казаки. А мне думается, что хан специально такие слухи распустил. Чтобы мы тут расслабились, а он потом сюда и приложил. Здрасьте, не ждали.

– А как же Перекоп? Походы за добычей и невольниками?

– А вот так. Не посмеет хан пойти против турецкого султана. Исполнит так, как тот и велит.

Ну вот. Это совсем иное дело. Глазоньки загорелись, румянец на щеках. Вот и радуйся. И службу отправляй с удвоенным усердием. Оно только на пользу. А что до татар...

Не пойдут они на Керчь. Им она и впрямь не нужна. Султан Герай, конечно, вассал Ахмеда Второго. Но в то же время весьма хитер и думает в первую очередь о пользе для своего ханства. А интересы и образ жизни крымцев требуют открытия прохода в Дикое поле. Нужда гонит их в поход.

Вот только Артему о том ведать не нужно. Вон у парня даже аппетит появился. А уж о настроении и говорить нечего.

– Слышали слух из Москвы? – спросил явно повеселевший Артем.

– Смотря какой, – с некой ленцой отозвался Фрол.

– Ну так у царя сын родился.

– Про цесаревича Алексея всем ведомо, пусть пошлет ему Господь здоровья и многие лета, – отмахнулся казак.

Хм. Или бывший казак? Хотя-а... Казаки бывшими не бывают. Это лет через сто или близко к этому они превратятся в сословие, и этим званием будут одаривать всех кого не лень: и калмыков, и башкир, и бурят, даже поляки с французами отметятся после Отечественной войны восемьсот двенадцатого года. Сейчас же это практически отдельный народ. Так что казак. Пусть и служит в стрелецком полку, и звание теперь имеет

дворянское.

– Да я не к тому, – замотал головой Артем. – Сказывают, что государь перед своим отбытием в поход благословил брак царевны Елизаветы и боярина Трубецкого, что нынче княжит во Пскове.

– И? – подбодрил парня Фрол.

– И к концу августа отбывает она, значит, в Псков, чтобы выйти замуж за Ивана Юрьевича.

– Как так отбывает? – удивился Иван. – А отчего свадьбу не играют в Москве? Ведь он боярин московский.

– Боярин-то московский, да князь псковский. А они-то наособицу. Коли свадьбу их князь играть надумал, то непременно в Пскове.

Иван дернулся за нос. Прикинул так и эдак. Возможно ли такое? Скорее всего. Взять разных принцесс, которые отправлялись на чужбину к будущим мужьям, где и сочетались браком. Да ту же Софью Палеолог, что привнесла на Русь как кровь басилевсов, так и регалии византийские. Тоже приехала к Ивану Третьему, да еще и крестилась повторно по его требованию.

Трубецкой же пять лет назад был призван псковичами на княжение. Традиция у них – сажать на престол московских князей. Пусть тот в Пскове и имеет слишком мало власти, тем не менее данное обстоятельство явно указывает на склонность к Москве. И если Николай решил продолжить политику своего батюшки по бескровному собиранию земель русских, то данный шаг вполне оправдан. Пусть на первый взгляд и покажется уступкой несусветной.

Хм. Надо же. Вроде и думает о политических раскладах, а на душе отчего-то кошки скребут. Муторно так, что прямо-таки подмывает заткнуть разговорившегося Артема. С чего бы это? Взревновал Елизавету к ее жениху? Да с чего бы? Он ведь всегда к ней ровно дышал. Более того, иначе как с pragmatичной точки зрения ни разу о ней и не подумал.

Угу. Ну, себе-то врать не надо. Мысль о том, что по нему сохнет такая красавица, да еще и царевна, ему салом по сердцу, чего уж там. Нет, ответных чувств у него не было. Тут скорее иное. Мужское самолюбие, что ли. Вот она любила его, любила, а замуж пошла за другого. Да, скорее всего, дело именно в самолюбии. Ну а в чем ином-то?

Боярин Пятницкий пребывал в дурном настроении. И это мягко говоря. А с чего бы быть хорошему-то, коли вести хуже некуда? Мало того что сторонники Москвы уж, почитай, полсотни лет как забирают все больше и больше силы, так еще и царь московский не дремлет.

Пять лет назад стараниями партии Рюриковичей на княжеский стол вновь был призван московский князь. Причем не просто княжеского рода, а боярин. Мужичье тупое тому порадовалось и возгордилось небывало. А то как же, царь русский им поклонился, прислав на княжение своего ближника. А ведь всем ведомо, что князь в Пскове власти почти не имеет, а стало быть, боярину от того урон выходит.

Знает Ефим Ильич, чьи то наущения. Бояре Офросимов, Севрюгин да Барановский постарались. Они, вишь, видят спасение псковской земли только в единении с Москвой. Да народ к тому склоняют. И то, что уж столько лет над ними суд чинит московский князь, приучает их к повиновению царевым людышкам.

Конечно, иные партии стараются разбавить власть и влияние князей. Вон и двух посадников сумели провести, по одному от каждой партии. Так что князь без них ни одного судебного решения принять не может. И в строительство крепостей да церквей также ввели посадских помощников от веча. В поход князь мог выступить только с позволения веча. А в командовании войском ему помогали двое тысячников. Все верно. По одному от каждой партии.

Словом, пусть князь и московский, но его влияние худо-бедно удавалось сгладить. Вообще-то полумеры, но ты поди реши по-иному. В Пскове семь боярских родов. Именно что родов, потому как звание это тут наследуемое. И дети продолжают дело своих родителей. Если нарушится этот баланс хотя бы самую малость, шаткое равновесие в одночасье рухнет.

Сторонниками Москвы выступают только трое бояр. Но это-то и обеспечивает им большинство. Потому как остальные четверо разделились по двое – за Новгород и Литву. И договориться меж собой никак не могут. Только и того, что по взаимному уговору удалось сойтись по посадникам и тысячникам. Иначе и здесь московская тройка заткнула бы их за пояс.

И тут в дело вступает московский царь. Вздумалось ему выдать замуж свою сестру за Трубецкого именно в тот момент, когда тот сидел на псковском столе. Оно бы избавиться от него. Но повода серьезного нет. Народ им доволен. Да и с противоборствующими партиями у него все вроде ладится. Не выпячивается, особо никуда не лезет, обязанности выполняет справно, судит по справедливости. Да так, что народ всякий раз его решением доволен. Ни разу, паразит, не оступился.

А что такое московская царевна? Да она еще не приехала, а народ уже едва ли не приплясывает. А то как же! Мало того что покойный Дмитрий им поклонился своим боярином, так молодой Николай и вовсе сестрой

отдаривается! Да стоит только ей приехать в Псков, как ее отсюда уже не выпустят. Людишки мертвкой хваткой в нее вцепятся. В смысле в мужа ее, конечно, которого с княжеского стола нипочем не отпустят.

И сколько ни старались распускать очерняющие ее слухи, пока все было безрезультатно. А если она окажется хотя бы малость умна и пожелает братцу своему помочь, памятуя о долгे крови... Народу ведь много не надо. Приветить пару убогих, сходить в собор на общую службу, пройтись поторговатьсь по рынку, потешиться с каким младенцем, восхитившись его красавицей-матушкой, да помочь случайнай старушке, поклонившись ей в ноги. Все! Народ в нее влюбится. Даже если князь вдруг превратится в непроходимого тушицу и кровопийцу.

Вскоре на подворье Пятницкого подъехал его единомышленник, боярин Аршанский. Этому всего-то двадцать пять, вдвое младше Ефима Ильича. Но... Жизнь – она и есть жизнь. Пятницкий еще с батюшкой Никандра вместе держались и колегиум вильненский заканчивали. Да прибрал Господь дружка его закадычного. Сын же, как и подобает достойному отпрыску, пошел по стопам родителя.

– Здравия тебе, дядька Ефим, – пройдя в горницу, поклонился хозяину гость.

Не более высокому по положению кланяется, тут они равны, но другу верному батюшки покойного. А тут уж иной подход. С него, разумеется, никто не спросит и не осудит. Но уважить того, кто держал тебя в младенчестве на коленях, ничуть не зазорно. А то и вовсе поднимет тебя в глазах окружающих.

– Здравствуй, сынок. Проходи, присаживайся. За стол пока не зову, потому как ожидаю еще гостей. Но коли голоден...

– Кваску бы испить, дядька Ефим. Палит сегодня, словно и не осень на пороге.

– Это да. Лето в этот раз выдалось жаркое. Евдокия!

– Слушаю тебя, Ефим Ильич, – поспешила на зов молодуха в теле.

– Квасу кувшин с ледника принеси.

– Нельзя тебе с ледника, боярин, – безапелляционно возразила женщина.

– Ты мне еще пооговаривайся. Живо на конюшню спроважу да прикажу вожжами по телесам пройтись.

– Вели, батюшка-боярин. А только...

– Евдокия, то мне квас, – остановил перебранку Аршанский. – Слово боярское, дядьке Ефиму и капли не дам испить. Только поспеши, богом молю.

— Ага. Ну коли так, то я живо. Глазом моргнуть не успеете, — расплывшись в довольной улыбке и не обращая внимания на насупившегося господина, ответила молодка.

Ожидаемые гости появились примерно через час. Причем прибыли вместе. Знали, что беседа предстоит не из простых, а потому для начала предпочли обсудить все в своем кругу. Ну что ж, не сказать, что сторонники Литвы не использовали это время для подобной же беседы.

Разговор у давних противников склеился сразу же. Пятницкий высказал их с Аршанским взгляды и доводы, с чем гости вполне согласились. Они в свою очередь изложили свое видение проблемы. И также были поняты с небывалым для их отношений единением.

— Так в чем выход-то, господа бояре? — на правах старшего задал вопрос Пятницкий.

Более зрелый из прибывших, Медведков, едва разменял четвертый десяток, и был на десять лет младше хозяина. Второй уступал ему целых двадцать годков. Ну а так как тут имелся и помладше, взоры сторонников Новгорода оборотились к Аршанскому. Ему первым высказывать свое мнение.

— Я так думаю, господа бояре, что царевне московской на псковской земле делать нечего. И коли она не доедет даже до границы, от того земле нашей только добро будет.

— Ты прямо говори, не ходи вокруг да около, — недовольно буркнул боярин Медведков.

— Да куда уж прямее, — развел руками Аршанский. — Я, Арсений Евсеевич, предлагаю лишить ее жизни. И сделать это на землях московских. В крайнем случае — на новгородских. Но лучше все же не надо. Как-никак они наши соседи. А там пускай Николай ищет душегубов в своем царстве. Чай, есть на Москве рода, коим этот брак ну никак не в радость. Они и сами поглядывали на такой кус сладкого пирога.

— Девку-то не жаль? Говорят, красавица писаная и норова кроткого, — хохотнул Медведков, явно намекая на молодость говорившего.

— Вот и будет агнцем невинным во благо земли псковской, — с горестным вздохом закончил Аршанский.

— Толково сказано. Мне добавить нечего, — согласился с высказанным предложением Горячинов, кому пришло слово по старшинству.

Медведков и Пятницкий переглянулись понимающими взглядами. Но все же каждый из них вслуш, как того требовал обычай, высказал свое одобрение.

— Кому поручим? — вновь обвел взглядом присутствующих хозяин

дома.

— Есть у меня компаньон один, купец новгородский, — заговорил Медведков. — Коли пообещать ему плату достойную, так согласится все обставить в лучшем виде. Много чего о нем судачат, да только и того, что слухами разными земля полнится.

— Ты загадками-то тут не ссыпь. Кто таков?

— Прости, Яков Игоревич, но прав Ефим Ильич. По такому делу надо бы без загадок разных, — поддержал своего соратника Аршанский.

Медведков было вскинулся, потому как послышались ему в голосе молодого боярина мстительные нотки. Мол, вот только что ты меня приложил, а теперь получи оборотку. Да только то намерение так намерением и осталось. Пусть Аршанский и молод, но прав. Что же до неловкости, так ведь не молодь какая, мог бы и сам сообразить да не подставляться под колкость.

— Купца того Жилиным Игнатом Пантелеевичем зовут. Но только сразу говорю, деньгами его не прельстить, а чего взамен потребует... По мелочам размениваться не станет.

— Знаю такого, — кивая в такт своим словам, произнес Пятницкий. — Особо не выпячивается, хотя в гильдии «Ивановское сто» состоит. Но и вознестись жаждет, самое малое в именитые граждане. А глядишь, и в Пскове от подобного звания не откажется. И вот вам мое слово. Захочет положения у нас, моего одобрения не будет, — припечатал Ефим Ильич.

— А отчего так-то? — вскинулся Горячинов.

— Оттого, что мы сейчас думаем, как нам хотя бы равновесие выдержать. Даже нападение предлагаем совершить на московских землях, чтобы и Новгород, и Псков в стороне остались. Вы же нам тут своего сподвижника впихнуть пытаетесь. А коли так, то и равновесию конец придет. Ну и к чему тогда вообще огород городить?

— Прав ты, Ефим Ильич, — согласился с хозяином Медведков. — Но неужто решил, что я стану подъезжать на кривой кобыле? Причем настолько кривой, что это за версту видать. Да только все интересы Жилина вокруг Новгорода вьются.

— Ну что же, если так, то все свои возможности в помощь ему употреблю. Призовай, будем договариваться. Времени, конечно, мало. Но пока терпит. А место встречи оговорить бы в стороне от Пскова.

— Ну, это-то понятно, — подытожил Медведков.

Карета мягко катила по чуть влажной дороге. Прошедший ночью дождь обильно смочил землю, но та успела слегка просохнуть. Ровно

настолько, чтобы не стало грязи, но и до пыли еще далеко. Раньше, спасаясь от докучающей пыли, взвесью повисающей в карете, девушки взбирались в седла своих кобылок и продолжали путешествие верхом. Но подобная езда достаточно утомительна. Вот они и перемежают ее с поездками в карете.

Сегодняшний день был приятным исключением в череде многих. За те три сотни верст, что остались позади, чего только не было. И поломки, и вынужденные остановки из-за непогоды. Дожди ведь случались и не чета вчерашнему.

– Как думаешь, Дашуня, надолго нам выпала эта благость? – обратилась Лиза к теткиной фаворитке.

Не могла Ирина Васильевна отправить племянницу в дальнюю сторонушку без верной товарки, способной поддержать и подсказать в трудную минуту. Жизнь, она ведь на сюрпризы горазда. Опять же, Дарье следовало на время покинуть Москву. Уж очень был на нее зол батюшка.

Как ни противился профессор союзу дочери с лекарем Рудаковым, а молодые все же сделали по-своему. Больше года назад в благодарность за спасение дочери великая княгиня поспособствовала Павлу в получении звания лекаря, что автоматически даровало ему дворянское звание. После этого она организовала брак молодых людей, оградив от нападок отца. Вот только запретить Рошину портить кровь своей дочери она не могла. Потому и решила услать молодую чету в Псков.

– Если судить по погоде, то дождик больше не ожидается. Ветерок есть, а вот солнышко все больше за тучками прячется. Так что, уверена, до завтрашнего обеда обойдемся без пыли, – ответила Дарья.

– Хорошо бы, – с надеждой вздохнула царевна.

– На все воля божья, – пожав плечами, отозвалась молодая женщина.

Потом выглянула в открытое окно, через которое в карету попадал прохладный ветерок. Сентябрь. Пусть только первые числа, но от летнего зноя не осталось и следа. Золотая пора, что ни говори. Пусть сейчас и хватает зелени, но осеннее золото все прочнее занимает свое место в окружающем пейзаже.

Ага. Открытый участок заканчивается, и дорога вновь ныряет в березовую рощу. Кстати, уже достаточно обильно расцвеченнную пожелтевшими листвами. Хм. А ведь когда две недели назад выезжали, кругом все было зелено.

Даша непроизвольно поискала взглядом своего мужа, ехавшего верхом. Тот уверенно подхватил на руки карабин, подвешенный за ремень к луке седла. Проверил замок. И пристроил оружие поперек холки коня.

Потом ощупал пистоли на поясе. Это неизменный ритуал перед каждым лесным массивом, которые часто попадались на пути.

А вот пристегивать штык-тесак лекарь не стал. Незачем. Карабин достаточно хорошо сбалансирован, и его удобно держать вот так, перед собой, на луке седла. Присоедини клинок, и баланс тут же нарушится. Понятно, что в случае нападения очень даже может понадобиться холодное оружие. Что ни говори, но, несмотря на скорострельность карабина Карпова, второй выстрел сделать не удастся. Однако на этот случай у Рудакова имелась шпага, которой он довольно прилично владел.

Словно почувствовав взгляд, лекарь обернулся и, встретившись с глазами жены, ободряюще ей улыбнулся. Получив ответную улыбку, даже одернул было лошадь, чтобы поравняться с каретой. Но Дарья только отмахнулась от его намерения. Великая княгиня проинформировала ее относительно сердечных метаний племянницы. Поэтому верная фаворитка не хотела лишний раз травмировать девушку, демонстрируя ей их с Павлом счастье.

– Опять лес начинается, – сообщила Дарья, откидываясь на мягкую спинку сиденья.

– Даша, а отчего у вас с Павлом Валентиновичем нет детей? Вон Анюта с Егором как поженились, так к осени она его сыном одарила. Да и сейчас уж вторым ходит.

– Скажем так. Мы с Павлушей решили малость повременить. Ведь к тому времени, когда мы поженились, было уже ясно, что нам предстоит направиться в Псков. И так уж выходило, что если бы мы поторопились, то мне пришлось бы путешествовать в тягости. Погляди на свою любимую служанку, каково ей сейчас приходится.

– Значит, есть средство? Я слышала об этом краешком.

– Елизавета Дмитриевна, средство конечно же есть. Как есть и некоторые несложные предосторожности, кои помогают избежать преждевременной беременности. Первое отвратно на вкус и не дает полной уверенности. Второе может дать гарантированный результат, если супруги приходят к согласию и пониманию в данном вопросе. Но...

– Говори.

– Не стоит тебе о том думать. Иван Юрьевич – достойный муж. Но коль скоро сердечко твое к нему не лежит, подумай сразу о ребеночке. Дети, они либо оборачивают лицом к супругу, либо становятся отрадой. Но уж точно никогда не бывают нежеланными.

– Тебе-то откуда знать, Даша?

– Ну-у... Я ведь не слепая, вижу, как оно у других-то. Опять же, и

сама... – Молодая женщина зарделась в смущении.

– Да-аша... – с радостным возбуждением и надеждой многозначительно произнесла царевна.

– Угу. Узнала незадолго до отъезда.

– А говорила, что не хотела отправляться в путь в тяжести, – игриво подделя ее Лиза, явно желая увести в сторону разговор о браке.

– Так ведь срок-то совсем малый. С Анютой никак не сравнить. Кстати, а что ты с собой повезла прислугу, обремененную малыми детскими? Уж не в мамки ли прочиши?

– Ну, коли твоего совета слушать, а не слушать причин нет, то Анюта все еще при молоке будет. И верна она мне безмерно. Оттого и тетку попросила отправить со мной мужа ее, Егора. Это она уж сама рассудила, чтобы он был не один, а со всем десятком.

– Понятно.

Тем временем кавалькада приблизилась к очередной бересовой роще. Сколько их уже было на пути. Русь – она лесами богата. А уж бересой и подавно. Так что дело очень даже привычное.

– Антип, Елизар, вперед, – подкрепив свои слова жестом, приказал Егор.

Стрельцы без лишних слов пришпорили лошадей и быстро оторвались от основной группы. Еще немного, и они скрылись под сенью деревьев, держа в готовности свои винтовки, штык-тесаки которых были надеты на стволы. Измайловцев практически не учили пользоваться саблями, и те не входили в их вооружение. Зато штыком пользовались исключительно. Равных им в этом деле не было ни в одном солдатском полку.

– Ты что такой напряженный? – спросил у десятника лекарь.

– Да на душе как-то неспокойно, – повел плечами Егор и поудобнее перехватил винтовку.

Все же прежний его карабин, с которым он ходил на Урал, был куда ловчее. Оно вроде и не намного короче, всего-то в половину локтя, а насколько ощутима разница. Но с другой стороны, Иван прав. Единообразие в вооружении десятка куда важнее. Да и противостоять коннице проще. Уж проверено, и не единожды. Даже под Азовом сподобились как-то с ногайскими всадниками сойтись в ближнем бою.

– Тебеечно неспокойно, – легкомысленно отмахнулся лекарь. – Чуть только впереди появятся кусты, как у тебя на душе начинают кошки скрести.

– Тебе хорошо судить со стороны, Павел Валентинович. Чай, случись что, ответ держать не тебе.

Егор невольно оглянулся на небольшой караван. Одна карета да три крытых повозки: в одной вещи царевны, в другой пожитки молодоженов Рудаковых, в третьей припасы. Четверо возниц, пара лакеев, три служанки, десяток стрельцов верхами, лекарь, его супруга, ну и, наконец, сама царевна.

Скромно? Ну да, скромно. Но и иначе никак. Уж больно ревностное отношение у псковичей к собственной вольности. Пошли Николай даже полусотню, и то восприняли бы в пику. Так что лучше так. А что до разбойничков, то на лихих и этого десятка вполне достанет. Сила более чем серьезная, чтобы ватага поостереглась и трижды подумала, стоит ли точить зубки на столь крепкий орешек.

Антип и Елизар держались впереди не далее чем в сотне шагов. Потому как видимость тут ограничена, и дорога продолжает закладывать повороты. Они же должны были все время находиться в поле зрения десятника.

Залихватский и одновременно угрожающий свист. Несколько разрозненных выстрелов. Воинственные крики. Треск падающего поперек дороги дерева. И мужики, внезапно появившиеся словно из-под земли. В руках разномастное оружие или то, что можно за таковое счесть.

Егор вскинул винтовку и навел ствол на бегущего к нему мужика с всклокоченными волосами и бородой. Сжимает серьезную такую дубинку. В умелых руках крепкого русского мужика страшное оружие. Вот только мастерство нападающего Егор проверять не собирался. Палец нажал на спусковой крючок. Курок исправно ударил по кресалу, высекая искру. Выстрел! Мужика словно приложило кувалдой, опрокинув на землю.

Выстрелу Егора вторят винтовки остальных стрельцов. Рудаков также вскинул карабин и пальнул в набегающего разбойника, застив на мгновение взор пороховым дымом. Затем бросил ремень карабина на луку седла и дернул из-за пояса пистоль, одновременно взводя курок. Лекарь-то он, конечно, лекарь, но и в бою побывать ему доводилось не раз. Так что не растерялся.

– Стрельцы, спешиться! – во всю мощь легких прокричал десятник.

Измайловцы хоть и поднаторели в верховой езде, но, по сути, все так же остались пехотой, посаженной в седло. А потому и драться им куда как сподручнее пешими.

Едва ноги коснулись земли, перед Егором тут же возник мужик с перекошенным в воинственном крике ртом и замахивающийся топором на длинном топорище. Голова еще ничего не сообразила, а тело все сделало само. Левая нога ступила вперед. Руки выбросили навстречу нападающему

винтовку.

Штык-тесак с легким и одновременно мерзким хрустом вошел в грудину мужика. Вот только на Егора это не произвело ровным счетом никакого впечатления. Разве что вызвало досаду из-за допущенного промаха. Разбойник с хрипом повалился вбок, увлекая за собой и застрявшее в его груди оружие. Теперь придется приложить определенные усилия, чтобы извлечь клинок. Однако времени на это нет совершенно.

Егор выпустил винтовку и едва успел отшатнуться в сторону, чтобы разминуться с просвистевшей рядом с его головой дубинкой. Рука метнулась сначала к пистолю на поясе, но тут же изменила траекторию движения. Воспользоваться им Попов уже не успевал. Слегка присел, подаваясь вперед и пропуская над головой дубинку, пошедшую в обратном движении. Наконец рука сомкнулась на рукояти засапожника и потянула его из-за голенища.

В едином движении десятник вогнал клинок в живот мужика, тут же огласившего округу криком боли. Провернул и потянул из раны, одновременно поведя отточенной сталью в сторону, взрезая внутренности и выпуская наружу требуху бедолаги. Все, этот уже в прошлом.

Молча, будто бойцовский пес, Егор бросился на третьего противника и, отведя в сторону его дубинку, буквально обволок его тело. Обтек и зашел сзади, словно обнимая бабу с недвусмысленными намерениями. Мгновение, и лихой падает изломанной куклой, хрюпя разверстой глоткой.

Только теперь десятник наконец сумел осмотреться. Рудаков, также не успевший воспользоваться пистолетом, выхватил шпагу и прямо с седла атаковал сразу двух разбойников. Пусть ему пока не удалось свалить ни одного из лихих, он весьма уверенно теснил их к деревьям.

Егор выхватил пистоль, взвел курок и выстрелил. Расстояние едва ли в пару десятков шагов, поэтому пуля без труда находит оного из разбойников. Второй тут же падает, сраженный шпагой лекаря. Рудаков глянул на десятника, благодарно кивнул и тут же поспешил в сторону кареты, возле которой наблюдалось не меньше десятка нападающих.

Пока рука Егора тянет очередной пистоль, взгляд продолжает охватывать всю картину. Бой распался на несколько очагов. Стрельцы бьются кто в одиночку, кто в паре. Возницы тоже отбиваются от наседающих врагов. Чай, не из простого мужичья набраны, из боевых холопов рода Рюриковичей.

Повозка с Анютой пока не привлекла ничьего внимания. Руководить схваткой в настоящий момент бессмысленно. Сейчас каждый сражался за свою жизнь. Нападающих больше чуть ли не впятеро, а потому ни о чем

ином и помыслить не получается. Егор прицелился и выстрелил, загнав свинец в очередную жертву.

Сзади раздалось сразу два выстрела, и обернувшийся десятник заметил спешивающихся Антипа и Елизара. Стрельцы, следовавшие передовым дозором, с самого начала оказались как-то не у дел и только сейчас приблизились к месту схватки. Егор окинул их быстрым осуждающим взглядом, выхватил на лицах провинившихся виноватое выражение и...

– За мной, вашу душу!

И все трое помчались вслед за лекарем. Вот только если тот спешил на помощь супруге, эти торопились исполнить свой долг. Они должны были обронить от опасности царевну...

Едва прозвучали первые выстрелы и роща наполнилась устрашающими криками, как Лиза тут же выхватила пару двуствольных «карповок». С этими пистолями она не расставалась всю дорогу. Девушка держалась за них, как утопающий за соломинку. Ведь это был подарок Ивана, изготовленный им собственноручно. Единственное, что осталось ей от ее ладушки, вместе с которым быть не судьба.

Угрожающие крики сменились выстрелами и яростью схватки. Побледневшие девушки в ужасе переглянулись и, не сговариваясь, нервно сглотнули. Потом Даша выхватила стилет и бросилась к Лизе, стараясь прикрыть ее собой. И именно в это мгновение двери кареты с обеих сторон открылись с такой синхронностью, словно нападающие старались специально подгадать момент.

– Х-ха!!! – раздался свирепый и в то же время радостный крик разбойника.

В этот момент наряду со страхом Лиза испытала вдруг такую злость на саму себя, что в сердцах оттолкнула Рудакову, отлетевшую на противоположное сиденье. Развела в стороны руки, сжимающие пистолеты, отжала предохранители и нажала на спуск. Пистоли грохнули одновременно. Карету тут же заволокло молочным дымом. Вторя выстрелам, послышались два истошных вопля.

В следующее мгновение на разбойников, столпившихся справа от кареты, навалился верховой Рудаков. Он орудовал шпагой со смертоносной стремительностью, раздавая щедрой рукой раны иувечья. Слева вновь послышались злобные выкрики, и Лиза переключила свое внимание на эту сторону, вскинув обе руки с пистолями.

Сказывалась фамильная любовь к оружию. Царевна частенько пропадала в саду, где палила из ружей и пистолей. Надо ли говорить, что

«карповки» стояли у нее в особом ряду. Так что с пистолями она обращалась с привычной легкостью человека, имеющего большую практику.

Очередной разбойник, оказавшийся в дверном проеме, поймал пулю точно в лицо и повалился на землю безмолвным снопом. Последний заряд ушел мимо. Следующий нападающий, едва встретившись с решительным и разъяренным взглядом девушки, вдруг четко осознал, что смотрит в лицо своей смерти. Издав сдавленный вскрик, мужик присел и, едва только грохнуло, а смертоносный свинец просвистел над головой, порскнул в сторону.

Испуганная Лиза поспешила откинуть сиденье и извлечь оттуда футляр из-под пистолетов. Открыла крышку и дрожащими руками, начала лихорадочно перезаряжать оружие, все время бросая тревожные взгляды в распахнутые двери.

Окончательно пришедшая в себя Рудакова вновь заняла место подле царевны, сжимая в руке стилет. При всем творящемся вокруг безобразии девушка все же удосужилась взглянуть на мужа. Как там говорят про любящих супругов? У дураков мысли сходятся? Вот-вот. Павел также посмотрел в сторону жены, на мгновение встретился с ней взглядом, ободряюще улыбнулся и тут же набросился на очередного разбойника.

Пока Лиза перезаряжала пистолеты, звуки схватки пошли на убыль. Затем послышались громкие и четкие приказы, походя отдаваемые Егором. Мольбы о пощаде, обрывающиеся на высокой ноте. Никто не собирался долго возиться с лихими. До Дорофеево, где намечена очередная очевидка, порядка пятнадцати верст. То есть половина дневного перехода. Так что нечего терять времени.

Наконец десятник сунулся в карету, окинул обеих пассажирок цепким взглядом:

– У вас все в порядке? Елизавета Дмитриевна?

– Все хорошо, Егор, – тут же ответила царевна, деловито убирая оружие. – Как дела у Анюты? – в свою очередь поинтересовалась она.

– Пока не дошел. Но на те повозки лихие вроде как не бросались.

– Вро-оде, – передразнила его Лиза. – Поди и глянь. Ну что так смотришь? В порядке мы. В порядке. Эвон если что, лекарь присмотрит, – кивнула она на Рудакова.

Тот уже спешился и с обеспокоенным видом изучал салон кареты. Причем взгляд его был прикован не к царевне, а к молодой супруге. Да еще эдак недвусмысленно перебегал от бледного личика к все еще плоскому животу и обратно.

– Все в порядке, Павел, – сменив окрас лица с бледного на румяный, ответила Даша.

Захар Крачкин наблюдал за происходящим со стороны. Поначалу-то он решил, что там справляются и без него. А что такого? Один лекарь, десяток стрельцов да шестеро возниц и лакеев. Баб в расчет и брать нечего. Ватага же, на которую он вышел, насчитывала четыре дюжины заматеревших на большой дороге мужиков. В лихом деле не новички, что с успехом продемонстрировали, когда сумели организовать внезапную атаку.

Вот только стрелки из них оказались никудышные. Из десятка мушкетов и трех пистолей, что имелись у разбойников, в цель не попал ни один. Добыча же огрызнулась очень даже серьезно. Да и потом, когда сошлись накоротке, разбойничкам досталось изрядно. Причем настолько, что Захар тут же понял – ему вмешиваться уже поздно.

Как, впрочем, и атаману с его двумя ближайшими подручными. Влезь они сейчас в драку, и это ни на что не повлияет. Ну, может, на пару-тройку побитых стрельцов прибавится. Но эти молодые волчата настолько ловко дрались, что такие потери не изменят главного. Результата боя. Даже несмотря на вмешательство подручного купца Жилина.

Атаман с ближниками стояли чуть поодаль и присматривали за нанимателем, которого, кроме них, никто не видел. Тот должен был убедиться, что все люди из каравана убиты, после чего расплатиться и уйти восвояси. А вот светиться перед остальными новгородец не хотел.

Осознав, что его ватага по факту разгромлена, атаман со злым видом обернулся к нанимателю. Угу. С разбойниками дела будут иметь либо дураки, либо уверенные в себе люди. Крачкин дураком никогда не был.

Не успел атаман бросить ему в лицо обвинение, как Захар выпростал по сторонам руки с зажатыми в них ножами. Клинки вошли точно в основание шеи, взрезая трахею подручных атамана. Мгновение, и двое мужиков, хрипя и фонтанируя кровью, сложились у ног своего убийцы. Атаман хотел было спастись бегством, но, едва обернувшись, тут же изогнулся дугой, поймав нож меж лопатками.

Захар зло сплюнул, отирая клинки и наблюдая за окончанием схватки на дороге. Надо же. Опять ему не повезло. И снова эти клятые стрельцы, из коих потом выросла Измайловская сотня. Признаться, он понадеялся на то, что тут нет тех умудренных опытом казака и боевого холопа великой княгини. Но, оказывается, подросшая молодь и без взрослых дядек на что-то годна.

Он-то, грешным делом, подумал, что на фоне неудачного похода

Голицина и, наоборот, удачного – молодого царя славу стрельцов сильно приукрасили. Опять же, где открытый бой и где внезапное нападение в лесу. Но...

И главное, теперь ничего не поделать. До границы новгородских земель оставалось полтора дневных перехода. А приказ был недвусмысленный – сделать все в московских землях. Вот только времени совсем не оставалось, чтобы все обставить наилучшим образом. Ну-да. Опять возвратится к Игнату Пантелеевичу, как побитая собака. Ну да чего теперь-то.

Глава 12

В плену дворцовых интриг

Меншиков в изнеможении откинулся на подушку. Грудь вздымается высоко, но воздуха все одно не хватает. Даже после длительного спешного перехода и жаркой схватки не было ничего подобного. Все же любовные утехи – это нечто. С одной стороны, они возносят на вершину блаженства, с другой – выпивают все силы без остатка.

Конечно, на это можно возразить. Но тут ведь все зависит от того, с кем ты предаешься тем утехам. Сержанту гвардейского Преображенского полка доводилось быть с разными женщинами, как с многоопытными, так и с невинными. Вот только ничего подобного он с ними не испытывал. Возможно, именно поэтому он и лежит рядом с бабенкой, которой уж под тридцать годочек. И пусть она выглядит все еще гладкой и статной, с молоденькими девами ей не сравниться.

Но то телом. А вот страстью к любовным утехам... Глашка точно знала, чего хочет. Она отдавалась со всем пылом и жаждой, на какую только была способна. А потому и мужчина с ней получал несравненное удовольствие, выкладываясь до самого конца.

– У-ух! – встряхнула головой бабенка, приходя в себя после столь бурного завершения. – Ох, Сашка, ну силен, – скорее выдохнула, чем произнесла она.

Потом повернулась на бок и положила голову ему на грудь, обдавая ее горячим дыханием. Распущенные волосы разметались по подушке и пребывающему в истоме Меншикову, легонько так и приятно щекоча. Хм. И, как бы это ни было невероятно, пробуждая для новых подвигов.

– Ох, Глашенка, и чертовка же ты, – осознав реакцию своего тела, не без восхищения произнес Меншиков.

– Я такая, – не без удовольствия подтвердила она. – Погоди, еще отобью тебя у твоих знатных фифочек.

– Ну, это вряд ли, – хохотнув, возразил он. – Уж поверь, женюсь я если не на княгине, то уж точно на девице из древнего и славного рода.

– А кто спорит? Женишься, конечно. Да только все одно мой будешь. Станешь убегать от благоверной, чтобы забыться со мной.

– Ох и много же ты о себе мнишь, красавица.

– Не веришь? – вскинулась бабенка.

– Я себе верю. И себя знаю.

– Знает он. Да я, к твоему сведению, у самой царевны ухажера увела. Вот!

– У какой царевны? – с ленцой даже не поинтересовался, а отмахнулся Меншиков.

– Знамо дело, у какой. Одна она у нас была. Лизавета Дмитриевна.

– Брешешь, – все так же изображая ленцу, но внутренне напрягшись, подначил денщик.

– Собаки брещут. А я правду говорю. Еще годочка три назад ее к нам на гулянье в Стрелецкую слободу привела Анюта. Оглобля стоеросовая из Огородной слободы. Там-то царевна сразу и положила глаз на Ваньку Карпова. Да только я его у нее из-под носу и увела.

– Да он к тому времени уж с великой княгиней кувыркался, – усомнился Алексашка.

– Нет, со мной он был. Та потом появилась и взяла Ваню в оборот.

– А царевна-то что же?

– А что царевна? Она к нам еще целый год ходила, пока ее Гришка Рыбин не раскусил. Да кого хочешь спроси. Любой из слободской молодежи подтвердит.

– Так-таки и любой?

– Ну да. А стрельцы из первого Ванькиного десятка так и того больше. Царевна их все о ладушке своем пытала. Ну, они-то не знали, кто она. А то, что сохнет по нему, все видели.

Меншиков слушал Глашу и боялся поверить в происходящее. Ну не мог он простить Карпову испытанного унижения. Как не мог ничего поделать и со своей ревностью к молодому сотнику. Пусть тот сейчас сидел в каком-то крымском захолустье, а Алексашка при царе, только на днях вернувшемся из удачного похода, это ни о чем не говорило.

Подумаешь, Ванька в опале. Так и что с того? Царь-то вроде им и недоволен, а все же наградил щедро. Эвон дворянином сделал и в сотниках оставил, хотя тот уж и не полюбовник теткин. Алексашка же и любимец Николая, и уж не раз отличился, как при взятии Азова, так и в этом году, когда бились в Запорожье.

Да только особых наград не имеет. Ну получил он дворянство и стал сержантом гвардии. И что с того? Подумаешь, звание гвардейское на две ступени выше, чем в обычных полках, и он выходит вровень с Карповым. Тот-то в опале, Меншиков же обласкан, а положение одинаковое.

Алексашку даже затрясло от охватившего его возбуждения. Теперь-то он с этим высокочкой посчитается. Тут уж не его слово против слова

царевны. Тут все иначе выходит, потому как за ним видоки. И даже те, кто верой и правдой служит Лизавете, теперь будут свидетельствовать против нее.

Имея на руках показания слободчан, Николай непременно прикажет провести дознание с пристрастием. Тут много чего сойдется. Царь любит и тетку, и сестру, а потому тот факт, что кто-то вертел ими как хотел, а заодно влиял и на него самого, государя сильно разозлит. И то, что Николай также завидовал успехам Ивана, послужит лишней гирькой, что потянет Карпова на дно. Нет, не выплыть ему. Нипочем не выплыть.

По телу пробежала волна возбуждения, и Меншиковым овладел такой азарт, что энергия в нем буквально вскипела. Вот только спешить не стоит. Нужно все хорошенько обдумать, чтобы не наломать дров. Опять же, на дворе стоит декабрьская ночь, и государь сейчас под бочком у любимой супруги.

А энергия и жажда действий...

Алексашка взял в ладони голову Глаши и, оторвав от своей груди, заглянул в глаза. Потом жадно впился в губы жарким поцелуем и под игравый смех в очередной раз опрокинул ее на спину.

Зима выдалась не такой уж холодной. Или все дело в южных широтах? Очень даже может быть. Иван родом с Северного Кавказа, в Крыму же бывал только летом. А потому и судить не мог. Но если сравнивать с прошлым годом, когда в декабре на пару недель замерз пролив, то эта зима куда теплее. Море-то оно вроде как и студеное, но в то же время, несмотря на январь, никакого ледового панциря.

С другой стороны, все в этом мире относительно. Оно, может, на улице и не лютый мороз, а так, морозец, да только ветер сырой и промозглый. А уж если возвращаешься из похода, где под открытым небом провел, почитай, две недели, так и подавно оценишь все прелести южной зимы. Это еще хорошо, что дождь не случился. А то и вовсе было бы весело.

Что за поход? А не получается с крымцами сидеть тихо. Одних казачьих рейдов явно недостаточно. Тех на суше осталось не так чтобы и много. Основная масса ушла с государем отстаивать Запорожье. Другая подалась в каперы. И только незначительные остатки вошли в состав гарнизонов Таганрога, Азова и Керчи.

Умывшись под Перекопом, татары решили отыграться на Керчи. Тем более что неприятностей от морских разбоев они хлебнули полной мерой. Вот и подступили к городу. Несколько дней гарнизон стойко держал оборону, нанеся татарам серьезные потери.

Признаться, Ивана посетила мысль о том, чтобы напустить на осаждающих оружие массового поражения. Имелось у него несколько колб с запертым в ней вирусом черной оспы. Да только вовремя одумался. Оружие-то обоюдоострое. Ударит как по татарам, так и по русским. Потому как вопрос с прививками не решен. Привита только его сотня, ну и еще, может, десятка два человек.

Впрочем, с татарами разобрались, когда, несмотря на зимнюю пору, из Азова и Таганрога подошла подмога. Наподдали по сусалам под стенами города. А потом еще и прогулялись до Кафы^[13], главного невольничего рынка чуть не во всем мире.

Город взяли с ходу. Освободили более пяти тысяч невольников, которых увезли в Керчь, и далее переправили в Азов и Таганрог для пополнения тамошнего населения. Ивана удивил тот факт, что людей могло быть вдвое больше, но крестьяне не захотели уходить с единоверцами, предпочтя остаться с крымцами.

Оказывается, с крымскими татарами не все так просто. Были пленники, которые поступали прямиком на невольничий рынок, откуда переправлялись в разные провинции Турции. Но была и другая категория, остававшаяся в Крыму. Эти пребывали в рабстве пять лет, после чего их отпускали и сажали на землю.

Благодаря этой политике татары, в основном ведущие кочевой образ жизни, к настоящему моменту не знали проблем с обеспечением ханства зерном. Более того, они его экспорттировали. Так что разговоры о голоде у татар не имели под собой никаких оснований. Хотя да, финансовые потери от разбойного промысла казаков и фактического прекращения внешней торговли для ханства были катастрофическими.

Так вот. Эти самые вольноотпущеные в большинстве своем и не думали покидать уже насиженные места. Жилось им тут где-то и получше, чем на Руси. И даже православные храмы стояли. Мало того, в Крыму существовала Готская митрополия, находящаяся в подчинении у константинопольского патриарха. Нет, Иван не собирался обелять татар и их кровавые набеги на Русь. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь.

Кстати, Николай строго-настрого запретил уводить таких крестьян силой. Пусть живут где хотят. Более того, имелся приказ их хозяйства не трогать, ничего не рушить, посевам не вредить, а по возможности так и оказывать помощь. И Иван полностью одобрял этот шаг. Потому как русская земля не там, где стоит сапог русского солдата, а там, где землю пашет русский крестьянин.

Конечно, процесс присоединения Крыма будет долг, но зато

неизбежен. А главное, после присоединения в эту землю не нужно будет вкладываться, она сама себя прокормит, да еще и прибыль принесет. Как результат – подобный подход себя полностью окупит. А потом процесс ведь можно и ускорить.

К примеру, после подписания мира обеспечить православным вполне приемлемую медицину. Глядишь, лет через двадцать христиан на полуострове станет куда как больше в результате естественного прироста. К тому же купцы, пожелавшие вести торговлю с Крымом, освобождались от податей. Николай вовсе не желал упадка хозяйств ханства. Ему достаточно было его запереть и замкнуть на Руси.

Правда, с этой торговлей пока все было глухо. Старые связи рушились, и нужно было время, чтобы создались новые. А тут еще и война. Как ни крути, а она не способствует торговле. Скорее уж грабежу. Словом, далекие перспективы имелись. Вот только выглядели они совсем уж далекими.

– Ну что, Иван, в трактир? – зябко поведя плечами, предложил Фрол, наблюдая за расходящимися по казармам стрельцами.

– Можно. Артем, остаешься на хозяйстве. Разрешаю отправить в увольнение две трети стрельцов. Детали уточнишь с сержантами.

– Слушаюсь, – разочарованно протянул Жабин.

– Не вешать нос, господин полусотенный, будет и на твоей улице праздник, – подбодрил Иван, потом обернулся к остальным офицерам.

Фрол, его заместитель, второй полусотник Кузнецов и подлекарь Любимов. Этот сменил Рудакова, отбывшего по распоряжению Ирины Васильевны. Жаль было Ивану с ним расставаться, да ничего не поделаешь. Как следовало из его письма, тот женился на Рошиной и отправился в Псков вместе с царевной. Поправочка – теперь уже великой княгиней Трубецкой. Впрочем, Любимов показал себя как вполне знающий лекарь. Как ни крути, а в его лице Павел нашел настоящего единомышленника.

– Господа офицеры, предлагаю отметить удачное возвращение и испить по кружечке винца, – предложил Иван.

– А почему только по кружечке и почему только вина? – с деланным возмущением произнес Фрол. – Я так и от водочки не отказался бы.

– Как лекарь поддерживаю предложение Фрола Емельяновича, водка в данных обстоятельствах куда как предпочтительнее, – авторитетно заявил Любимов.

– Вот за что я тебя уважаю, Сергей Пантелейевич, так это за понятливость и догадливость, – хлопнув его по спине, довольно заметил Фрол.

Впрочем, осуществиться их планам было не суждено. Именно в этот

момент на территории городка сотни появился взвод солдат. Причем ни Иван, ни кто другой их тут увидеть не ожидали. А что тут делать целому взводу преображенцев при полном вооружении, да еще и во главе с полковником де Вержи?

– Господа, – остановившись перед офицерами и изобразив легкий поклон, поприветствовал их француз. Потом перевел взгляд на Ивана: – Сотник Карпов, полусотенный Жабин, именем государя нашего Николая Дмитриевича вы оба арестованы. Сдайте ваши сабли.

– Интересно девки пляшут... – в сердцах выдал Фрол, не зная, как реагировать на происходящее.

Иван отступил на шаг, положив руку на рукоять тесака. Ему, конечно, была положена сабля. Как же иначе-то. Офицер. Вот только с ножичком он обращался куда как ловчее. Опять же, в походе всегда с карабином, к которому штык вовсе даже не лишний. Сабля же пока все еще не давалась в руки и для него являлась скорее церемониальным оружием. И к чему тогда таскать тяжесть, чай, не Москва – Керчь. Фраза де Вержи скорее была ритуалом. Впрочем, Артем-то как раз сабельку и носил.

Карпов встретился взглядом с полковником, и тот едва заметно качнул головой. Мол, не стоит. Ситуацию не переломить. К тому же преображенцы уже обступили стрельцов, лишая возможности что-либо предпринять. О помохи сотни нечего и мечтать. Да, они его боевые соратники, но не бунтовщики, а воины, дававшие присягу на верность государю.

– В чем нас обвиняют? – все же снимая с себя оружие, поинтересовался Иван.

Сейчас у него нет иного выхода. Но... Человек, пока живет, надеется. Вот и он надеялся. А что еще остается? Перспектива идти на дыбу не вдохновляла, но кто знает, может, и удастся еще вывернуться. А порешить себя всегда можно. Было бы желание. Он пусть и верующий, но не настолько, чтобы полностью отринуть самоубийство. К тому же можно ведь и вынудить себя убить. Словом, сейчас стоит принять ситуацию как она есть.

– В чем ваша вина и есть ли она, мне неведомо. Знаю только, что в отношении тебя и некоторых твоих подчиненных приказано учинить дознание.

– И чтобы нас арестовать, отправляют гвардейцев? Уж не государственную ли измену нам вменяют? И что значит некоторых моих подчиненных?

– Я только выполняю приказ государя. Сотник Копытов, вот приказ великой княгини де Вержи о твоем назначении. Прикажи вызвать

стрельцов вот по этому списку, – не ответив Ивану, обратился Гастон к Фролу.

– Эка. Все из десятка, что ходил на Урал, – удивился казак. – А меня тогда чего ж не берете?

– То не нашего ума дело, сотник. Поспеши.

– Слушаюсь, господин полковник, – нехотя ответил Фрол и направился к казарме.

Хм. Не один направился, а в сопровождении пары десятков гвардейцев. Начнется ли там бойня? Нет. Не вариант. Не станут стрельцы противиться. Вот если бы это коснулось казаков, то дело иное. Эти своих могли и не выдать. Стрельцы же... Нечего о том и думать.

Сложностей с арестом никаких не возникло. Единственная заминка вышла с Григорием. Ему со своими штурмовиками пришлось пройти через многое, а потому парни попытались было воспротивиться. Но тот факт, что Иван сдался без сопротивления, послужил Рыбину руководством к действию, и он поспешил урезонить парней. А ведь возжелай они того, и сомнительно, чтобы их сумели удержать в стенах крепости. Да и преображенцев они раскатали бы под орех. Заматерели парни. Не смотри, что молодые. Им теперь и бывальные ветераны на один зуб.

Не откладывая дело в долгий ящик, стрельцов поспешили погрузить на стоящий в гавани фрегат. А Иван еще удивлялся, чего это корабль притащился в Керчь в зимнюю пору. Как оказалось, по их душу.

– Гастон, может, все же объяснишь, что все это значит? Какой-то донос относительно Урала? Что вообще происходит?

Иван требовательно смотрел на де Вержи, спустившегося к нему в трюм. И если судить по усилившейся качке, только после того, как корабль вышел из гавани. При этом Карпов еще и потряс кандалами, в которые его заковали, едва они оказались на борту. Кстати, на ребят цепи не надели, что обнадеживало.

– Не кричи, Иван. Переборки здесь толстые, но не настолько, – тихо произнес француз с характерным акцентом и повесил фонарь со свечой на крючок. – Государем приказано произвести дознание относительно любовной связи между тобой и Елизаветой Дмитриевной.

– Чего-о-?!

– Того.

– Да не было этого.

– Я знаю. Ирина мне все доподлинно рассказала. Именно поэтому я и уговорил Николая отправить за тобой меня. Иначе одному богу известно, что тебе и твоим стрельцам пришлось бы пережить в дороге. С собой я взял

исключительно надежных людей, так что как только останемся одни, кандалы с вас снимем. Уверен, к тому моменту, когда доберемся до Москвы, с этим делом уже разберутся и все обвинения снимут. Во всяком случае, Ирина собирается употребить для этого все свое влияние на Николая.

– Я так понимаю, говорить о том ни с кем нельзя?

– Ты правильно понимаешь. Даже в Москве в курсе лишь единицы.

– И с чьей легкой руки заварилась эта каша?

– Судя по всему, Меншиков. Но точно не знаю. Все распоряжения исходили непосредственно от Николая. Он же подал списки, в отношении кого нужно произвести дознание.

– А кроме нас, есть еще кто-то?

– Есть. Елизавета Дмитриевна ведь тайком бегала на гулянья в Стрелецкую слободу. Так что аресту подвергли с десяток парней и девчат оттуда.

– Вот же гаденыш. Попадись только Алексашка, пришибу.

– Я же тебе говорю, уверенности в том, что это его рук дело, у меня нет.

– А у меня есть. Он, паскуда, – уверенно произнес Иван.

Откуда такая убежденность? Отчего не иезуиты? Да оттого, что им он нужен живым и непотрескавшимся. Может, и без ног, но точно с руками и обязательно с головой. А по обвинению в посягательстве на честь царской семьи очень даже можно оказаться четвертованным. А тут уж, после четвертования, не останется ни ног, ни рук, ни головы.

Лиза отложила рукоделие, поднялась со скамьи и, подойдя к окну, приникла лбом к стеклу, покрытому кружевным морозным узором. Ага. Так вроде бы полегче. Ох! И что там тетка говорила насчет иноземного семени? Да свое русское ничуть не отличается. Мутит ее знатно и с завидным постоянством.

Правда, не сказать, что она столь уж недовольна. До появления малыша еще далеко, а она его уже любит и ждет с нетерпением. Ничего не поделаешь, женская суть берет свое. Ей ведь Господом заповедано дарить жизнь.

Псков встретил царевну с неподдельным ликованием. В город потянулись люди из пригородов^[14], сел и деревень. Гулянья начались еще до свадьбы. С которой, впрочем, не стали затягивать. Тут уж расстарались бояре из московской партии.

Счастлива ли была Лиза? По-своему да. Ей достался любящий муж.

Как оказалось, он давно положил на нее глаз, но не смел и думать о ней, что в общем-то и понятно. Царевен вот так просто замуж не отдают. А при любящем муже да, следуя советам тетки, выискивая в нем все больше хорошее, и ей было куда как легче. И ночи вовсе не были пыткой. И...

Иван как-то понемногу стал отступать, образ его – блекнуть. А уж когда понесла, так и вовсе думать позабыла о стрельце. Когда-никогда промелькнет отстраненная мысль. Возможно, оттого, что тот был очень далеко на юге, и вестей у нее о нем не было никаких.

Ага. Ну вроде полегчало. Теперь можно вернуться к рукоделию. Лиза вышивала ворот рубахи для мужа. Эвон он у нее какой статный, вот так взглянешь на рубаху и подивишься, что она с ним... Н-да. Как оказалось, рост тут и не важен вовсе. А еще этот огромный медведь был невероятно нежен, терпелив и внимателен.

От мыслей об этом княгиню охватила сладкая истома, по телу прокатилась дрожь, а в животе разлилось тепло. Она даже непроизвольно зарделась. Хотя была в светелке одна, и того, что с ней творилось, видеть никто не мог, как и догадываться о происходящем в ее душе.

– Дозволь, княгиня? – постучавшись, в приоткрытую дверь заглянула Дарья.

– Входи, конечно, – не в состоянии с собой совладать и краснея еще гуще, произнесла Лиза.

– Гонец из Москвы прибыл, – входя в светелку, известила Рудакова, протягивая пару писем.

Однако княгиня поймала себя на мысли, что не смотрит на запечатанные послания, а не сводит взгляда с Дарьи. Та за прошедшие месяцы успела прибавить в весе да несколько округлиться. И пусть под просторным сарафаном ее тяжесть не сильно-то и заметна, однако походка ее изменилась, приобретя некоторую скованность. Интересно, каково оно будет у нее самой, когда живот на нос полезет?

– Ты письма-то возьмешь, Лизавета Дмитриевна?

– А? Да-да, конечно. Давай сюда. Ага. Это от братца. И от тетки.

– А от кого ты еще ждала послания?

– Да ни от кого не ждала, – ломая воск печати, несколько резко огрызнулась княгиня.

Брат не сообщал ничего особенного. О походе он уже ей давно все отписал, поэтому просто изливал на бумагу свою любовь, указывая на то, что сильно скучает по сестренке. Вот пока не видел, но знал, что она в Кремле, то и ничего. И только когда она оказалась вдалеке, начал скучать по-настоящему. Поздравил ее с тем, что она так быстро понесла. Обрадовал

вестью об очередной тяжести Ксении, выражая надежду, что на этот раз Господь одарит его дочкой. Пусть и неподобающи подобные мысли для государя, которому должно заботиться о престолонаследии. Вот, пожалуй, и все содержание письма.

Тетка писала примерно об этом же. Разве что помянула еще и о своем малыше. Сетовала на то, что из русской и французской крови получилась адова смесь, потому как сыночек не дает покоя никому и сладу с ним нет никакого. Скандалы закатывает такие, что впору бежать от него без оглядки.

Самое интересное она приберегла напоследок. Ирина Васильевна сообщала, что Николаю стало известно о ее любовной связи с Карповым. Никакие доводы в пользу того, что это клевета, пока не возымели действия. Они с мужем пытаются уладить эту проблему, но безрезультатно. Молодой государь просто в бешенстве. Открыто дознание по факту посягательства на честь царской семьи.

Гастон отправился в Керчь для ареста Ивана. Единственное, что им сейчас по силам, – это оградить Карпова отувечий и телесных страданий. Приказано де Вержи доставить и стрельцов из первого десятка сотника. Эти будут допрошены как видоки, но очень даже возможно, что с пристрастием.

Впрочем, тетка Ирина просила не волноваться понапрасну. Время есть, и она делает все возможное, чтобы предотвратить грозу, которая так еще и не разверзлась. Огласке это дело Николай предавать не стал. А значит, ничего еще не потеряно. Лизу же Ирина извещает только ради того, чтобы это не стало для нее неожиданностью.

– Ну, Алексашка. Ну, с-собака.

– Алексашка? – удивилась Даша. – Меншиков?

– Он, – зло бросила Лиза. А потом спохватилась: – Господи, Ваня, что же теперь будет-то?

– Да что случилось-то?

– Вот отсюда прочти, – передавая письмо тетки, попросила Лиза.

– Во-от оно как, – задумчиво протянула Даша. – Так а Меншиков-то тут при чем?

– При том, что он однажды нас с Иваном застал и порывался сообщить братцу об увиденном. Но я успела его перехватить и пригрозила, коли расскажет, обвинить его в том, что он меня домогался, – густо покраснев и потупив взор, пояснила Лиза.

– Погоди. Но Иван, Ирина Васильевна, да и ты сама твердили в один голос, что промеж вами ничего не было.

– Не было. – Лиза секунду-другую помялась. – Почти. Мне тогда казалось... Но на деле вышло так, что я сама поцеловала Ивана, пока он стоял истуканом. И было это лишь однажды.

– И именно это увидел Меншиков, – покачав головой, поняла Даша. – Выходит, с той поры он сумел найти видоков. Иначе бы не решился. Ты точно все рассказала, Елизавета Дмитриевна?

– П-почти. Я год тайком ходила на гулянья в Стрелецкую слободу, где и приметила Ивана. Была дружна со многими, пока меня один из Ваниных стрельцов не распознал.

– А вот теперь все понятно. Стрельцов тех в столицу под караулом везут, чтобы также сделать видоками. Не гляди так, Елизавета Дмитриевна. Коли пытать станут с пристрастием да подскажут, в чем нужно сознаться... Не в том еще на дыбе сознавались.

– Нешто пытать станут?

– Все зависит от того, насколько государь сочтет оскорбленным себя и род. А кровь свою ты и сама должна знать хорошо.

– На прпрадедушку намекаешь? – уточнила Лиза.

– Намекаю, – ничуть не стушевавшись, подтвердила Даша.

– Господи, что же теперь будет-то?

– Что бы ни случилось, ты тут ничем помочь не сможешь. Если только все испортить.

– А есть куда еще портить?

– Поверь, как бы худо ни было, всегда может быть еще хуже. К тому же Ирина Васильевна пишет, что она попытается погасить грозу. И тут уж лучше довериться ей.

– Погоди. А письма были только мне? Или и супругу моему?

– Князю тоже было несколько писем. Но от кого, не ведаю. А что ты так всполошилась, княгиня? А-а-а. Нет, государь не станет о том говорить твоему супругу. Более того, все дознание обставит тишком да бочком, чтобы никто не смел трепать царскую семью.

– Да при чем тут это? Егор. Десятник стрелецкий. Он ведь тоже из близников Ивана, – поднявшись, пояснила Лиза и решительно направилась к двери.

Палаты, отведенные князю, были не столь уж и малы. Все же, что ни говори, а он был лицом Пскова. Здесь, на красном крыльце княжьего каменного терема, проходили суды. Вот так, все на свежем воздухе, и желающие присутствовать находились под открытым небом. Разве что сам князь да дьяки располагались под кровом.

И тем не менее это каменное здание не было дворцом, кои строились в

Москве, а потому и пройти в рабочий кабинет мужа Лизе удалось довольно быстро. Судя по всему, тот еще не закончил разбирать корреспонденцию.

– Здравствуй, дорогой, – проворковала Лиза, плавой проплыла к столу и положила руки на плечи мужа.

– Здравствуй, ладушка, – тут же засветился, как ясно солнышко, тот и, извернувшись, поцеловал ее правую руку.

– Гонец прибыл. Мне письма от братца и тетушки доставил.

– Знаю. Мне вот тоже от Николая Дмитриевича послание пришло.

Вот так. Не государь, не царь, а по имени-отчеству. А потому что пока Трубецкой на княжеском столе в Пскове, Николай ему не государь. Ведь князь псковский номинально является правителем вольной земли, ни перед кем не кланяющейся.

Лиза быстро затараторила, перечисляя все новости, что почерпнула из писем брата и тетки. Разве что «забыла» упомянуть о приписке, сделанной великой княгиней де Вержи.

– А тебе Николай о чем пишет?

– Да так. Ничего особенного. Интересуется нашим с тобой житьем. Ладно ли у нас, не обижаю ли я тебя. Ну и грозится, что я еще попомню, коль скоро решу обидеть его любимую сестру. Спрашивает, как ты ладишь с псковичами. Хорошо ли они приняли великую княгиню.

– И все?

– В принципе да. Разве что еще просит отправить обратно в Москву десяток измайловцев. Возникла в них какая-то надобность.

– Как так? Братец заверил меня, что десяток при мне будет. Опять же, Егор, командир десятка, он ведь муж Анюты, а я ее прочу в кормилицы. Негоже семью разлучать.

– Так пускай с мужем в Москву и возвращается. Нешто мы кормилицу не найдем? – удивился Трубецкой.

– Дите наше кому ни попадя я не доверю, – решительно рубанула княгиня. – И стрельцы эти. Они, между прочим, жизнь мне спасли. И я более никому иному не доверюсь.

– Но Николай Дмитриевич...

– Ванечка, ну я прошу тебя. Тебе легко, ты муж зрелый и сильный. Мне же на чужбине страшно. А как представлю, что тебя нет... А тут тетушкины стрельцы, и сразу на душе покойней.

– Ладушка, я все понимаю, но ведь приказ...

– Приказ князю вольного Пскова? – вздернула брови Лиза. – Хочешь сказать, что братец именно так написал?

– Нет. Я неправильно выразился. Он-то просит. Но я ведь московский

боярин...

— Гляди при посторонних не брякни, — фыркнула молодая женщина. — Ты князь вольного Пскова. И потом. В жалованной грамоте, братом писанной, указано, что десяток стрельцов будет справлять при мне службу столько, сколько я сочту нужным, получая жалованье из московской казны.

— И что я должен ему ответить?

— Что женушка твоя трусиха несусветная, и ей без бравых стрельцов страшно, — пожала плечами княгиня.

— Угу. Порассказали мне, как ты четырьмя выстрелами троих лихих свалила.

— То я со страху.

— Х-ха! Мне таких трусих с сотню — и никаких полков не надо, любого ворога под корень изведу.

— Так что ты решил? — прижимаясь к спине мужа и положив подбородок на плечо, вкрадчивым голоском поинтересовалась Лиза.

— Да делай как знаешь. В конце концов, действительно, десяток в твоё подчинение передан. Тебе и с братом разбираться.

— Спасибо, милый. На обед тебя ждать иль опять куда-то ускакешь?

— Пообедаю. А потом поеду глянуть, как там идет строительство городской стены.

— Я тебя жду, — игриво проворковала Лиза и поплыла к двери.

Н-да. Разобрались, нечего сказать. Всю дорогу Иван, как и де Вержи, надеялся на то, что все образуется и к их прибытию в столицу надобность в аресте уже отпадет. Не тут-то было. Отправленный к Ирине Васильевне гонец вернулся с отрицательным ответом. Карпова снова заковали в цепи, а парней взяли под караул.

Часов шесть назад, когда только начало темнеть, они въехали в Москву и прямиком проследовали в городской острог. Пусть парней и не заковывали в цепи, но и по домам не распустили. Посадили под замок в одном с ним подземелье. То есть сыром, холодном и вонючем. Вот такая благодарность за службу ратную и верную. А ведь успели послужить, чего уж там.

Н-да, сырое подземелье — это еще мягко сказано. Вонь гниющей соломы и плоти, сдобренная смрадом человеческих испражнений. В кромешной тьме, на ощупь, Ивану едва удалось найти более или менее сухой уголок, да и то стены оставались сырьими и мерзкими, покрытыми плесенью, также вносящей свой вклад в общее амбре. Все же в подземелье дворца Хованских было не в пример суще, чем в застенках царского

острога.

Ни его самого, ни парней еще не допрашивали. Однако ничего хорошего от будущего Иван уже не ждал. Клял себя последними словами за то, что не бежал в пути. Возможностей для этого было более чем достаточно. Но...

Все надеялся на лучший исход. К тому же и обвинить его не в чем, и сама великая княгиня вступилась, пойдя с пояснениями к племяннику. Подумаешь, Николай сразу не стал ее слушать. Выслушал бы после. Благо время есть. Пока отряд доберется до Керчи, пока вернется обратно. Эвон уже и февраль месяц. Да только бесполезно.

Ну что же, коль скоро так, то остается одно. Напасть на охранников и если не вырваться, то хотя бы вынудить их убить его. На дыбу не хотелось категорически. А не случится сбежать от пыток таким путем, тогда петля. Оно, конечно, самоубийство – грех смертный. Ну да одним больше, одним меньше. Сомнительно, чтобы мучения в пыточной зачлись ему как искупление. Опять же, сломают его, и оговорит он невинных. А это тоже грех. Словом, куда ни кинь, всюду клин.

Сначала послышались отдаленные шаги. Потом проявилось светлое пятно зарешеченного дверного окошка, которое становилось все более ярким. Судя по шагам, по коридору шел один. Вот он остановился напротив камеры Ивана, содержавшегося в одиночестве.

Надсмотрщик? Стражник? Плевать. Это шанс. Если только...

Есть! Лязгнул засов, и дверь подалась наружу. Не мешкая ни мгновения, Иван толкнул ее плечом, вкладывая в это всю силу и массу своего тела...

Хэк! Надсмотрщика? Стражника? Без разницы. Главное, что бесчувственное тело отлетело в сторону, выронив слюдяной фонарь со свечой. Хорошо хоть не разбился и огонь не погас. Иван подхватил его и посветил в поисках ключей. К воле ведут несколько дверей, и все они заперты. Он-то слесарь неплохой, вот только не взломщик ни разу.

Нужно будет найти помещение с инструментом, чтобы сбить оковы. Правда, как это сделать в одиночку, пока не представлял. Ну да, снявши голову, по волосам не плачут.

– Что за ч-черт, – растерянно прошептал Иван, рассматривая лежащего без чувств.

Судя по одежде, это был все же стражник. Однако Иван никак не ожидал увидеть в этой роли рыжеволосого здоровяка Бориса. На секундочку – сотрудника его службы безопасности и по совместительству боевого холопа. В смысле его, Ивана, бойца.

Кузьма провернул тайную операцию? А с чего бы ему так-то рисковать? Перед отбытием в поход Иван представил Овечкина всем работникам мастерской и объяснил, что тот будет заниматься вопросами безопасности и охраны. На время своего отсутствия переподчинил его бате и отправился на войну.

Вот так и вышло, что Кузьма занимается вопросами безопасности не только в Москве, но и в Карповке. Этот щедрый мужичок оказался настоящим пауком, раскинувшим свои ловчие сети как на сами предприятия Карповых, так и вокруг них. Сын Овечкина по-настоящему сдружился с младшим братом Ивана, Митей.

Этот, паразит такой, начал засматриваться на младшую сестру Карповых, Анну. Он был ее сверстником, обоим по четырнадцать. Впрочем, о женитьбе никакой речи и быть не могло. Нет, разность положения тут ни при чем. Просто молода еще Анюта. Да и Семену пока лучше об учебе думать, а не о семейных заботах. Примерно такой откровенный разговор и состоялся между Иваном и Кузьмой.

Правда, был еще и батя, но Карпов не без оснований полагал, что сумеет его убедить. Человек, ведающий вопросами безопасности и одновременно являющийся практически членом семьи, – это уже куда как серьезно. Здесь родственные узы дорого стоят. Опять же, Кузьма бывает в Карповке, напрямую общается с Архипом и сам старается понравиться главе семьи.

Вот только желание породниться с работодателем никак не могло соотнести с преступлением против престола. Да даже если ему неизвестны все обстоятельства, организация побега из острога – достаточно серьезное преступление, чтобы решиться на это.

Но главное не в этом. Как Кузьма вообще сумел прознать об аресте Ивана? Ну не могло быть такого, чтобы Борис поступил на службу в остуженную стражу. Это просто не укладывалось в голове, хоть тресни.

– Боря, – похлестав мужчину по щекам, позвал Иван. – Боря. Очнись.

– Мм, – застонал здоровяк, поворачиваясь на бок.

Потом сел, тряхнул головой. Непроизвольно сфокусировал взгляд на фонаре, который, вероятно, привлек его внимание как самая яркая точка. Наконец посмотрел на Карпова.

– Ну ты даешь, Иван Архипович. Никак решил в бега податься? – приди в себя и потирая лоб, произнес-простонал боец.

– Решишь тут, когда впереди дыба маячит. Ты-то тут как?

– Ну так Кузьма Платонович меня и Емелю уж, почитай, две седмицы как на службу в стражники остужные определил. Сказал, что так надо, мы

и пошли. А сегодня навестил, сказал, чтобы непременно подменились и на службу вышли, чтобы тебя, стало быть, умыкнуть.

– И вы вот так согласились?

– А чего нам-то? И без того под плахой ходим. Одним грехом больше, одним меньше, разница невелика. А с тобой все понадежнее будет, – поднимаясь на ноги и кривясь от боли, произнес Борис.

– Вот молодцы. Ладно, некогда. Пошевеливаться надо. Только я не один. Стрельцов моих нужно будет тоже вытащить.

– Хм. Почитай, десяток получится, – с явным сомнением произнес Борис. – Тебя-то мы собирались слишком вывести за ворота – и ходу. А таким числом тихо не получится.

– А если караулы снять?

– Хм. Оно, конечно, можно. Но… Не враги, чай. На службе люди, а мы вроде как и не лихие.

Угу. Пусть и под плахой ходят, да только не хотелось этим здоровякам обратно на помойку. Они и за Ивана уцепились, как утопающий за соломинку. Искренне верили, что не совершают никакого преступления. Подумаешь, иноземцев порешили. Чай, не за так. Те Карпова по-воровски умыкнуть в неволю хотели только за то, что он мастер знатный. А потому поделом.

Здесь же дело иное. Есть на Иване вина иль нет, непонятно, но помочь с побегом – это одно, а резать неповинных служак – совсем иное. Так что Карпов его прекрасно понимал. Но…

– А кто говорит о том, чтобы их порешить? Оглушить на время, только и всего.

– Если эдак, то вскорости они очнутся и тогда тревогу поднимут. Успеем ли мы таким числом уйти? Толпой слишком во дворец Хованских не пробраться. А тебя велено туда препроводить.

Вот оно что. Ирина свет Васильевна. Это ее рук дело. Получается, узнав о том, что по-иному вызволить его не получится, решила освободить чужими руками, чтобы ни самой не подставляться, ни супруга не подводить. Доставил в целости и невредимости, а кто уж там прошляпил, не ее забота.

Если кто-то приметит трех путников, в ночную пору прошедших в ее дворец, который достался от первого мужа и перейдет по наследству к старшему сыну, Хованскому, то ничего страшного. Ну мало ли кто и по какой такой надобности приходил. А вот визит толпы в дюжину рыл объяснить уже куда как сложнее.

– Не могу я их тут оставить. Ты знаешь, по какому обвинению меня

арестовали?

– Нет.

– Ну так поверь – по серьезному. Тут посягательством на престол пахнет. Не гляди так. То ложь. Но ложь ловкая. Такая ловкая, что и не отмоюсь. А значит, ребяток на дыбу могут потянуть. Так что бросить их я не могу. Значит, так. Меняю план. Выводим всех. Москву они знают хорошо, а потому и сами уйдут за городскую стену. Чай, лазов разных хватает. Мы же – во дворец к Хованской. Стражники на воротах в тулупах?

– В тулупах, – подтвердил Борис.

– Смена через сколько?

– Примерно через час.

– Вот и ладушки. Свяжем, кляп в рот. До смены не замерзнут. А там пока поднимут тревогу, пока то да се. Успеем, – убежденно произнес Иван. – Только сначала снять бы, – тряхнул он цепями.

– Тут рядом пыточная, там и кузня, и Емеля поджидаст, – с готовностью доложил Борис.

Вскоре цепи с рук и ног пали, а товарищи предстали перед Карповым. Это был самый настоящий костяк его сотни. Парни, проверенные в боях и верящие ему. И это была еще одна причина, отчего Иван решил прихватить их с собой. Выжить в этом мире в одиночку – задачка непростая. И если рядом есть надежное плечо, это дорогостоящее.

– Братцы, вы только верьте мне. Взяли меня по оговору. Да так уж случилось, что и вас приписали к тому делу.

– А к какому делу-то, Иван Архипович? – задал вопрос Артем.

Полусотенный по молчаливому договору, ну и в силу привычки к субординации, стоял в первом ряду. Пыточная хотя и казалась просторной, при таком количестве народа выказала свою тесноту. А и то, немалую ее часть занимали всевозможные механизмы, потребные для дознания.

Отчего он собрал всех тут? А где еще-то. Не в коридоре же, в самом-то деле. Там звуки раздаются достаточно далеко. Эдак углядит кто, что народ в побег подался, и поднимет шумиху. Причины могут быть самыми разными. Кто-то понадеется в обмен за такую услугу получить милость. Другой просто выставит условие непременно взять его с собой. Да мало ли. Словом, не стоит дразнить узников.

– То я после расскажу, – покачав головой, ответил полусотенному Иван. – Сейчас же просто знайте: если останетесь, то дыбы вам не миновать, не глядите, что в железо закован был я один. Но если кто мне не верит, может остаться.

Иван поочередно осмотрел всех парней, большинство из которых едва

угадывались в неровном свете единственного фонаря.

– И куда мы, Иван Архипович? – поинтересовался один из парней, Игорь.

Никакого сомнения. Только любопытство. Этот хотя и был из первого десятка, тем не менее не рос с Иваном вместе. Появился он в его жизни уже в бытность стрельцом. Но Игорь прошел с Карповым весь боевой путь от Урала до Крыма, а потому верил своему командиру.

– Со мной не пропадете. Просто поверьте мне, братцы.

Пыточная тут же наполнилась приглушенным гулом. Мол, верим, чего уж там. Никогда не подводил, из любой передряги вынимал, жизнью обязаны. Только веди побыстрее отсюда, ибо в застенках не больно-то нравится.

– Артем, – обратился Иван к полусотенному, – помнишь овраг, где мы нашу лесную кузню устраивали?

– Помню, конечно.

– Выводи людей туда. Чай, лазы и проломы в стенах еще не позабыли. Ждите меня там. Никуда нос не высовывайте. Гришка.

– Я, господин сотник.

– Ты у нас самый лучший по части скрытности. Так что укроешь стоянку, чтобы с собаками не сыскали.

– Сделаю.

– Я приду уже следующей ночью. Приду, что бы ни случилось. А потом мы уйдем. Куда? Пока не знаю. Знаю одно – в московских землях нам покоя не будет. Ну да ничего, не пропадем. Жить станем еще лучше прежнего. Это я вам крепко обещаю.

Сам побег прошел как-то буднично и совсем тихо. Всего потребовалось оглоушить четверых караульных, которые без опаски допустили к себе Емелю и Бориса. Правда, только двое из них оказались в тулуках. Поэтому озабочились тем, чтобы занести связанных стражников в здание. Не нужен Ивану кровавый след, тянувшийся за ним.

Едва покинули территорию острога, как тут же разошлись. Иван с Емелем и Борисом двинулись к дворцу Хованских, что в Китай-городе. Стрельцы же направились в северо-восточном направлении. Имелся там участок с полуобвалившейся стеной, вполне пригодный для преодоления. Потом к уже хорошо знакомому лазу в стене Белого города, где приголубили иезуитов. И дальше пустырями Земляного города и за его пределы.

Дворец встретил их темными провалами окон и полной тишиной. Даже сторожевых псов не спустили. Впрочем, с появлением трех гостей все

изменилось. Как только они скрылись в подвале дворца, четвероногие сторожа тут же выскользнули из псаарни, тихо поскуливая от удовольствия.

А и то. Сколько можно измываться. Они уж привыкли с наступлением темноты бегать на воле. А тут полночи пришлось провести в тесных вольерах. Поэтому когда вскоре по улице начали двигаться группы отчего-то всполошившихся людей, псины, преисполненные чувства долга, обляяли их, ясно показывая, что за чугунную ограду лучше не соваться.

– Ну здравствуй, Ваня, – спустившись в допросную и окидывая его внимательным изучающим взглядом, поздоровалась великая княгиня.

– И тебе здоровья, Ирина Васильевна, – кланяясь, ответил он ей. – Твоими стараниями?

– Моими.

– И как?

– Да просто все. Когда поняла, что Николая не переубедить, взяла за холку твоего Кузьму и предложила по доброй воле помочь его благодетелю. Ну а тому и деваться было некуда.

– Так-таки и некуда? А ну как в ноги государю упал бы?

– И какой ему с того прок? То-то и оно. И потом, коли я его на дело подряжаю, знать, и не такое уж это преступление. Просто болтать лишнего не надо.

– Ясно.

Действительно ясно. Глупого вопроса, к чему ей это все, Иван задавать не стал. И так понятно. Любит она его. Да, оставила, да, вышла замуж за другого, да, как та Татьяна у Пушкина, будет век ему верна. Но Ивана любит по-прежнему.

– Спасибо тебе, Ирина.

– Не благодари. Потому как не за что. Придется тебе посидеть тут несколько дней. А потом уж, когда шум поутихнет, выберешься за город.

– Не могу, Ирина Васильевна. Прости, но так уж вышло, что бежал я не один. Пришлось прихватить с собой моих стрельцов.

– Их-то к чему сорвал? – недовольно нахмурилась Ирина.

– А что мне было делать? Оставлять для потехи заплечных дел мастерам? Прости, но я своих не бросаю.

– И что им угрожало? Чай, они на честь царской семьи не покушались. Допросили бы да отпустили.

– И ради этого стоило их тащить за тридевять земель? Коль скоро тебе не удалось убедить Николая в моей невиновности, то и гарантировать, что сумеешь оградить парней от беды, когда мой побег обнаружится, ты не можешь.

– Хм. Ну что ж, твоя правда. Этого я обещать не могу, – вынуждена была признать княгиня. А потом перевела беседу в иное русло: – Куда думаешь теперь?

– Да пока и не думал, – пожал плечами Иван. – Для начала подальше от Москвы. А там видно будет. Не пропаду.

– А я и не сомневаюсь. Кстати, а почему бы тебе не отправиться в Псков?

– В Псков? – взметнул брови Иван. – Изdevаешься? Да к чему тогда было бежать из узилища? Там же московский князь на столе сидит. И сам Псков вот-вот под руку русского царя пойдет.

– Там не все так просто. Московский-то князь сидит, и даже великая княгиня из Рюриковичей рядом. Но они ничегошеньки не решают. Потому как вся полнота власти в руках бояр, кои никак промеж собой не решат, куда склониться. Вот и застыло все в равновесии.

– А разве Елизавета Дмитриевна не перетянет чашу в сторону Москвы? Иначе к чему было ее туда отправлять? – усомнился Иван.

– В конце концов перетянет. Если жива останется.

– Вот даже как? То есть мне не просто бежать в Псков, но еще и охранять ее? А кто я такой, чтобы быть подле нее? Мужу ее обо мне все обскажете? И вообще, как только я встану на пути убийц, бояре быстренько со мной разберутся. Скрутят в бараний рог и выдадут Николаю.

– Не скрутят. И ты только одним своим присутствием будешь ее охранять. Причем даже находясь за десятки верст от крома^[15].

– Это как это? – искренне удивился Иван.

– А так. Мы, Рюриковичи, делать что-либо наполовину не умеем. Коли ненавидим, так всей душой, коли любим, так без остатка. Лиза не сможет с собой ничего поделать и станет тебя защищать. А значит, и брата против себя настроит.

– Ты сама сказала, что ни она, ни ее муж в Пскове ничего не решают. Во всяком случае, пока. Так что и защитить она меня не сможет.

– Не решают. Но к Боярской думе она обратиться сможет. И обратится, не сомневайся. А тут уж противники Москвы объединятся, встанут на твою защиту и не отадут в Москву. Не потому, что ты им интересен. А потому, что с твоей помощью смогут вбить клин между Лизой и Николаем. Народ в ней уже души не чает. Заполучив же ее, бояре окончательно отринут Псков от Москвы. Так что они станут беречь и ее, и тебя пуще глаза.

– Ладно. Допустим. Но мне-то это зачем? Чтобы в итоге оказаться на плахе?

– Ну-у... До той поры минует несколько лет. А там, глядишь, и

Николай в разум войдет.

— Как же я сразу-то не догадался, — чуть ли не простонал Иван. — Николаю обо всем известно. Мало того, это его интрига, — вперив в Ирину внимательный взгляд, выдал он.

— Я всегда знала, что ты у меня разумник, Ванечка. Жаль, что все так-то сошлось, — с гордостью за своего любимого сказала Ирина. — Это не его интрига. Моя. Николай и впрямь поначалу взъярился. Но потом мне все же удалось все разложить по полочкам и убедить его в полной твоей невиновности. Однако было бы глупо не воспользоваться представившимся случаем.

— Ирина, признаешься, я подумывал отправиться за Урал и обосноваться на границе с Китаем. Места там, богатые рудами. Поставил бы заводы и стал торговать с Поднебесной. Несколько лет — и чтобы меня сковырнуть, потребовалась бы настоящая армия. То есть там я был бы практически в полной безопасности.

— А как же присяга, долг? Как Лиза? Ну не любишь ты ее и что с того? Ты готов вот так просто отдать на растерзание ту, которая любит тебя и согласна без оглядки броситься на твое спасение?

— О чём это ты? — с явным смущением буркнул Иван.

— О том, что Меншиков застал вас, когда вы целовались, — едва не шипя, выдала Ирина.

Алексашка теперь не видел причин молчать. Ведь как только дело дойдет до Лизы, та непременно станет его обвинять. Поэтому он рассказал о том случае в мастерской. Как и о заступничестве царевны, то есть теперь великой княгини.

— Я с ней не целовался, — глядя Ирине прямо в глаза, твердо сказал Иван. — Я тогда стоял столбом, пока она меня целовала, и думал о том, как бы на плаху не угодить.

— Я знаю. Лиза все рассказала Даше, а та написала мне, — примирительным тоном произнесла Ирина. — Но сути-то это не меняет. Да и Псков куда предпочтительнее глухой Сибири.

Действительно предпочтительнее. Ведь что получается. Николай вовсе не гневается на Ивана. Хотя все выглядит как раз наоборот. Сам Карпов будет в безопасности что со стороны Москвы, что со стороны Пскова и одним своим присутствием оградит от неприятностей Лизу. Иезуиты? Ну, от этих не укрыться и в Сибири. Они, заразы, есть даже в Китае. Словом...

— Ну что же, Ирина Васильевна, Псков — значит, Псков, — решительно рубанул Иван.

— Вот и договорились, — мило улыбнулась великая княгиня.

---

notes

Сноски

1

Пуля в форме воланчика – одна из форм пулек для пневматических винтовок. В данном случае главный герой ее модернизировал под свои потребности, заменив пустотелую юбку на полнотелую для возможности использования трубчатого магазина и увеличения массы пули. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

2

Заступ – старинное название лопаты.

3

Здесь подразумевается четвертая по старшинству должность в иезуитской иерархии.

4

Зимний мясоед – отрезок зимы между Крещением и Масленицей, считавшийся благоприятным временем для свадеб.

5

Дощаник – плоскодонное несамоходное деревянное речное судно небольшого размера с палубой (или полупалубой) и одной мачтой, использовавшееся – главным образом для транспортных целей – на большинстве рек России. Грузоподъемность от 7 до 200 тонн. По доставке грузов разбирались на материалы и дрова.

6

Варницы – русское название машикулей, навесных бойниц, расположенных в верхней части крепостных стен и башен, предназначенных главным образом для вертикального обстрела штурмующего стены противника стрелами или ручным огнестрельным оружием, сбрасывания камней, выливания кипятка и смолы.

7

Буюк-бashi – в турецкой армии командир роты или сотник.

8

Топчи – турецкие пушкари.

9

Капудан-паша – командующий флотом.

10

Аршин – 0,71 метра.

11

Апроши – глубокие зигзагообразные рвы (траншеи) с внешней насыпью, служащие для безопасного приближения к атакованному фронту крепости или другого укрепрайона, которые используются для прикрытия от выстрелов сообщения с параллелями, промежуточными узлами и осадными батареями; поэтому aproши называли также «ходами сообщений». Со временем последнее название практически вытеснило предыдущее.

12

«Кырмызи чичак» – «Красный цветок» (*tүреңк.*).

13

Кафа – Феодосия.

14

Пригород – В Псковской республике города-крепости, защищавшие подступы к Пскову. Они играли также роль торговых пунктов, обеспечивающих удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу. Одни пригороды строились, другие разорялись, но их никогда не было больше двенадцати, а население редко превышало тысячу человек.

15

Кром – псковский кремль.